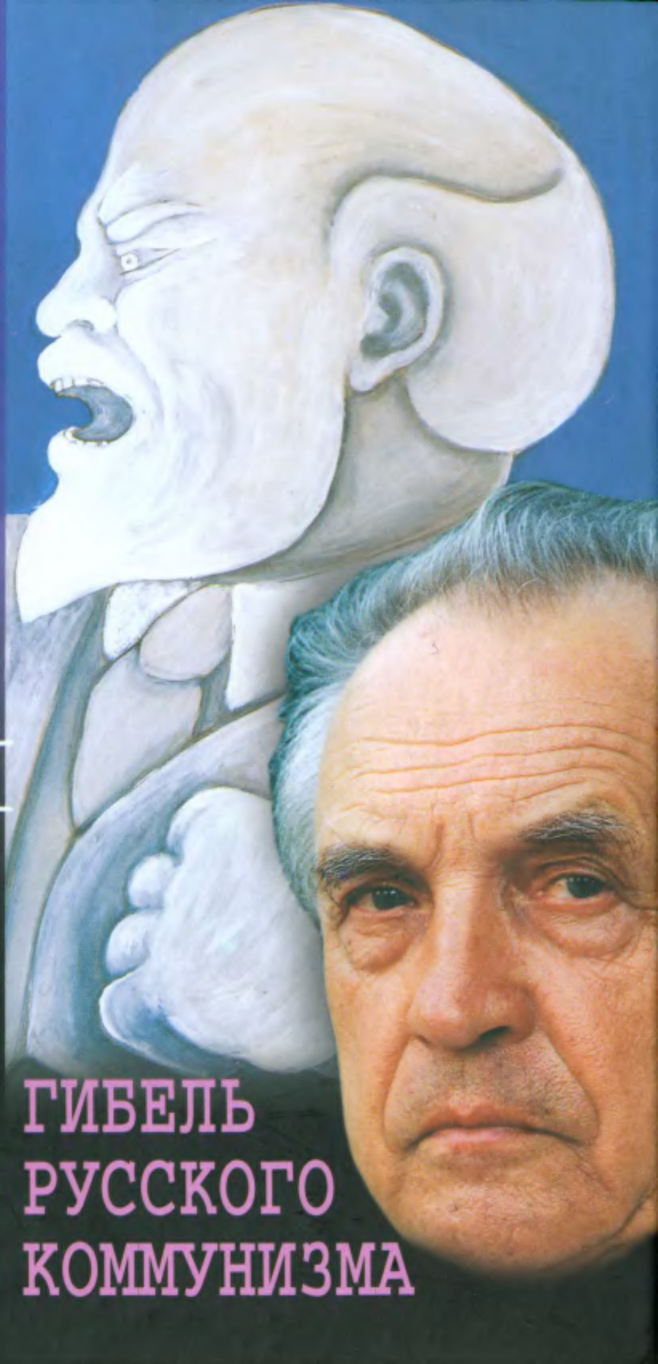
АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ГИБЕЛЬ РУССКОГО КОММУНИЗМА

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ГИБЕЛЬ РУССКОГО КОММУНИЗМА

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2001

УДК 82-96
ББК 87.3(2)6
363

AlVaKo 18/04/2014

В оформлении книги
использована картина *А. Зиновьева* «Вперед»

Художник И.А. Озеров

Зиновьев А.А.

363 Гибель русского коммунизма. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 431 с.

ISBN 5-227-01229-6

В книгу знаменитого писателя А.А. Зиновьева вошли очерк «Гибель русского коммунизма» (в России публикуется впервые), статьи эмиграционного периода, а также статьи и публичные выступления 2000 года. Почему и как произошел в России антикоммунистический переворот, к каким последствиям он привел, в каком положении оказалась страна по отношению к глобальному сверхобществу и каковы его перспективы в новом тысячелетии. К решению этих проблем А.А. Зиновьев подходит с позиции своей оригинальной социологической теории, которая неоднократно позволяла ему делать подтвердившиеся прогнозы.

УДК 82-96
ББК 87.3(2)6

© Зиновьев А.А., 2001
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01229-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1985—1999 годы в нашей стране произошел судьбоносный социальный перелом. Как и почему он произошел? Что мы потеряли вследствие его? Что мы приобрели благодаря ему? Что нас ждет на основе его результатов в обозримом будущем? В моих многочисленных публикациях и публичных выступлениях я высказывал мои суждения на эти темы. Упомяну, в частности, мои публикации «Кризис коммунизма» (1990), «Русский эксперимент» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «На пути к сверхобществу» (2000) и «Глобальное общество и Россия» (2000). Но ряд моих работ до сих пор не опубликованы в России, другие рассеяны по газетам и журналам, третьи изданы настолько малыми тиражами, что практически недоступны заинтересованным читателям. Многочисленные читатели и слушатели высказывали мне просьбу изложить мои соображения по упомянутым темам по возможности систематично. Будучи не в состоянии выполнить эту просьбу сейчас, я отобрал наиболее важные из уже опубликованных моих работ и поместил их в этот сборник. Сборник состоит из трех частей. В первую часть вошел очерк «Гибель русского коммунизма», написанный в 1994 году и опуб-

ликованный в Италии и затем Испании. Во вторую часть вошли статьи, написанные в 1997—1999 годы, еще до возвращения в Россию из эмиграции. Эти статьи, как и очерк, помещенный в первую часть, относятся к горбачевско-ельцинскому периоду. Они публиковались в различных западных и российских газетах и журналах. В третью часть вошли статьи и публичные выступления, относящиеся к путинскому периоду и опубликованные в различных российских газетах, журналах и сборниках уже после возвращения в Россию из эмиграции, причем уже в 2000 году. В связи с тем, что помещенные в сборник работы создавались для различных аудиторий и изданий, но касались одного и того же круга тем, приходилось одни и те же суждения высказывать многократно. Так что читателю придется примириться с неизбежными повторами.

А. Зиновьев

Москва, ноябрь 2000 г.

Часть первая

ГИБЕЛЬ РУССКОГО КОММУНИЗМА

ДИКТАТУРА ВО ИМЯ... ДЕМОКРАТИИ

На Западе безраздельно господствует убеждение, будто Россия эволюционирует от коммунизма к западной демократии. После того как русские войска в октябре 1993 года по приказу президента Ельцина утопили в крови законодательный орган России — Верховный Совет, восторги на Западе по поводу мнимого приобщения России к благам западной цивилизации несколько снизились. Западные политики весьма робко и в завуалированной форме признали, что Россия идет к некоему «авторитарному режиму», а если быть более откровенным — к диктатуре. Но они тут же успокоили мировое общественное мнение, которое, кстати сказать, проявило поразительное равнодушие к одному из самых кровавых и позорных событий современности и не нуждалось ни в каком успокоении, что это — диктатура, но диктатура во имя... демократии! Даже в нашу эпоху, когда человечество погружено в трясину идеологически-пропагандистской лжи, трудно вообразить более лицемерную оценку одного из самых трагичных событий не только русской, но вообще мировой истории.

Что на самом деле происходит в России, если попытаться пробиться через оболочку идеологической

лжи, опутывающей все важнейшие события современности, и углубиться до сущности реального эволюционного процесса, начавшегося в 1985 году? Ответить на этот вопрос не так-то просто даже при искреннем желании говорить правду, только правду и всю правду. События в России суть неотъемлемая часть мирового и эпохального процесса. Но это — такая часть, в которой сконцентрировались, сфокусировались все основные черты этого процесса. Можно сказать, что тут проходила линия фронта глобальной и эпохальной исторической войны, тут происходили основные ее битвы, определившие весь ход последующей эволюции человечества. Объективное и всестороннее исследование этого феномена есть дело будущего, по всей вероятности — отдаленного, когда он перестанет (если, конечно, вообще когда-либо перестанет!) больно затрагивать чувства и интересы людей. Я хочу лишь привлечь внимание читателя к таким его аспектам, о которых во всем мире принято либо умалчивать совсем, либо говорить заведомую ложь и чепуху.

ДВЕ ЛИНИИ ПРОЦЕССА

В эволюционном процессе в России, о котором пойдет здесь речь, переплелись воедино две взаимоисключающие и вместе с тем взаимообусловливающие линии. Одна из них имеет источники во внутренних условиях советского (российского) общества, а другая — в его взаимоотношениях с Западом. Явления каждой из них нельзя понять, игнорируя явления другой. Тем не менее в интересах анализа полезно рассмотреть их сначала по отдельности и затем обратиться к рассмотрению их совокупного действия.

Главным, на мой взгляд, в эволюции России по первой из упомянутых линий было созревание все-

стороннего кризиса советского общества и стремление высшего руководства страны перейти от брежневистского типа управления к сталинистскому. Главным в эволюции по второй линии было поражение Советского Союза в «холодной войне» с Западом, капитулянтская и предательская политика высшего руководства страны и насильственная ее западнизация. Результатом совокупного действия этих линий явилось разрушение всех основ советского и затем российского общества и установление в стране режима, который я называю колониальной демократией.

Поскольку главный персонаж моего очерка — коммунизм, то я и начну с разговора о том, что это такое. Это нелишне сделать хотя бы уже потому, что ничто другое не было подвергнуто такому идеологическому извращению, как этот вроде бы общеизвестный и грандиознейший феномен XX столетия, причинивший столько хлопот человечеству.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ КОММУНИЗМА

Прежде всего надо четко различать коммунизм как идеологию (то есть как совокупность идей) и коммунизм как реальность (то есть как определенный тип организации общества, существующий или существовавший в реальности). Различие их, казалось бы, очевидно. Тем не менее их постоянно смешивают. И происходит это не столько из-за недисциплинированности мышления, сколько в силу идеологического предрассудка, будто реальное коммунистическое общество есть точное воплощение идеологического проекта.

Обычно, говоря о коммунистической идеологии, имеют в виду ее самую развитую и грандиозную форму, а именно — марксизм. Но ведь даже школьники знают, что идеи коммунистического общества

задолго до Маркса высказал английский мыслитель и государственный деятель Томас Мор. В 1516 году он опубликовал свою знаменитую и, я в этом уверен, бессмертную книгу, которую для краткости стали называть «Утопией». В ней он изложил идеи относительно идеального общества, которые потом вошли в описание «полного коммунизма» Маркса. Через сто лет после Мора (в 1623 году) итальянец Томазо Кампанелла написал книгу «Государство Солнца». В ней он изложил проект идеального общества, близкий по основным идеям проекту Мора. Те же идеи до Маркса развивали французы Мабли, Кабе, Сен-Симон и Фурье, а также англичанин Оуэн.

Маркс придал идеям коммунизма такой вид, что коммунистическая идеология стала первой в истории человечества массовой идеологией в строгом смысле слова и сыграла огромную историческую роль. Марксизм стал идеологией революционных и реформаторских партий, был внесен в массы путем систематической пропаганды. Вплоть до 1917 года идеи коммунистического общества были монополией западных интеллектуалов. В Россию, будущую родину реального коммунизма, они были занесены с Запада. Так что, встав на путь воинствующего антикоммунизма, Запад обрушился на свое собственное детище.

Взаимоотношения между идеологией и реальностью коммунизма ни в коем случае не сводятся к отношению проекта и его реализации. Первая возникла в одних исторических условиях, на базе одного жизненного материала. Она возникла и формировалась по специфическим законам феноменов такого рода. Вторая же возникла в других исторических условиях, на базе другого жизненного материала, не в центре, а на периферии западной цивилизации. Она

возникла и сформировалась по объективным социальным законам, ничего общего не имеющим с законами идеологии. В этом расхождении лежало изначальное противоречие, со временем послужившее одной из причин краха марксистской идеологии.

Коммунистический социальный строй (реальный коммунизм) сложился в России не в октябре 1917 года, а после него. На его формирование ушло несколько десятилетий, причем в таких по степени трудности условиях, что он так и не успел сложиться полностью и развить все заложенные в нем потенции. Он сложился не по марксистскому проекту. Строго говоря, такого проекта вообще не было в марксизме, за таковой потом стали выдавать хаотичные и, как правило, бессмысленные высказывания классиков марксизма, которые они наверняка воздержались бы делать, если бы всерьез верили в реализуемость их «научного коммунизма». Сам Ленин отрицал возможность социалистической (коммунистической) революции в России за несколько дней до начала революционного кризиса 1917 года.

Реальный коммунизм возник в России вопреки фундаментальным принципам марксизма, в отсталой крестьянской стране со слабо развитыми капиталистическими отношениями, что и послужило одним из условий успеха коммунистического «эксперимента». Он сложился в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм в условиях полного развала всех основ предшествовавшего общественного строя. Он явился не покорным воплощением в жизнь распоряжений вождей и рекомендаций идеологов, как правило либо бессмысленных, либо заведомо невыполнимых, либо обрекавших миллионы людей на гибель, а результатом великого исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще не имели понятия о марксизме, либо знали о нем весь-

ма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский «проект».

Марксизм оказался удобным для России, веками привыкшей к низкопоклонству перед всем западным, как заграничная «штучка», которая как бы освящала творимое неким высшим авторитетом.

Социальный строй, сложившийся в России после 1917 года, в некоторых чертах напоминал марксистский «проект», например были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения приобрели гарантии удовлетворения основных жизненных потребностей и т. д. Но во многом другом он резко отличался от этого «проекта», например — государство не отмерло, как обещали марксисты, а, наоборот, расширилось и усилилось сравнительно с государством дореволюционной России. Не исчезли деньги. Не исчезло материальное и социальное неравенство.

Но как бы то ни было, социальный строй Советской России стали называть коммунистическим. Это соответствовало желаниям как западной, так и советской идеологии. Коммунисты-марксисты считали его воплощением своего учения. И во многих других странах мира аналогичный строй устанавливался именно с таким убеждением и назывался коммунистическим. Так что я, говоря о реальном коммунизме (или для краткости просто о коммунизме) или о коммунистическом социальном строе, имею в виду не некое воображаемое идеальное общественное устройство, а вполне реальный тип такого устройства, который можно было видеть во многих странах мира и классическим образцом которого может служить социальный строй в России, возникший после 1917 года и существовавший до начала эпохи реформ.

Хотя реальный коммунизм существовал в России почти семьдесят лет, научное его понимание в России так и не было создано. Ничего удивительного, однако, в этом нет. Марксистское учение о коммунизме («научный коммунизм») было явлением чисто идеологическим. С наукой оно не имело ничего общего, хотя и претендовало на статус некоей высшей науки. Его презирали даже сами идеологи. Естественно, советские идеологи истребляли всякие попытки развить научный взгляд на коммунизм. Впрочем, серьезных попыток такого рода вообще не было не только из-за идеологических запретов, но и по ряду причин иного рода. На роль правдивого понимания коммунизма претендовала критическая и разоблачительная литература. Но и она не выходила за рамки идеологического способа мышления. Она точно так же создавала идеологически ложную картину коммунистического общества, лишь с иной направленностью. За истину тут воспринимался факт критичности. Чем больше чернилось все советское и вообще коммунистическое, тем истиннее это казалось или истолковывалось так умышленно в интересах антикоммунистической пропаганды.

На Западе положение было не лучше. Если советская идеология боялась обнаружения закономерности дефектов коммунизма и разоблачения абсурдности коммунистического идеала, то западная идеология боялась признания достоинств коммунизма реального. Параллелизм их был удивительный. Например, советская идеология утверждала, будто советское общество построено согласно гениальным предначертаниям «научного коммунизма» Маркса и Ленина. Западная идеология утверждала, будто в основе советского коммунизма лежит вздорная утопия глупого Маркса и кровожадного

Ленина. Советская идеология утверждала, будто коммунистические социальные отношения никогда и нигде до 1917 года не существовали, будто они начали складываться только после революции по планам коммунистов. Западная идеология утверждала, будто эти отношения были навязаны массам советского населения силой и обманом советскими властями после революции. Такого рода параллелизм можно увидеть по всем важнейшим проблемам, касающимся понимания коммунизма.

С точки зрения научных критериев утверждения советской и западной идеологии были однопорядковыми. Сходным оказалось и их влияние на умы людей. Если, например, коммунистический социальный строй в Советском Союзе не имеет никаких общечеловеческих корней и никаких предпосылок в прошлой истории России, если он сначала был выдуман в теории и затем как-то навязан населению страны, то его тем же путем можно изменить в желаемом духе или даже отменить совсем. Именно такой идеологический идиотизм владел сознанием будущих советских реформаторов, прошедших школу идеологической обработки в советских учебных заведениях и в партийном аппарате.

Выше я упомянул об обстоятельствах помимо идеологических запретов, затруднивших научное понимание коммунизма. Понять такой огромный новый социальный феномен не так-то просто, если даже устранить все идеологические препятствия и всячески поощрять его познание. Исторический опыт коммунизма был все-таки слишком коротким. При этом он возник и существовал в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Вся его история была непрерывной борьбой за выживание против превосходящих сил Запада. И теперь трудно различить, что следует отнести к преходящим явлениям его созревания и что к существенным, постоянным явлениям зрелости. Например, в системе

власти коммунистической России имело место своеобразное двоевластие. Были Советы, выбиравшиеся путем прямых, всеобщих и тайных выборов. И был партийный аппарат, формировавшийся совсем иными путями. Считать это преходящим явлением или зрелой формой коммунистической системы власти? История ответа на этот вопрос не дала, а теоретически тут одинаково допустимы различные варианты.

Чтобы понять коммунизм, надо различать конкретные страны, в которых он появился и существовал, и коммунизм как таковой, то есть как социальный феномен, независимый от особенностей этих стран. Не все, что имело место в этих странах в коммунистический период их истории, связано именно с коммунизмом. И не все, что должно войти в научное описание коммунизма, можно заметить в любой стране, где он имел место. Коммунизм нигде не существовал в «чистом виде», везде был погружен в среду иного рода. Даже в России, где он был ближе всего к «чистому» образцу, практически невозможно отделить то, что шло от особенностей русской истории и характера населения, от того, что шло от коммунизма как такового. Все то плохое, что случилось в советский период русской истории, критики коммунизма и антикоммунисты свалили на коммунизм, хотя с гораздо большими основаниями можно было утверждать, что именно благодаря коммунизму России удалось избежать зол более страшных. И никаких научных критериев для истинных суждений тут нет. И вряд ли они когда-либо появятся.

Чтобы понять сущность коммунизма, надо различать то, что есть проявление универсальных социальных законов, имеющих силу в любом обществе, и то, что относится к действию специфических законов коммунизма. Например, государственно-бюрократический аппарат в западных странах был развит не менее сильно, чем в коммунистических, а то и посиль-

нее. И аппарат этот обладает теми же пороками, что и в коммунистических странах. По степени коррумпированности он даже превосходит советский. А идеологическое оболванивание масс в коммунистических странах выглядит просто детской забавой в сравнении с тем, как это делается на Западе.

Людей во всем мире в течение десятилетий волновало то, что на самом деле существовало в Советском Союзе. И именно это явление они называли коммунизмом, не думая о том, правильно или нет они используют это название. Поэтому на вопрос о том, что такое реальный коммунизм, я отвечал всегда так: это — тип общественного устройства, которое в наиболее развитой для нашего времени форме можно наблюдать в Советском Союзе. А что он из себя представляет конкретно, это должен выяснить его анализ по правилам науки, а не идеологии и пропаганды.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ КОММУНИЗМА

Коммунизм не есть чистый продукт человеческой фантазии. Он имеет вполне реальные корни в жизни общества. Причем эти корни существуют в самых различных человеческих объединениях. Существовали они и в дореволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Что это за корни? Дело в том, что в жизни всякого человеческого общества можно заметить два аспекта — деловой и коммунальный. В первом аспекте люди занимаются каким-то общественно полезным делом, и прежде всего — производством жизненных благ. Во втором аспекте люди совершают поступки и вступают во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение. К явлениям второго аспек-

та (к явлениям коммунальности) относятся, например, объединения людей в группы, государственные учреждения, полиция, армия, партии, профсоюзы, преступные организации, религиозные феномены, взаимная вражда и т. п.

Роль этих аспектов в различных обществах может быть различной. Бывает, что один из них подчиняет себе другой и даже заглушает его. Я утверждаю, что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и коммунистическим. Западное общество в основе своей организуется по законам делового аспекта, которые оказывают решающее влияние и на аспект коммунальный. Коммунистическое общество организуется прежде всего по законам коммунального аспекта, которые оказывают определяющее влияние и на деловой аспект.

Явления коммунальности разнообразны. И далеко не все они вошли в коммунизм в качестве его элементов. Коммунизм, вырастая из явлений коммунальности одного рода, всю свою короткую историю вел ожесточенную борьбу против явлений коммунальности иного рода. Нельзя все зло приписывать коммунизму. Коммунизм вообще не добро и не зло, а лишь определенный тип организации общества. И если он потерпел поражение, то его осилили именно те явления коммунальности, против которых он боролся, поддержанные внешними врагами.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В антисоветской и антикоммунистической пропаганде распространялось утверждение, будто коммунизм есть уклонение от некоего нормального хода

истории. В действительности коммунизм принадлежит к такому типу организации больших масс людей в единое целое, который являлся и является обычным и широко распространенным. При этом типе организации доминирующей является не добровольная самоорганизация масс людей снизу, как это имело место, например, в истории становления США, а принудительная организация сверху, как это имело место, например, в истории России с первых же дней ее существования. Коммунизм развил этот тип организации до предела, обнажив все его достоинства и недостатки.

Организация общества сверху не имеет ничего общего с идеологическим утверждением, будто коммунизм сначала был выдуман кем-то и затем сверху навязан людям. Коммунизм сам есть средство организации общества сверху. При этом типе организации решающая роль в объединении людей в целое принадлежит системе государственности, а не другим факторам, в том числе — не экономике. Тут структурирование системы власти и управления образует основу социального структурирования вообще. В России феодальный класс формировался из служащих государства, которые за свою службу получали плату в виде земель и людей, которых тут было в изобилии. А перед революцией 1917 года число государственных чиновников, получивших за службу дворянские звания, превысило число наследственных дворян.

Коммунистическое общество в России возникло не в качестве случайного исключения из общих законов социальной эволюции, а в удивительном соответствии с ними. До революции в России происходило крушение феодальных социальных отношений, уже утративших сколько-нибудь значительную роль в обществе, и формирование капиталистических отношений, которые еще были слишком слабыми. Но одно-

временно происходило развитие социальных отношений, которые участниками жизненного процесса того времени не воспринимались как основа социальных отношений будущего коммунистического общества, а именно — отношения людей к грандиозному государственному аппарату и отношения людей внутри этого аппарата.

В результате Октябрьской революции 1917 года в России были ликвидированы классы частных собственников, — исчезли феодальные и капиталистические отношения. Была вроде бы разрушена также система власти царизма. Именно вроде бы! На месте разрушенного государственного аппарата царизма с поразительной быстротой сложился новый государственный аппарат, который, став законным наследником аппарата царизма, превзошел его во всех отношениях, ибо он стал безраздельным властелином общества. И полный простор получили социальные отношения, которые ранее были перемешаны и слитны с отношениями феодализма и капитализма, не выделяясь в качестве специфических отношений будущего коммунизма. Эти отношения, в какой бы форме они ни проявлялись и ни осознавались людьми, были на самом деле привычными для десятков миллионов людей Российской империи. Для них революционный перелом не был на самом деле таким уж радикальным, как это выглядело на поверхности событий и с точки зрения тех, кто сбрасывался с арены истории.

Всякую революцию можно рассматривать с различных точек зрения, — с точки зрения причин, приведших к ней, участников революции, ее движущих сил, ее лидеров, ее конкретного хода, ее последствий для различных слоев населения и т. д. Но все это не есть рассмотрение социальной сущности революции. Последняя определяется тем, какие социальные отношения стали господствующими в после-

революционном обществе, какие социальные слои потерпели поражение и какие получили преимущества, стали играть решающую роль, расти и укрепляться.

Сущность русской революции проявлялась не в отдельных ярких событиях, поражавших воображение современников, а в будничной жизни миллионов людей. А то, что для живших в то время людей казалось самым обыденным и заурядным, не привлекало их исторического внимания. Сломали одни конторы и учреждения власти, но тут же создали новые, с точки зрения вовлеченных в их работу людей мало отличавшиеся от прежних. Масса чиновников пристраивалась в новых учреждениях. Многие офицеры стали командирами новой армии. Армия и милиция строились по привычным образцам — в соответствии с универсальными законами феноменов такого рода. В стране был накоплен колоссальный опыт организации общественного порядка, и люди действовали в соответствии с ним. Сфера власти и управления необычайно расширилась. Миллионы людей охотно шли в начальники и исполняли новые для них роли так, как будто были прирожденными начальниками или прошли специальную школу для этого. А между тем они просто заново открывали для себя примитивные правила начальствования, свойственные властям всех времен и народов.

Русская революция по своей социальной сущности была революцией чиновничьей не только в том смысле, что чиновник становился новым господином общества, но и в том смысле, что все граждане превращались в потенциальных и актуальных служащих государства. Хотел бы я знать, что случилось бы с Марксом, доживи он до этих лет, если бы он узнал, что самый огромный вклад в дело подготовки его коммунистического рая сделал русский царь Николай I, до необычайных высот раз-

вивший чиновничье-бюрократический строй России, а наиболее адекватным воплощением его идей явилось чиновничье-бюрократическое общество Советской России?!

Нельзя считать чистой случайностью тот факт, что реальный коммунизм впервые в истории появился именно в России, и тот факт, что после революции 1917 года в России сложилось общество именно такого типа. Среди множества факторов, ставших условиями для этого, свою роль сыграл и универсальный социальный закон исторической преемственности, который я формулирую так: если какое-то общество разрушается, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания, то из остатков этого общества может возникнуть новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному.

Русская история всегда была по преимуществу историей государственности, то есть исходящей от высшей власти и из столицы. Она такой осталась и после революции 1917 года. Более того, она усилилась в этом качестве. Население страны восприняло начало реформ в 1985 году прежде всего как новую установку высшей власти — Москвы, Кремля. И это внесло свою долю в ход событий.

ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ

В российской истории и в рассматриваемых здесь событиях многое останется непонятным, если не принимать во внимание всю совокупность природных факторов России, включая размеры страны, климат, почву, характер и традиции населяющих страну народов и т. д. Поразительно то, что эти факторы всегда игнорировались в суждениях о советском обществе. И вдвойне поразительно то, что

советские реформаторы, которые должны были бы знать их назубок и понимать их роль в жизни страны, начисто «позабыли» о них, пускаясь в перестроечную авантюру. Не нужно было быть гением, чтобы заранее знать, что разрушение существовавшего социального строя должно с необходимостью привести большинство регионов страны и народов к примитивному докоммунистическому состоянию, а не к подъему на уровень богатых стран Запада.

Теперь из кошмарного опыта даже круглым дуракам стало ясно, что с природными факторами нельзя не считаться. И тем не менее правители России до сих пор делают вид, как будто таковых вообще нет, а идеологи полностью их игнорируют в оценке сложившейся ситуации и ее причин. Что это такое?! Можно ли это объяснить лишь самоослеплением и помутнением умов?!

Самые элементарные расчеты показывают, что с теми природными факторами, какие имелись в России, достичь больше того, что было достигнуто в советский период, просто невозможно. Для этих природных факторов коммунизм был оптимальным способом их организации.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В истории России тот тип организации общества, частным случаем и вершиной которого явился коммунизм, был, повторяю, изначальным. Русские люди, истощив свои силы в нескончаемых междуусобицах, обратились к иноземным (варяжским) князьям с просьбой прийти к ним и править ими. Так что тут рассматриваемый способ организации не был результатом внешнего завоевания, он был результатом добровольного соглашения. Просто люди убедились на опыте, что они сами не в состоянии установить жела-

емый общественный порядок, и обратились за помощью к внешней силе, которая могла занять позицию над обществом.

Рассматриваемый тип организации общества для определенного человеческого материала и условий не менее естественен и адекватен, чем западный тип организации — для других. В наше время признание роли человеческого фактора в формировании и сохранении социальных систем стало фактически табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден: западная идеология стремится убедить всех, будто западный социальный строй является наилучшим и годится для всех народов мира. И тем более она не может даже допустить намека на то, что коммунистический строй лучше соответствует природе каких-то народов. Но абсолютно ничего расистского в том, что я сказал выше, нет. Более того, игнорировать качества человеческого материала в исследовании важнейших социальных феноменов современности — значит заведомо закрывать себе путь к их пониманию.

Я утверждаю, что одним из важнейших условий колоссального разрастания системы государственности в Российской империи и преобладания ее над прочими социальными силами был именно человеческий фактор, и прежде всего — качества русского народа, подобно тому, как общество западного типа было бы невозможно с иным человеческим материалом, чем тот, какой поставляли народы западных стран.

Не буду приводить те характеристики, какие давали посторонние наблюдатели народам, населявшим территорию будущей Российской империи и будущего Советского Союза со времен Геродота. Многое в них справедливо и выглядит так, будто они наблюдали не наших предков, а наших современников. Далеко не лестную характеристику русскому народу давали Пушкин, Лермонтов, Герцен, Чернышевский,

Чаадаев, Гоголь и многие другие известные личности, которые не были врагами русского народа, наоборот, любили его до боли души и страдали, видя его таким.

И я, давая резко критическую оценку русскому народу, делаю это как человек, принадлежащий к нему и страдающий за его судьбу.

Коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря национальному характеру русского народа, — вследствие его слабой способности к самоорганизации и самодисциплине, склонности к коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, способности легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, склонности смотреть на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска.

Вследствие своего национального характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет.

Коммунизм усилил отрицательные качества русского народа. Но одновременно он придал им в значительной мере конструктивный смысл. Благодаря коммунизму плохой человеческий материал мог функционировать более или менее терпимо, в сложившихся исторических условиях — ничуть не хуже того, какой мог бы быть оценен как хороший. Во

всяком случае, русский народ смог сохраниться как народ исторический лишь в качестве народа коммунистического. С любым другим строем он обречен на деградацию и гибель. Как показал опыт, удар по коммунизму в России оказался ударом по русскому народу. Впрочем, он и предназначался ему с самого начала, а коммунизм был лишь предлогом и маскировкой истинных намерений.

Но те же самые качества русского народа стали одной из важнейших причин краха коммунистического социального строя в России.

Все попытки привить русским людям наилучшие человеческие качества в течение более чем семидесятилетней советской истории потерпели крах не только и не столько из-за неспособности коммунистической системы осуществить это на деле, сколько из-за неспособности народа стать народом коммунистических ангелов. Ни скачок в культуре и образовании, ни прогресс в материальном и бытовом отношении не смогли улучшить русский национальный характер. Наоборот, произошла во многих отношениях деградация в смысле обострения и огрубления этого характера. Такую массовую эпидемию антипатриотизма, самоуничижения, пораженчества, холуйского низкопоклонства перед Западом, зависти к западным народам, подражания всему западному, особенно — порокам двурушничества и прямого предательства, какая началась после 1985 года, не допустил бы ни один европейский народ.

В советский период существовала всеобъемлющая система ограничений на поведение людей, — партийная и комсомольская организация, деловой коллектив, карательные органы, школа и высшие учебные заведения, идеологическая обработка, культура, семья. Все эти компоненты контроля за жизнью людей действовали совместно и согласованно. В этих рамках

люди с любыми качествами вели себя более или менее терпимо. В постсоветский период все эти ограничения были ликвидированы. Люди были предоставлены сами себе и влиянию развращающей пропаганды. И народ обнаружил в полную силу все свои природные качества, по преимуществу вызывающие гнев, омерзение и презрение.

ОСНОВНЫЕ ОПОРЫ КОММУНИЗМА

Коммунизм есть сложная система организации больших масс людей в единое целое. Основные опоры этой системы суть следующие три: 1) организация населения в стандартные первичные коллективы (клеточки); 2) единая, централизованная и иерархическая система власти и управления; 3) единая система воспитания и идеологической обработки населения. В постсоветский период именно они подверглись самым яростным атакам со стороны реформаторов.

Социальная организация населения

Коммунистическое общество имеет сложное строение. Но основу его структуры образует стандартная организация населения. Все взрослые и трудоспособные граждане объединяются в первичные деловые коллективы — в клеточки целого. Это — хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, фермы, магазины, школы, больницы и другие предприятия и учреждения, в которых граждане принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Разумеется, структура общества не сводится к клеточному строению.

Общество структурируется и во многих других аспектах. Но в любом из них основу образует клеточная структура. Клеточка есть общество в миниатюре, а общество в целом — многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка. Если хочешь понять сущность коммунизма, изучи сначала его клеточку.

Коммунистические клеточки создаются, преобразуются и уничтожаются решениями властей. Их статус устанавливается законодательно. При этом определяется характер и объем их деятельности, число и категории сотрудников, взаимоотношения с другими клеточками и государством. Они функционируют в рамках планов работы. Главный критерий оценки их работы — соблюдение того, что предписано им их статусом, и выполнение планов.

Для выполнения своих функций клеточка получает от общества средства вознаграждения сотрудников за их труд и необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и эксплуатирует их. Но они не есть его собственность. Все члены коллектива социально не различаются по отношению к средствам деятельности, как это имеет место в обществах иного типа, например — в феодальном и капиталистическом. Они различаются лишь в системе организации работы. Директор фабрики, например, находится в таком же социальном отношении к средствам деятельности, как подчиненные ему рабочие и служащие. Если одной фразой определить коммунизм с этой точки зрения, то можно сказать, что это — общество, в котором все работающие граждане суть служащие государства.

Все сотрудники клеточек суть наемные рабочие или служащие. Они принимаются на постоянную работу по профессии на неограниченный срок и могут быть уволены только в исключительных случаях. Причем и в этих случаях требуется решение суда и

согласие профсоюзной организации. Заработная плата устанавливается законом. Размер ее зависит от занимаемой должности, уровня квалификации и заслуг. Сотрудники клеточки получают основную зарплату независимо от реализации результатов деятельности клеточки.

Клеточка, как правило, расчленяется на более мелкие группы, вплоть до минимальных. Помимо деловых групп, в ее структуру входит множество всякого рода общественных организаций и групп. Главные из них суть партийная, профсоюзная и комсомольская организации. Они имеют более или менее сложное строение, имеют свои выборные руководящие органы.

Сотрудники клеточек образуют единые социальные коллективы, имеющие свою структуру и правила жизни независимо от дела, каким они заняты. Основная жизнь работающих граждан проходит в этих коллективах или в зависимости от них. Тут люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых и друзей, обмениваются неделовой информацией, развлекаются, занимаются спортом и общественной работой, участвуют в самодеятельных творческих группах, получают жилье, места для детей в детских садах, путевки в дома отдыха, пособия и т. п.

Клеточка выполняет функции идейного и морального воспитания граждан. Она вовлекает их в активную общественную жизнь и осуществляет контроль за ними в этом отношении. Государство и идеологический аппарат воздействуют на людей прежде всего через их первичные коллективы. Коллектив несет известную ответственность за своих членов.

Жизнь людей в условиях такой организации формально проста, жизненные линии ясны и определенны. Для большинства имеется возможность добиваться сравнительного благополучия, улучшения бытовых условий и служебного успеха за счет личного труда по

профессии и способностей. Всем работоспособным гражданам гарантирована работа. Всем работающим гарантирован оплачиваемый отпуск, оплата времени болезней, бесплатное медицинское обслуживание, образование, обучение профессиям, пенсия по старости и многое другое. Основные жизненные потребности так или иначе удовлетворяются.

Надо сказать, что такая социальная организация вполне устраивала подавляющее большинство советских людей, по своей природе склонных к коллективистскому образу жизни. Они воспринимали все достоинства своей жизни как нечто само собой разумеющееся, как нечто данное от природы и всеобщее. И почти никак не связывали их именно с коммунизмом. Коммунизму же они приписывали все недостатки своей жизни, включая и те, которые не были спецификой коммунизма. Им в голову не приходило, что они могут всего этого лишиться, отказавшись от коммунизма и избрав западный путь дальнейшей эволюции. Они рассчитывали на то, что они при этом избавятся лишь от дефектов коммунизма, присоединив к тем благам, какие они имели, блага западного образа жизни, — свободы и изобилие материальных благ, какое им обещали, но не дали коммунисты. Только теперь, когда они потеряли все достоинства прежнего коммунизма и приобрели лишь недостатки навязываемого им капитализма, они начали весьма смутно догадываться о том, какую непростительную глупость совершили, поддавшись западной пропаганде.

Не следует думать, будто рассмотренная социальная организация охватывала все советское общество без исключения. Она доминировала, задавала тон. Но в реальном обществе существовало и многое другое, что было глубоко враждебно ей. Существовали бесчисленные мелкие «частники», в большинстве — нелегально. Существовали уголовные

группы, организации и даже предприятия. Существовала «теневая экономика». Государство боролось против этого, но нельзя сказать, что успешно. Работники государственного аппарата и коммунистических коллективов подвергались влиянию этой враждебной коммунизму среды и вовлекались в ее деятельность. Коррупция, хищения, махинации и т. п. явления были обычными в жизни общества и с годами не исчезали, а разрастались. Впоследствии эти враждебные коммунизму явления стали социальной опорой реформаторов, опорой фактически криминальной.

Система власти и управления

Клеточки разделяются на такие, которые заняты каким-то делом и никем не управляют (базисные клеточки), и такие, специальным делом которых является управление другими клеточками. В коммунистическом обществе складывается грандиозная система таких клеточек — система власти и управления. В течение многих десятилетий она служила объектом бесконечных нападок со стороны всякого рода критиков советского общества, а начиная с 1985 года она стала главным направлением атак со стороны реформаторов.

Я различаю два периода в истории коммунистической системы власти и управления в России — сталинский и брежневский. Соответственно различаю и два типа ее. Это различие, насколько мне известно, игнорируют все без исключения. Думаю, что это делается умышленно: изобразить в пропаганде брежневский период и тип власти как продолжение скомпрометированного сталинского и бить советскую систему государственности под этим предлогом как преступную Я сначала рассмотрю коммунисти-

ческую систему власти в ее наиболее развитой форме, то есть в том виде, какой она приняла в брежневские годы. После этого расскажу кратко о различии сталинизма и брежневизма.

В коммунистической системе власти и управления, как и в ее предшественнице — царской системе, не было характерного для Запада разделения властей, которым сам Запад восторгается с неослабевающей силой до сих пор, хотя, по мнению многих специалистов, эти восторги в значительной мере лицемерны и преувеличены. Но если даже признать это разделение властей абсолютной ценностью цивилизации, оно не вошло в коммунистическую систему власти не по злому умыслу марксистов, так как марксисты вообще предрекали полное отмирание государства при коммунизме. Попытки ввести в России западное разделение властей в последние годы потерпели полное банкротство и закончились жестоким и бессмысленным расстрелом законодательной власти России по приказу Ельцина, который под аплодисменты Запада сосредоточил в своих руках практически неограниченную власть. И опять-таки видеть тут козни коммунистов нелепо, так как они поддерживали фактически именно разделение властей. Даже некоторые бывшие яростные реформаторы стали признавать, что принцип разделения властей оказался неадекватным российской психологии, политическим традициям, реальным условиям. Они, правда, умалчивают главную причину краха такого рода попытки, а именно — власть клик, пришедших на смену брежневистской власти, которая не терпит никаких разногласий даже в рядах близких сообщников, ибо она есть власть криминальная.

Коммунистическая система власти и управления дифференцировалась в иных многочисленных аспектах — территориальном, отраслевом, функциональном и т. д. Основную часть ее составляла власть в узком смысле слова — система государственности

или, короче, государство. Коммунистическое государство возникло из тех же потребностей общества, как и всякое другое государство, а именно — из потребности охраны целостности страны, обеспечения общественного порядка, обороны страны от внешних нападений и т. д. Но в условиях коммунистического общества государство достигло максимума того, на что оно в принципе могло претендовать и рассчитывать, ибо в обществе не оказалось сил, способных конкурировать с ним в борьбе за какие-то социальные роли. Коммунистическое государство не есть некое абсолютно новое изобретение коммунистического общества, это есть государство вообще, принявшее особый вид в условиях этого общества.

В коммунистическом обществе государство превратилось в своего рода сверхобщество, живущее за счет общества, в которое оно было погружено. Здесь уже не государство служило обществу, а, наоборот, общество стало ареной, материалом деятельности государства, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Государство стало монопольным субъектом истории. В сферу внимания его вошли все аспекты жизни общества, включая экономику, культуру, идеологию, внешнюю политику и торговлю, воспитание детей, образование, спорт, быт и отдых людей, короче говоря — все, что имело хотя бы какое-то значение для жизни людей и общества в целом.

Коммунистическое государство выполняло функции общие ему с государствами другого типа и специфически коммунистические. Последние заключались в обеспечении жизнедеятельности общества как органического целого. В этом отношении государство делало все то, что в западном обществе делают частные предприниматели, банки и другие внегосударственные средства самоорганизации.

Коммунистическому государству принадлежала также функция реформаторства и прогресса. Государство не просто по своей воле стремилось к этому, а вынуждалось на это в интересах самосохранения и сохранения страны, в которой оно занимало господствующее положение. Здесь все значительные преобразования осуществлялись как решения свыше. Здесь борьба против постоянной тенденции к застою и деградации принимала форму насильственных реформ сверху. При этом властям приходилось преодолевать косность и инертность масс населения.

Я обращаю внимание читателя на то, что дело тут не просто в увеличении мощи государства сравнительно с обществами другого типа, а в качественно новой роли государства в организации и функционировании общественного организма. Тут все общество оказалось организованным по принципам организации государственности или применительно к ним. Если не принимать во внимание это обстоятельство в качестве основы для понимания событий в Советском Союзе, то поразительно быстрый и катастрофический крах этого общества останется совершенно непонятным. Крах государственности тут означал с необходимостью и автоматически крах всего общества, ибо никакого общества вне системы государственности тут вообще не существовало!

Важнейшим изобретением коммунистического общества в сфере государственности явился ее структурный элемент, получивший название партии.

Партия

Слово «партия» вводит в заблуждение, поскольку оно вызывает ассоциации с партиями западных стран. В западных странах люди объединяются в партию независимо от того, в каких учреждениях

или предприятиях они работают. Должности в партии не являются должностями в государственном аппарате. Если партийные функционеры как-то попадают в государственные учреждения, то они там занимают должности, не совпадающие с их ролью в партии. Пришедшая к власти партия не становится частью государственного устройства. Партийные ячейки не являются элементами социальной структуры предприятий и учреждений (клеточек общества). Партия же в коммунистической стране этим требованиям не удовлетворяла. И вовсе не по тем причинам, какие тут измыслила западная идеология и пропаганда.

Тот социальный феномен, который в Советском Союзе назвали партией, состоял из множества партийных организаций в первичных коллективах и из независимого от них партийного аппарата. Первые были элементами социальной организации населения в самом базисе общества. Они были структурными элементами первичных коллективов, клеточек. Их активность ограничивалась рамками клеточек. Но роль их здесь была огромной. Они вмешивались во все аспекты жизни коллективов, влияли на общую атмосферу в них, на поведение начальства и прочих членов коллективов. Они были важнейшей формой специфически коммунистической демократии. В них добровольно вступали наиболее активные граждане, причем в массе своей далеко не худшие, а скорее лучшие. Многие из них вступали в партию с корыстными и карьеристскими целями, но таких было не большинство. Подавляющее же большинство никакую карьеру не делало и не сделало, никаких преимуществ от своей партийности не имело. Более того, они выполняли безвозмездно огромную общественную работу сверх деловых обязанностей. Для

них это само по себе имело ценность фактора их общественной жизни. Не хлебом единым сыт человек!

Партийный аппарат был частью системы государственности, причем частью особой. Во-первых, он был стержнем, остовом всей системы власти. Во-вторых, он был такой частью власти, которая управляла всей остальной властью, то есть властью над самой властью, властью второго уровня. Вся система власти и управления обществом находилась под контролем партийного аппарата, являлась фактически продолжением и разветвлением его. В обратном направлении она так или иначе сходилась в партийном аппарате и отражалась в нем. Так что включение в Конституцию при Брежневе статьи о руководящей роли КПСС отражало фактическое строение коммунистического государства. Но сделано это было в такой форме, что тем самым была создана лазейка для идеологического оправдания начавшегося разгрома советской государственности под предлогом ликвидации монополии КПСС на власть и введения многопартийности.

Трудно сказать, чего было больше в намерении высшего советского руководства (горбачевского) ввести многопартийную систему вместо однопартийной — обыкновенного интеллектуального кретинизма и невежества или заранее задуманной установки на предательское разрушение основ советской государственности. Настаивать на ликвидации некоей монополии КПСС на власть было равносильно тому, как если бы кто-то стал настаивать на ликвидации монополии головного мозга в управлении нервной системой организма и замены его множеством каких-то эрзацев, к тому же еще не существовавших в природе. Коммунистическое общество вообще не было обществом однопартийным, оно было по сути дела беспартийным. Система политических партий западного образца тут вообще не имела никаких ос-

нований. Рассматривать советское общество в понятиях западной демократии вообще было ошибочно, это имело следствием лишь помутнение умов. Поразительно, что во всем гигантском идеологическом аппарате не нашлось ни одного человека, который заявил бы о фактической направленности идей многопартийности на разгром советской государственности. Я на эту тему начиная с 1978 года опубликовал буквально десятки работ, которые были в России истолкованы как антикоммунистические. Лишь после того, как крах советской государственности состоялся, многие российские интеллектуальные мародеры стали высказывать нечто подобное, разумеется — без ссылок на первоисточник.

Такая структура власти сложилась в Советском Союзе вовсе не потому, что будто бы одна партия захватила власть и установила однопартийную систему, как это преподносила западная идеология. КПСС вообще никакую власть не захватывала, она сложилась после захвата власти кем-то другим, сложилась именно как явление государственности, с одной стороны (со стороны аппарата), и как явление социальной структуры клеточек — с другой стороны (со стороны первичных партийных организаций). Сложилась как результат специфически коммунистического, послереволюционного творчества. И надо признать, это было, пожалуй, самым замечательным изобретением в системе государственности.

СТАЛИНИЗМ И БРЕЖНЕВИЗМ

Отождествление сталинизма и брежневизма стало одной из догм западной идеологии в ее концепции коммунизма. Полностью игнорируется тот факт, что в послевоенные годы произошла десталинизация советского общества и на место коммунистической

диктатуры сталинского периода пришла коммунистическая демократия хрущевского и затем брежневского периода. Я связываю этот период с именем Брежнева, а не Хрущева, поскольку хрущевский период был переходным от сталинизма к брежневизму. Именно второй явился альтернативой первому, причем самой радикальной в рамках коммунизма и, пожалуй, единственно возможной.

Все критики советизма и коммунизма представляют советскую историю так, будто советский коммунизм был со всеми его атрибутами введен большевиками сразу же после октябрьского переворота 1917 года. А между тем это была история в полном смысле слова, история великая, хотя и трагическая, история творческая. И сталинизм не был чем-то раз и навсегда данным, застывшим и структурно однообразным. Коммунизм рождался в стране, которая находилась в состоянии разрухи и хаоса, к тому же — во враждебном окружении. Та система власти, которая стала привычной в послесталинские годы, тогда еще только начинала складываться, причем совсем не в адекватном ее сути виде. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, не соответствовал ей по психологии, образованию, культуре, профессиональной подготовке и опыту. Большинство были выходцы из низших слоев старого общества, то есть вообще люди малограмотные и имевшие представления о власти самые примитивные. Постоянно складывались мафиозные группки. Склоки. Коррупция. Пьянство. Жульничество. Бесконечные злоупотребления властью. Сама эта нарождающаяся система власти нуждалась в строгом контроле со стороны еще какой-то сверхвласти, независимой от нее и стоящей над ней. Такой системой сверхвласти и явился сталинский тип коммунистической власти.

Сталинская система включала в себя партийно-государственный аппарат управления и всячески поощ-

ряла его, но как свое орудие. Этот аппарат играл в ней роль второстепенную, подчиненную. Главным было другое, а именно — аппарат личной власти, не связанный никакими законодательными нормами. Он состоял из клики людей, лично обязанных главарю (вождю) своим положением в клике и предоставленной ему долей власти. Такие клики складывались на всех уровнях иерархии, начиная от высшей во главе с самим Сталиным и кончая уровнем районов, частей районов (например, сельских советов) и предприятий. Главными рычагами власти были те, которые сейчас называют «силовыми структурами», — органы государственной безопасности, милиция и вообще силы внутреннего порядка, армейское командование, дипломатический корпус, главы учреждений и предприятий, выполняющих задания особой государственной важности, научная и культурная элита и т. п. Важнейшим элементом сталинизма была система вождизма, которую сейчас рассматривают как пример популизма. При этой системе руководитель обращался непосредственно к народу, игнорируя официальные учреждения власти. Массам эти учреждения представлялись как нечто враждебное им, как помеха их вождю-руководителю. Отсюда волюнтаристские методы руководства. Руководитель мог по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, назначать и увольнять их, заменять другими и даже арестовывать. Причем это имело место на всех уровнях, во всех сферах общества, во всех районах страны. Взгляните на ельцинскую организацию власти! Не видите ли вы в ней нечто, до мелочей похожее на сталинизм?!

Сыграв свою историческую роль, сталинистский тип власти и управления уступил место тому, который я описал выше и который называю брежневистским. Официально это произошло в 1956 году на XX съезде КПСС. В двух словах, он отличается от

сталинистского тем, что роль аппарата сверхвласти в нем берет на себя партийный аппарат, а волюнтаризм уступает место консервативно-бюрократическим методам управления.

Разрушение брежневистского типа власти и переход к сталинистскому в условиях, какие сложились к 1985 году, и без опоры на коммунистическую организацию населения могли привести только к образованию уголовно-мафиозной структуры на высшем уровне власти. Это было очевидно априори. Тем более тенденция к этому отчетливо наметилась уже в конце брежневского правления.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ВЛАСТИ

Есть два способа и два аспекта воспроизводства системы власти и управления: 1) отбор кандидатов и назначение на посты сверху; 2) выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерным является первый способ. Второй играет роль подчиненную, санкционируя предрешенные результаты первого и маскируя его. При отборе кандидатов на посты в соответствующих инстанциях аппарата власти, контролирующих эти посты, рассматривается не один подходящий человек, а многие. И в массе отбираются далеко не худшие граждане. Какими бы качествами ни обладали кандидаты на посты, они, будучи назначены или выбраны на эти посты, должны затем исполнять свои функции по законам власти и управления, а не в соответствии с какими-то лозунгами и прекрасными намерениями. Это — особая профессиональная работа. И она не сводится к речам на митингах и собраниях. Если допустить, что на все посты в системе власти в результате подлинно демократических выборов избраны самые честные, самые умные и самые деловые граж-

дане, приступив к работе, они неизбежно превратятся в таких же бюрократов, консерваторов, карьеристов, стяжателей, взяточников, какими изображаются теперь работники аппарата власти в прошлом.

В условиях Советского Союза такой способ воспроизводства власти был наилучшим даже с точки зрения создания своеобразной демократии. Попытки создать демократию западного образца после 1985 года показали, что многопартийная система и свободные выборы представительных органов власти в России могут быть лишь прикрытием для диктаторской власти сталинистского типа. Западная демократия может сохранить свои качества демократии только в естественной среде своего, западного общества. В иной среде она превращается в свою противоположность — в орудие тирании.

НОМЕНКЛАТУРА

Одним из важнейших средств, с помощью которых партийный аппарат держит в своих руках всю систему власти и управления обществом и включается в нее, является способ назначения начальников всех сортов и рангов на все более или менее важные посты, — номенклатуры партийного аппарата. Партийное руководство есть прежде всего подбор руководящих кадров, контроль за ними и руководство ими.

В сталинские годы в номенклатуру включались особо отобранные и надежные с точки зрения центральной власти партийные работники, которые руководили большими массами людей в различных районах страны и в различных сферах общества. Ситуация руководства была сравнительно простой. Общая линия руководства была ясна и более или менее

стабильна. Методы управления были примитивны и стандартны, культурный и интеллектуальный уровень руководимых масс был низкий, лозунги для них были простые. Практически любой партийный функционер, включенный в номенклатуру, с одинаковым успехом мог руководить тяжелой индустрией, целой республикой, спортом, сельским хозяйством или литературой. Главная задача руководства заключалась в том, чтобы установить единое и централизованное руководство страной, приучить массы к новым формам руководства и любой ценой выполнить то, что требовалось высшей властью.

В послесталинские годы изменились условия руководства, изменилось руководимое общество, изменился и характер руководителей. От руководителей стало требоваться образование и более или менее узкая профессионализация, а также более высокий уровень компетентности в руководимом деле или районе страны. Номенклатурой стали называть важные должности вне партийного аппарата, назначение на которые контролируется и утверждается партийным аппаратом. Это — посты, а не люди, назначаемые на них. Категория номенклатурных работников, профессия которых — быть в номенклатуре, практически исчезла как элемент структуры власти. Кроме того, в номенклатуру стали включать профессиональных партийных работников и вообще лиц, попавших в высшие привилегированные слои. Слово «номенклатура» стало многомысленным и неопределенным, утратило смысл социологического понятия.

ВЛАСТЬ И ПОДВЛАСТНЫЕ

Советская система власти и управления складывалась в течение многих десятилетий. При этом она опиралась на традиции и опыт многих столетий до-

революционной русской истории. Она сложилась так, что даже самые посредственные, безвольные, безынициативные и т. п. люди, по отдельности не обладающие никакими способностями правителей, могли нормально функционировать в ней, причем ничуть не хуже гениев власти. Разрушив эту систему после 1985 года, русские обнаружили почти полную неспособность к самоорганизации и самоуправлению. Началось нечто подобное тому, что имело место в русской истории перед призванием варягов, перед татаро-монгольским нашествием и в Смутное время в начале XVII века. Невольно приходят на ум слова историка В. Ключевского о том, что благодаря татаро-монгольскому игу русские не истребили друг друга в междуусобной борьбе и создали свою государственность. Так что популярные сейчас в России идеи насчет приглашения американцев и немцев править русскими не лишены оснований.

Замечу между прочим, что династия Романовых, более трехсот лет правившая Россией, на все 100 процентов была немецкой, — дед Михаила Романова был чистокровным немцем, поселившимся в России вместе с прочими ее западными колонизаторами. Уже в XV веке 30 процентов правящих слоев России были выходцы с Запада, в основном — немцы. Еще 30 процентов были выходцы из татар. И лишь ничтожное меньшинство были русские, да и то само понятие русскости было неопределенным. Так что справедливости ради обвинения русских во всяких преступлениях против других народов, модные в последнее время, следовало бы адресовать прежде всего немцам, литовцам, шотландцам, французам, татарам и прочим нерусским колонизаторам России.

Недоверие русских к соплеменникам и пресмыкательство перед инородцами не имеет себе равных у других народов. Сталин имел колоссальный успех в значительной мере потому, что был нерусским, гру-

зином. Горбачев и Ельцин в конце концов стали презираемыми отчасти потому, что русские. Анекдотичный случай с успехом Жириновского в значительной мере объясняется тем, что он еврей.

ЭКОНОМИКА

Принято различие коммунистической и западной экономики видеть в том, что первая является планово-командной государственной, а вторая — рыночной и по преимуществу частной. Это различение поверхностно и идеологизировано. К предприятиям экономики коммунистической страны относится все то, что выше было сказано о коммунистических клеточках. К этому добавлю еще следующие замечания.

Есть два подхода к производственной деятельности людей и предприятий — экономический и социальный. Не всякая организация производства и вообще деловой жизни общества осуществляется в соответствии с экономическими принципами. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества. При этом предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм.

В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом — социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с ка-

питализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них — способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решении исторически важной задачи, милитаризация страны и другие.

Коммунистическим предприятиям нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все 100 процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными, это решают управляющие органы, а не конкуренция.

Коммунистическое общество обладает своими средствами поднимать экономику до некоторого свойственного ему уровня, поддерживать порядок в экономике и даже осуществлять какой-то прогресс. Эти средства суть средства неэкономические. И они уже были неоднократно использованы, причем успешно. Назову основные из них. Это — принудительность труда, тотальный контроль, карательные меры, низкая заработная плата, минимизация средств потребления, минимизация сферы обслуживания, исключение избыточных сфер производства, создание привилегированных условий для особо важных предприятий и программ, хищническое использование природных ресурсов.

Плановость коммунистической экономики вызывала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно безосновательно. Коммунистическая экономика имеет свои очевидные недостатки. Но причина их — не плановость как таковая. Наоборот, плановость позволяла хоть в какой-то мере удерживать эти недостатки в терпимых рамках, сдерживать другие негативные тенденции, преодолевать трудности.

В чем состоит суть планирования экономики? Это — не субъективный произвол высших властей. Планирующие органы исходят из того, что уже имеется в наличности, каковы возможности существующих предприятий. А при планировании новых затрат они исходят из реальных потребностей страны. Их можно критиковать за то, что они плохо справляются со своими обязанностями. Но это не есть основание для ликвидации самой системы планирования. Последняя есть средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и тенденции к хаосу.

Во всем том, что мне приходилось читать о коммунистической экономике как об экономике государственно-командной и плановой, преобладали абстрактные рассуждения и полностью игнорировалась конкретная ситуация в экономике как Советского Союза, так и западных стран. В западных странах в течение многих десятилетий сложился механизм регулирования (организации) экономики, причем за этим стояли века колоссального экономического опыта. Этот механизм включает в себя также и планирование в качестве одного из необходимых средств. В России такого механизма не было даже в зародышевом состоянии и до революции. Советская экономика почти полностью сложилась уже после революции. Она не имела никакого

иного механизма организации, кроме государственного контроля и тотального планирования.

Идеологи коммунизма, не имевшие ни малейшего представления о том, каким будет реальный коммунизм, были искренне убеждены в том, что коммунизм обладает неограниченными способностями к прогрессу и быстро превзойдет капитализм в сфере экономики. С первых же дней существования Советского Союза был выдвинут лозунг догнать и перегнать передовые капиталистические страны в сфере экономики. В сталинские годы этот лозунг казался реальным. Тогда все начинали с нуля, и в процентном выражении успехи страны производили ошеломляющее впечатление. А «железный занавес» позволял создавать такое впечатление о ситуации на Западе, что массы советских людей невольно поверили в пропагандистские лозунги.

В послевоенные годы наступило отрезвление. После идиотских хрущевских экспериментов, предшественников горбачевского безумия, советское руководство фактически отказалось от идеи «догнать и перегнать». Это, однако, не избавило от необходимости так или иначе считаться с Западом. Потребности обороны вынуждали тягаться с Западом в сфере науки и технологии. Это ставило его в невыгодное положение и вынуждало на действия, чуждые природе коммунизма. Требовалось также улучшать жизненные условия населения. А Запад породил в этом отношении колоссальные соблазны, заражая ими население Советского Союза. Это действовало деморализующе.

Но как бы то ни было, советское руководство нашло естественный выход из положения. Во-первых, оно создало свой мировой экономический регион, отношения внутри которого базировались не на принципах западной экономики, а скорее на принципах взаимных услуг. Во-вторых, в самом Со-

ветском Союзе отрасли науки, техники и экономики, имевшие особо важное значение, выделились из общей среды, получили особо привилегированные условия и фактически образовали экономику высшего уровня. Это позволило Советскому Союзу во многих отношениях быть на уровне мировых стандартов и даже кое в чем превосходить их. Во всяком случае, Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты. Одно это отвергает категорическое утверждение, будто коммунистическая экономика потерпела крах в силу внутренней несостоятельности. Она не могла соревноваться с западной экономикой в чисто экономическом отношении (была неконкурентоспособной), но она вполне справлялась с задачей обеспечения населения страны на некотором уровне (кстати сказать, не таком уж низком!) и с задачей обороноспособности страны.

Разрушение планово-командных принципов управления экономикой в той ситуации, которая сложилась в Советском Союзе к 1985 году, было равносильно полному краху коммунистической экономики и засилью экономики преступной, то есть к экономическому краху страны вообще. Как бы плохо советская экономика ни функционировала с точки зрения критериев западной экономики, она все-таки как-то работала. Если бы она была действительно безнадежна, западные организаторы «холодной войны», заинтересованные в разгроме Советского Союза, ни в коем случае не стали бы вместо нее навязывать некую «рыночную экономику», якобы способную поднять Советский Союз до уровня стран Запада. Не такие же они идиоты, чтобы вытаскивать заклятого врага из пропасти. Они стремились столкнуть его в пропасть, всячески дискредитируя вполне жизнеспособную экономическую систему Советского Союза.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА

Третья основная сфера коммунизма — формирование сознания и чувств (менталитета) людей в нужном для самосохранения общества духе и управление людьми путем воздействия на их менталитет. Назову ее идеологической сферой. При описании ее надо принимать во внимание такие ее три элемента: 1) идеологическое учение о том, что в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения; 2) идеологическое состояние менталитета людей, которое складывается не только под влиянием идеологического учения, но также под влиянием опыта жизни, общения с другими людьми, литературы, кино, газет, образования и других факторов; 3) совокупность людей, учреждений и организаций, занятых сохранением и разработкой идеологического учения, идеологическим образованием и воспитанием граждан общества, а также вовлечением их в идеологические действия — идеологический механизм.

Советская идеология имела единое канонизированное идеологическое учение, считавшееся государственной идеологией. Основой его был марксизм-ленинизм. Но оно не сводилось к последнему, было гораздо обширнее. Оно было выражено явно, в специальных учебниках и монографиях. Оно навязывалось советским людям принудительным образом, как нечто обязательное. Требовалось его специальное изучение, причем не только в учебных заведениях, но и после их окончания. Требовалось слушать специальные лекции, посещать занятия, сдавать зачеты и экзамены. И на все это нужны были усилия и время.

Все это вызывало у людей раздражение, насмешки и даже ненависть к идеологии. Но было бы ошибочно считать идеологическое образование совсем

бессмысленным, излишним и даже вредным. Идеологически образованный человек не становился глупее аналогичного ему во всех прочих отношениях человека. Благодаря такому образованию люди приобретали своего рода систему координат, необходимую для ориентации в сложной среде современного общества. Разрушение этой ориентации в постсоветский период стало одной из главных причин массового помутнения умов и панической растерянности масс населения.

Советская идеология имела концепцию будущего идеального общественного устройства. Опять-таки было бы неверно полностью отвергать ту роль, какую эта черта ее сыграла в истории. Конечно, мало кто верил в возможность коммунистического земного рая. Но ведь и в христианский рай вера была не такой уж всеобъемлющей и безусловной. То, что цель была недостижима, играло роль второстепенную. Она играла роль не научного предсказания, а ориентировочную и организующую массовое сознание. Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на нее. Возникновение такой эпохальной цели не являлось случайностью для коммунистического общества. Она была необходимым фактором его жизни как органического целого. Она придавала исторический смысл его существованию.

Тесно связанной с идеей будущего земного рая была идея внешнего эпохального врага. Таким врагом с первых же лет существования советского общества считалось (и было на самом деле!) «капиталистическое окружение», и в первую очередь — капиталистические страны Запада. Опыт истории давал очевидные подтверждения на этот счет. Интервенция стран Запада в годы Гражданской войны. В сталинские годы вся ситуация перед Второй мировой войной и война с Германией, которая напала на Советский Союз с бла-

гословения Запада, давали убедительные подтверждения правоты идеологии. Союз с антигитлеровской коалицией несколько ослабил эту идею. Но начавшаяся сразу же по окончании Второй мировой войны «холодная война» Запада против Советского Союза полностью восстановила прежнее отношение к Западу как к эпохальному врагу коммунизма. И надо признать, отнюдь не без оснований.

Задача идеологического воспитания заключалась в том, чтобы привить людям качества, желательные с точки зрения признанных норм поведения. Не следует думать, будто идеология стремилась привить людям отрицательные качества: эгоизм, карьеризм, двуличие, продажность, ненадежность и т. п. Идеология стремилась привить людям самые лучшие качества. И это не было лицемерием. Если бы идеология к этому не стремилась бы и не выполняла бы это на самом деле, жизнь в обществе превратилась бы в сплошной кошмар и стала бы практически невозможной для масс. Одним из самых страшных следствий разрушения коммунистической системы идеологического воспитания в постсоветский период явилось стремительное моральное разложение общества.

Советская идеология стремилась воспитать идеального, высоконравственного человека в массовых масштабах. Это считалось необходимым условием построения «полного коммунизма». Она исходила из ложной предпосылки, будто человек есть «совокупность общественных отношений» и из любого человека можно воспитать своего рода коммунистического ангела. Этот эксперимент не удался. Природные качества людей и те качества, которые вырабатывались у них в опыте практической жизни и под влиянием всякого рода негативных воздействий, оказались сильнее прививаемых искусственно. Тем не менее прививавшаяся советским людям система выс-

ших ценностей и моральных качеств в какой-то мере сдерживала развитие качеств негативных, держала массы людей в некоторых терпимых рамках. После того как эта система ценностей и моральных качеств была заброшена и дискредитирована, начался стремительный идейный и моральный распад общества.

В Советском Союзе был создан единый и централизованный идеологический механизм. Он управлялся партийным аппаратом, входил в него со своими главными учреждениями. Он был огромен. Он контролировал абсолютно все, что так или иначе касалось менталитета людей.

Несмотря на могучий идеологический механизм и беспримерную идеологическую обработку населения, именно идеологическая сфера оказалась самым уязвимым звеном в советском обществе в его противостоянии Западу.

Превращение марксизма в государственную идеологию обнаружило в глазах миллионов людей его вопиющее несоответствие реальности, резко снизило его интеллектуальный уровень, сделало его объектом ненависти и насмешек. Негативные явления реального коммунизма стали объектом грандиозной антикоммунистической пропаганды на Западе и в Советском Союзе со стороны Запада. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекали Маркс и Ленин, а укрепился и на данном отрезке истории вроде бы выиграл соревнование с коммунизмом. В Советском Союзе наметился экономический спад, тогда как на капиталистическом Западе наступило неслыханное процветание. Советские люди стали видеть там обещанный коммунистами земной рай. Система высших духовных и моральных ценностей, которую советская идеология стремилась привить советским людям, оказалась неадекватной реальным качествам людей и условиям их бытия. Система западных ценностей, под-

крепляемая соблазнами западного образа жизни, обрушилась с неслыханной силой на человечество, включив в сферу своего воздействия и советских людей. И они из одной крайности бросились в другую, став самым податливым объектом идеологически-психологической атаки со стороны Запада.

РАССЛОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Коммунисты думали, что, уничтожив классы частных собственников, они построят бесклассовое общество. Реальный коммунизм сложился как общество с разделением людей на различные социальные категории (классы), которые частично сходны с аналогичными категориями в обществах другого типа, а частично отличны от них. Это расслоение населения надо принимать во внимание, если мы хотим понять поведение масс советского населения в перестроечный период.

Коммунизм сгладил материальное неравенство людей, но не уничтожил его. Главные источники его тут суть иерархия социальных позиций, различия в образовании и квалификации, опыт работы и личные способности и заслуги. Кроме того, имеют место всякого рода привилегии. Помимо легальных источников материальных благ, существуют нелегальные, часть которых практически неразоблачима и ненаказуема (например, использование служебного положения и взаимные услуги).

Большинство людей живут, как говорится, «от получки до получки», имея незначительные накопления или не имея их совсем. Но некоторая часть населения накапливает значительные богатства и передает их по наследству. Это — представители высших слоев, а также лица, имеющие возможность безнаказанно грабить государственную собственность, спекулянты, деятели

«теневой экономики», члены уголовных мафий и т. д. К концу брежневского периода произошло сращивание этого криминального слоя с правящими слоями. Образовавшийся таким путем слой советских богачей сыграл важную роль в преобразованиях после 1985 года, став опорой перестройки.

Накопленные материальные богатства являются при коммунизме личной собственностью. Они проживаются (тратятся), передаются по наследству, используются для карьеры и устройства детей. Но они не используются как средство приобретения новых богатств, то есть как капитал. Это делается в порядке исключения и нелегально. В постсоветский период этот принцип коммунизма был нарушен, уголовный элемент был легализован.

Главными источниками жизненного успеха при коммунизме являются образование, квалификация, личные способности, личные связи (протекция) и карьеристическая ловкость. Со временем все большую роль стало играть социальное положение родителей.

Определяющим для социального расслоения населения является социальный статус. Последний характеризуется такими параметрами: положение на лестнице социальных позиций, престиж профессии, размер зарплаты, наличие или отсутствие привилегий, характер привилегий, возможности использования служебного положения, образование и культурный уровень, бытовые условия, доступ к жизненным благам, сфера общения, перспективы улучшения положения и устройства детей.

Социальная структура населения в Советском Союзе не успела сложиться достаточно четко и стабильно. Плюс к тому в стране живет до сотни различных народов с традиционной, некоммунистической структурой. Тут происходило смешение следствий превращения страны в индустриальное общество с высокоразвитой культурой, наукой и системой образования,

с одной стороны, и следствий развития коммунистических социальных отношений — с другой.

Если рассматривать социальную структуру советского населения абстрактно, то для всех ее категорий можно найти соответствующие категории в западных странах. Различие заключается в таких конкретных факторах: 1) содержание и условия деятельности в каждой категории; 2) пропорции различных категорий и их социальный статус; 3) принципы распределения людей по различным категориям. На Западе есть класс частных собственников (капиталистов). Но для советского населения и для этого класса находился аналог в виде криминального класса советских «капиталистов».

Большинство советских людей рассматривали свое социальное положение как нечто такое, что непосредственно не связано с коммунизмом и что должно сохраниться, несмотря ни на какие преобразования. Они не принимали во внимание те три пункта, которые я привел выше, то есть они не понимали того, что перестройка коммунизма в капитализм будет происходить именно по этим направлениям и что именно поэтому она затронет их положение лично самым неожиданным и болезненным образом. И потому они либо вообще никак не реагировали на реформаторскую манию горбачевцев, либо приветствовали ее, полагая, что если и будет кому-то плохо, то это не коснется их лично. Потребовалось много лет (скоро будет десять!), прежде чем широкие слои населения стали догадываться, что история сыграла с ними злую шутку.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В западной идеологии и пропаганде после 1985 года советский (коммунистический) период российской истории рассматривается как черный провал, а брож-

невский период — как застойные годы. Россию даже окрестили империей зла. Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки, — идеальных обществ вообще не существует. Зла человечеству западная цивилизация причинила в тысячи раз больше, чем коммунизм. На Западе в свое время тревогу породил отнюдь не «черный провал» и не «застой» в советской истории, а, наоборот, беспрецедентные успехи Советского Союза во всех сферах жизни и заразительный пример коммунизма для сотен миллионов людей на планете. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к этому времени, будут поражены тем, как много было сделано в эту эпоху, причем в тяжелейших исторических условиях. Уже сейчас миллионы русских людей с тоской вспоминают о том, что они потеряли, став сообщниками разрушения своего социального строя.

Брежневские годы не были годами некоего застоя. Словечко «застой» —идеологическое клише в языке реформаторов и их западных наставников. В эти годы произошли огромные перемены в стране сравнительно с предшествовавшими годами. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнились хозяйство, культура и бытовая жизнь людей. Вырос образовательный уровень населения. Улучшились бытовые условия. Размах жилищного строительства для рядовых граждан превзошел все то, что имело место в странах Запада. Были достигнуты огромные успехи в науке и технике. Достаточно упомянуть об успехах в космосе и в военной промышленности. Были подготовлены в большом числе первоклассные специалисты в самых различных сферах науки и культуры. Обо всем этом еще не так давно

писались бесчисленные книги на Западе, авторы которых вовсе не были коммунистами.

Тот факт, что одновременно в стране происходило наращивание экономических и бытовых трудностей, а также усиление морального и идейного разложения общества, ничуть не противоречит сказанному выше. Это свидетельствует лишь о сложности и противоречивости исторического процесса.

Несмотря на пресмыкательство перед Западом, в советский период выработалась вполне реалистичная концепция исторической стратегии. Основные ее пункты таковы. Первый пункт — идти своим самостоятельным путем, не тягаться с Западом в экономике, развивать социальный аспект общества (социальные права и гарантии), прививать людям свою систему ценностей (коммунистическое воспитание). Второй пункт — воздействовать на отсталые и эксплуатируемые народы мира не только своим примером, но и оказывая им помощь в их национально-освободительной борьбе. Третий пункт — развитие военной промышленности, укрепление вооруженных сил, мировая активность с опорой на военную мощь. И вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что Советский Союз добился грандиозных успехов, став второй сверхдержавой планеты.

Хочу обратить внимание читателя на одно в высшей степени важное обстоятельство. Коммунистическое общество, сложившееся в советский период, не было случайным нагромождением разнородных и независимых друг от друга явлений. В нем различные его части, органы, ткани, сферы и т. п. были скоординированы, соответствовали друг другу, обусловливали друг друга, короче говоря — находились в органическом единстве, образовывали органическое целое. И как бы мы ни относились к нему, независи-

мо от наших субъективных оценок оно объективно было целостным социо-биологическим организмом. Сложилась устойчивая организация многомиллионных масс населения и многих сотен тысяч предприятий и учреждений. Даже маленькие изменения в этом гигантском объединении зависели от бесчисленного множества факторов. А всякое значительное преобразование, которое само по себе (то есть взятое изолированно) казалось разумным и возможным, на деле могло оказаться вообще невозможным или могло привести к негативным и даже катастрофическим последствиям. Советская история давала бесчисленные примеры на этот счет.

Высшее советское руководство доперестроечного периода, опиравшееся на практический опыт проб и ошибок многих десятилетий, отдавало себе отчет в том, о чем я только что сказал. Оно проявляло вполне объяснимую осторожность и даже явный консерватизм в отношении радикальных преобразований. Дело тут было не в субъективных качествах правителей, не в отдельных бюрократах, которые якобы не хотели изменений. Дело тут было в совокупной системе социальных отношений, вынуждавших становиться консервативными бюрократами всех вовлеченных в нее людей. Напомню, что будущие реформаторы сами были членами этого руководства. Они не меньше других, а скорее всего — больше других старались в этом духе, ибо усерднее и лучше других служили консерваторам-начальникам. Более того, рассматриваемый консерватизм был вполне естественной самозащитной мерой против изменений, угрожавших самим основам советского общества.

Я думаю, что западные стратеги «холодной войны», в отличие от советских реформаторов, понимали сущность и важность консерватизма доперестроечного советского руководства, а именно — понимали, что этот консерватизм был важнейшим условием стабиль-

ности и живучести советского общества. Западная пропаганда начала педантично вбивать в головы советской правящей и идеологической элиты мысль, будто «дальше так жить нельзя», будто «нужно что-то делать». И она добилась выдающегося успеха. В России до сих пор не могут избавиться от этого наваждения. До сих пор люди не могут признаться себе в том, что эта идейная установка была началом всех последующих бед. В ситуации тех лет надо было набраться терпения и сделать все зависящее от людей, чтобы не делать ничего радикального.

Идеологией «нужно что-то делать» заразились молодые карьеристы из партийного и идеологического аппарата, начавшие успешную карьеру еще в сталинские годы и прошедшие школу сталинского волюнтаризма. Что именно нужно делать, они не знали. Зато это́ отлично знали их западные наставники и дирижеры. Последним сильно повезло: дорвавшиеся в 1985 году до высшей власти реформаторы сделали неизмеримо больше того, на что рассчитывали на Западе. Как говорится, заставь дураков Богу молиться, они рады лоб расшибить!

Общий жизненный уровень в Советском Союзе в брежневский период был сравнительно высокий, думаю, что самый высокий за всю историю России. А в некоторых районах он был выше, чем даже в западных странах (например — в Грузии). Когда теперь западная и прозападная пропаганда в странах бывшего Советского Союза вопит о том, что будто бы население было нищим, особенно в национальных республиках и областях, то это — наглая ложь.

Анализ социальной структуры советского населения и образа жизни различных слоев убедительно говорит о том, что в стране почти никто (за редким исключением) не думал ни о каком переходе от социализма (коммунизма) к капитализму. Даже жулики не думали об этом, поскольку они были советские жули-

ки, то есть имели возможность наживаться нечестным путем именно за счет условий советского общества. Идеи перехода к капитализму пришли позднее, причем сверху и извне, а не из недр общества. Перестройка началась не с них. Горбачев в начале своей деятельности в качестве главы власти клялся в верности социализму и грозился усовершенствовать его.

Бесспорно, в Советском Союзе было много недовольных. Фактически недовольны были все слои. Все мечтали о чем-то своем — о более высокой зарплате, о свободе творчества, о заграничных поездках и заграничных вещах и т. п. Но это, повторяю и подчеркиваю, не означало желания поломать свой социальный строй и установить вместо него капитализм. Идея смены общественного строя пришла уже в ходе перестройки, когда стало ясно, что ее замыслы провалились. Эта идея возникла на высотах власти под давлением Запада и оттуда была спущена в массы как новая установка. И тогда свора советских ловкачей и приспособленцев ринулась выполнять эту установку, стараясь урвать для себя от нее как можно больше. Это была советская, то есть коммунистическая реакция на распоряжение власти, а не созревшая в глубинах общества потребность. Класс частников начал создаваться искусственно, причем в основном из уголовников и как класс уголовников. Уголовные элементы советского общества стали опорой реформаторов лишь на основе рассматриваемой установки, но они не были значительным социальным слоем, стимулировавшим эту установку.

НАЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА

Советская идеология, настаивая на неизбежности кризисов при капитализме, считала коммунистическое общество бескризисным. Это убеждение разделя-

ли даже критики коммунизма. Не было сделано ни одного исследования, результатом которого явилось бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о его возможности. Были бесчисленные «предсказания» гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах, но они не имели ничего общего с предсказанием именно кризиса. Он произошел неожиданно для политиков, специалистов и масс населения. Его стали осознавать как кризис лишь после того, как он разразился во всю мощь, да и то не в адекватной ему форме.

Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он сам больше, чем кто бы то ни было, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрывать глаза, его осознали в извращенной форме, а именно — как некое обновление и выздоровление общества, как некую «перестройку». В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса все бросились искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, — в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

Кризисы суть обычное явление в жизни всякого общества. Переживали кризисы античное, феодальное и капиталистическое общества. Нынешнее состояние западных стран многие специалисты считают кризисным. Кризис общества не есть еще его

крах. Кризис есть уклонение от некоторых норм существования общества. Но не всякое уклонение есть кризис. Уклонение от норм может быть результатом природной катастрофы, эпидемии или внешнего нападения. В 1941—1942 годах Советский Союз был на грани гибели. Но это не был кризис коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким уклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности.

Каждому типу общества свойственен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества свойственен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический кризис очевидным образом отличается от него. Он заключается, коротко говоря, в дезорганизации всего общественного организма, достигая в конце концов уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения. Но ядром его становится кризис системы власти и управления.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать по крайней мере такие факторы, играющие различную роль в его возникновении: 1) механизм потенциального кризиса; 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность; 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи коммунистическому со-

циальному строю. Они действуют всегда, порождая тенденции отклонения от его норм. Постепенно накапливаясь и суммируясь, эти отклонения создают предпосылки для кризиса. Чтобы описать механизм кризиса конкретно, нужно по мере описания общества в его нормальном («здоровом», идеальном) состоянии в каждом пункте описания указывать, в чем именно заключается отклонение от нормы и почему оно происходит, то есть закономерность самого нарушения норм. Например, плановая экономика неизбежно порождает элементы хаоса и незапланированности, без которых вообще невозможно осуществление планов. Единство системы власти и управления порождает распад ее на враждующие группировки, причем мафиозного типа. Прогресс экономики, культуры и прочих аспектов общества порождает расхождение между потребностями управления и возможностями их удовлетворения. Тотальное идеологическое оболванивание порождает идеологический цинизм и ослабление иммунитета против влияния враждебной идеологии. Общество вынуждено постоянно принимать меры против таких отклонений от норм, чтобы удерживать их в терпимых пределах. Но это удается лишь частично и до поры до времени.

Условия кризиса суть нечто внешнее для сущности коммунизма как такового. Они способствуют созреванию кризиса и его наступлению, но сами по себе они не порождают его. Кризис мог произойти при других условиях, даже при противоположных. Он мог не произойти и при данных условиях. Условия кризиса не обязательно суть нечто неблагоприятное для общества и неудачи. Это могут быть и успехи, и благоприятные обстоятельства. Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать то, что в послевоенные годы, особенно — в годы брежневского правления, в стране произошел колоссаль-

ный прогресс сравнительно со сталинским периодом. Это не были годы «черного провала» и «застоя». Среди условий кризиса следует упомянуть прирост населения. Население увеличилось более чем на сто миллионов человек. Никакая западная страна не выдержала бы такую нагрузку, не впав в кризисное состояние из-за одной этой причины. Прирост населения сопровождался возрастанием доли непроизводительного населения и непомерным ростом его аппетитов в отношении материальных благ.

Важнейшую роль в созревании кризиса сыграл тот факт, что человечество пропустило одну очередную мировую войну. Благодаря непомерно затянувшемуся мирному времени внутренние закономерности коммунистического социального строя получили возможность проявить свою неумолимую силу. Но затянувшийся мирный период не был периодом всеобщей любви и дружбы. Он включил в себя «холодную войну», которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами «горячими». Советский Союз вынуждался на непосильные траты и на такие взаимоотношения с окружающим миром, которые истощили его силы и принесли ему репутацию «империи зла». Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно непомерно усилило западное проникновение в Советский Союз и страны его блока. Запад стал неотъемлемым фактором внутренней жизни страны, в огромной степени способствовавшим ослаблению защитных механизмов советского общества как общества коммунистического.

Надо, далее, различать возможность кризиса, которая постепенно усиливается в течение многих лет, но до поры до времени остается скрытой, и превращение этой возможности в действительность. Последнее происходит взрывообразно, сравнительно со временем накопления кризиса — внезапно. Те фак-

торы, которые приводят к такому кризисному взрыву, образуют толчок к кризису. В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса — созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом «перестройки». Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой «нажал кнопку», и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они не помышляли ранее.

Дело обстояло не так, будто в обществе начался кризис, вынудивший власть на определенную политику реформ, а наоборот, власть начала проводить определенную политику, мотивируясь соображениями, ничего общего не имевшими с интересами предотвращения надвигавшегося кризиса (об этом вообще не думали), и будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Превратившись в марионеток неуправляемого процесса, власть сделала хорошую мину при плохой игре: стала изображать роль сознательного реформатора общества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВРАГ КОММУНИЗМА

В западных масс-медиа тот процесс, который начался в Советском Союзе в 1985 году, изображается как результат исключительно внутренних советских причин, главным образом — как результат банкрот-

ства коммунистического социального строя. Эту позицию усвоили и советские (российские) интеллектуалы и реформаторы, используя ее как оправдание своей роли в этом процессе. Но это — вопиющая идеологически-пропагандистская ложь. Можно признать, что в созревании кризиса в Советском Союзе решающую роль сыграли причины внутренние (хотя не одни они), но в развертывании кризиса и в последующем крахе страны решающая роль принадлежит причинам внешним. Советский Союз и Россия были разгромлены в ожесточенной борьбе с превосходящими силами внешнего врага, имя которого — Запад.

Насколько я помню, во все послевоенное время западные политики, идеологи и журналисты постоянно говорили о Западе как о чем-то едином. Но стоит постороннему человеку заговорить о Западе именно как о таком целом, как немедленно следуют возражения, будто никакого единого Запада вообще нет в природе. В качестве аргументов при этом приводятся различия интересов западных стран, конфликты между ними и т. п.

Очевидно, когда говорят о единстве Запада, имеется в виду единство в одном смысле, а когда единство отрицается — в другом. Конечно, Запад как единое национальное государство вроде Франции, Италии и т. д. не существует. Но национальные государства суть не единственная форма человеческих объединений. После Второй мировой войны тенденция к интеграции стран Запада в новое огромное единство стала доминирующей в современной эволюции человечества, так же как и тенденция к образованию глобального общества под эгидой интегрирующегося Запада. Европейское сообщество, немыслимое без участия США, есть реальность, а не вымысел. Возьмите любой справочник по состоянию планеты, и вы в нем увидите бесчисленные

организации, учреждения и предприятия общезападного характера. Добавьте к этому бесчисленные сговоры стран, бесчисленные встречи их глав, совместные мероприятия. И это факт, а не вымысел, что уже сложилась экономика второго уровня, сферой действия которой являются все страны Запада и вся планета. И первой совместной западной операцией глобального и эпохального масштаба была «холодная война» Запада против Советского Союза и его блока в Европе.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей и апологетов капитализма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали непременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах стало угрожающе расти коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу внутреннего коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918—1920 годах. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе Второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией Советский Союз навязал свой строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Усилились коммунистические партии в Западной Европе. Советский

Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала вполне реальной.

Но было бы ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического мира исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 года стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял. Да и для Гитлера борьба против коммунизма («большевизма») была не столько самоцелью, сколько предлогом для захвата «жизненного пространства» и превращения живущих на нем людей в рабов нового образца. Победа Советского Союза над Германией и расширение сферы его влияния в мире колоссальным образом сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. А в перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели.

В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма — идея «холодной войны» — возникла как нечто само собой разумеющееся.

Обычно выражение «холодная война» употребляют как обозначение конфликта между коммунистическим и западным мирами, особенно между США и Советским Союзом, начавшегося сразу после окончания Второй мировой войны. Его назвали «холодным», поскольку не были вовлечены вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношениях между противниками. По единодушному признанию политических и идеологических лидеров Запада, «горячая» война с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вообще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что комму-

нистические режимы свергнуть военным путем невозможно. Так что «горячая» война ограничилась «малыми» войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически «холодная война» вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войны Германии с ее союзниками против СССР в 1941—1945 годах. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества — экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей — радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости — национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т. п. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

«Холодная война» не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь — американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

«Холодная война» была войной особого типа, первой в истории человечества «мирной» войной. Хотя

противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта — применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда это было, чтобы в смертельной схватке опасения последствий останавливали врагов?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх последствий имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной войны». Гонка вооружений и политика на грани «горячей» войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Главным оружием в «холодной войне» были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления.

Организаторами и исполнителями «холодной войны» ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения противника. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, отвлекавшая внимание людей от социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно психоанализа. Перефразируя слова одного западного социолога, можно сказать, что в «холодной войне» победил не капитализм, а лучшие средства оболванивания людей, действовавшие от его имени.

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Опыт «холодной войны» разрушил целый ряд предрассудков, столетиями владевших умами людей. Считалось, например, что народ надолго обмануть невозможно. «Холодная война» дала блестящий пример тому, что современными средствами идеологической обработки людей и манипулирования массами народ легче обмануть, чем отдельного человека, причем обмануть надолго, на любое время, пока есть смысл и средства для этого.

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом — США) полностью деморализовал советское общество, и прежде всего — его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени.

Принято считать, будто поражение Советского Союза и его сателлитов в «холодной войне» доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистическо-

го. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности коммунистического типа общественного устройства. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе — дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе — достоинства капитализма. Но победа Запада над Советским Союзом не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная война» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Легко привести примеры противоположного характера, которые можно истолковать как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная война» даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм, нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский

Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в «холодной войне».

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период «холодной войны» как борьбы двух социальных систем — капитализма и коммунизма — было поверхностным и в конечном счете ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы.

Но самый важный, на мой взгляд, урок «холодной войны» состоит в том, что обнаружилась самая глубокая цель Запада в этой войне — разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм был настолько органичен для России, настолько прочно вошел в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и русского народа как народа исторического. Почти с

полной откровенностью об этом было сказано в Законе о порабощенных нациях, принятом конгрессом США в 1959 году: в нем прямо говорилось о борьбе с русским империализмом, причем на территории исторического государства Российского, которое существовало в своей последней форме как Советский Союз. Одним словом, целились в коммунизм, а убивали Россию.

«ТЕПЛАЯ» ВОЙНА

С окончанием «холодной войны» не прекратилась борьба Запада против Советского Союза. Наоборот, она усилилась и вступила в новую фазу, которую я назвал «теплой» войной. Она охватила прежде всего сферу идеологии.

Советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это — обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще. Идеологическое оболванивание западных людей не уступает таковому в коммунистических странах, а во многом превосходит последнее.

В Советском Союзе в массе населения всегда процветало низкопоклонство перед Западом. Государственная идеология боролась против него и сдерживала хотя бы формально. С началом кризиса (то есть перестройки) произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру

и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массированной идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Началась беспримерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советское руководство встало в конце концов на путь насильственной западнизации страны, стало насаждать западные политические формы и социальные отношения.

Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневой экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой, антисоветской и антикоммунистической пропаганды и массового помутнения умов, а в верхах власти — просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории.

КРИЗИС

Послужив толчком к развязыванию кризиса, горбачевская политика перестройки сама стала главным источником кризиса и его самым сильным проявлением. Начавшись с идеологии и морального состояния общества, кризис углубился до самых его основ, охватив систему власти и управления и социальную организацию населения.

Был нарушен фундаментальный принцип владения. Поощрение форм владения, приближающихся к форме частной собственности, в огромной степени способствовало разрушению коллективистских оснований коммунизма. Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры ненадежность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Ослабла заинтересованность массы людей в делах и интимной жизни их деловых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к деловым коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Произошло вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Во власти всегда происходила борьба группировок. Но вовне власть всегда выступала как единое целое. Теперь она раскололась на всеобщее обозрение, и внутренние конфликты стали предметом всеобщего достояния. Группировки проявили непримиримую вражду по отношению друг к другу. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими разветвлениями власти. Органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности. Органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических умонастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе разоблачительские функции диссидентов. Заигрывания с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярности не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения. Разоблачения сталинистов и брежневистов фактически наносили удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Они приняли откровенно антикоммунистический характер.

В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть — партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата. Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить из партии. Антикоммунистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении невыборной по существу власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

Политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бескон-

трольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обошлись чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии.

Неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватили самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху. И это несмотря на то, что многие положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Была потеряна эпохальная цель общества — его ориентация на «полный коммунизм». Доминирующим стало состояние беспросветности. Идейные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Разрушилось также сознание исторической миссии советского народа и сознание внешнего эпохального врага. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и пропаганда с полным основанием утверждала о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада, — как святая правда.

Социальный кризис особенно ощутимо проявился в сфере экономики. Подчеркиваю, это не экономический кризис, а именно проявление социального кризиса в экономике. В основе его лежат сами прин-

ципы организации общества: системность, плановость, единое и централизованное управление, социальная организация людей. Внешними проявлениями кризиса является усиление обычных экономических трудностей сверх всякой меры. Но сущность его заключается в отступлении от коммунистических методов в экономике и в стремлении преодолеть экономические трудности капиталистическими методами. Нет надобности перечислять эти отступления, они общеизвестны.

В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма массы выступили как сила глубоко реакционная. Естественно, и вожди масс, отражающие их умонастроения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались с внутренними закономерностями и возможностями страны. Все идеалы ими были заимствованы в дореволюционной России, которую они идеализировали, и на Западе, причем не в западной реальности, которую они плохо знали и совсем не понимали, а в западной идеологии и пропаганде, рассчитанной на дураков из коммунистических стран.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Период российской истории, начавшийся в 1985 году, разделяется на две части. Они персонифицированы именами Горбачева и Ельцина. Эти

два человека дали свои имена новому периоду российской истории не в качестве выдающихся личностей, а, наоборот, в качестве самых гнусных порождений советского периода. Они причинили зла своей стране и своему народу больше, чем все их заклятые враги, вместе взятые. Возглавляемые ими клики развязали, мобилизовали самые грязные и разрушительные силы и страсти советского и затем российского общества, опираясь на которые они направили страну на путь капитуляции перед Западом и превращения страны в зону колонизации Запада. Не случайно они удостоились самых высших похвал на Западе. История человечества не знает ничего равного тому, как эти пигмеи были раздуты в средствах массовой информации Запада до масштабов исторических великанов. Правда — лишь на короткий срок, пока они громили свою страну и свой народ согласно инструкциям со стороны Запада и в угоду своим западным хозяевам.

Читатель не должен воспринимать мои слова всего лишь как субъективное мнение. Это — точная научная характеристика этих личностей, этих клик, созданных ими социально-политических режимов. Наше время характеризуется поразительным стремлением уклониться от познания сущности социальных явлений, всеобъемлющим страхом перед истиной. Прилагаются колоссальные усилия к тому, чтобы создать извращенные представления о реальности, феномены которой и без того (то есть сами по себе) принимают извращенные формы. Современные средства массовой информации превратились в мощнейшее орудие дезинформации и идеологического оболванивания человечества. Одним из проявлений этого является стремление осмыслить социальные феномены, чтобы поднять их в сознании масс на высочайший теоретический уровень, в то время как на самом деле они адекватно должны быть

описаны и оценены как явления зловонной исторической клоаки. Убийцам, грабителям и жуликам приписывается статус борцов за прогресс. Интеллектуальным кретинам, шарлатанам и авантюристам приписывается статус выдающихся мыслителей и реформаторов. Жертвам разбоя преступных и бесчестных правителей приписывается статус нацистов, фашистов, красно-коричневых, бандитов. Я хочу здесь лишь называть вещи своими именами.

ПЕРЕСТРОЙКА

С первых же шагов перестройки стало очевидно, что ее позитивные намерения (если таковые были на самом деле!) — поднять страну на уровень богатейших стран Запада путем некоего ускоренного развития — в принципе неосуществимы в существующих условиях. Вместо ускоренного прогресса начался стремительный регресс во всех основных аспектах жизни общества. Естественно, стали искать не объективные причины этого ухудшения, а виновников, якобы препятствовавших осуществлению замечательных планов горбачевской клики. И нашли их в сталинистах, брежневистах, одним словом — в неких консерваторах. Вот если бы не эти наделенные всеми мыслимыми недостатками исчадия сталинизма, то с молниеносной быстротой Советский Союз приобщился бы к высотам мировой цивилизации!

Зато разрушительная часть перестройки пошла чрезвычайно успешно. Остановлюсь кратко на основных, на мой взгляд, «достижениях» на этот счет.

Теперь принято считать, что «холодная война» закончилась и что основная заслуга в этом принадлежит Горбачеву и его сообщникам. Но при этом помалкивают о том, в чем именно заключалась эта «заслуга». Пройдут годы, и потомки оценят роль гор-

бачевской клики по достоинству, а именно — как беспрецедентное в истории человечества предательство интересов своей страны и своего народа. Я не знаю в истории другого такого случая предательства, который по масштабам и последствиям можно было бы сопоставить с этим. Период Второй мировой войны дал много примеров предательства, но они просто детская забава в сравнении с тем, что удалось сделать горбачевской клике в мирное (в обычном смысле) время. Если бы лидеры Запада назначили на пост главы Советского государства своего собственного политика, убежденного антикоммуниста, он не смог бы нанести такого ущерба Советскому Союзу и советскому народу, как это сделал Горбачев со своей кликой. Они действовали как опытные партийные аппаратчики, со знанием дела, используя всю мощь власти, какой обладало коммунистическое государство. Явление поистине поразительное, никак не укладывающееся в рамки здравого смысла: могучее коммунистическое государство использовалось как орудие разрушения общества, которому оно обязано своим существованием и охранять которое было его священным долгом!

Результатом окончания «холодной войны» явилось то, что распался советский блок в Европе и Советский Союз утратил свою роль второй сверхдержавы планеты. И главную роль в этом сыграли не мудрость и мужество лидеров Запада, а предательская внешнеполитическая стратегия советского руководства. Оно по своей инициативе, добровольно капитулировало перед Западом, само приползло на коленях к противнику со слезными мольбами принять добровольную капитуляцию. На Западе не ожидали такого щедрого подарка. Это было сделано с поистине русской щедростью. Это была своего рода антиатака на Запад: мол, возьмите все, что мы имеем, причем даром, даже с приплатой. И этот уникальный идиот-правитель и

уникальный предатель в приступе маниакального тщеславия вознамерился тем самым начать «перестройку» всей планеты, всего человечества. Ему было невдомек, что Запад сам уже начал перестройку планеты, но по своим, западным планам, и что в этих планах Запада ему, Горбачеву, отвели соответствующую роль — роль разрушителя советского общества.

Во внутриполитической стратегии горбачевской клики главный удар был направлен на разрушение советской системы государственности. Все преобразования высших органов власти, происходившие по инициативе Горбачева, вели в одном направлении — в направлении создания аппарата сверхвласти, находящегося вне партийного аппарата и подчиняющего его себе. Самыми значительными шагами в этом направлении были, во-первых, создание президентской системы правления и, во-вторых, исключение из Конституции пункта о руководящей роли КПСС, низведение КПСС до статуса просто партии, допущение других политических партий (многопартийности) и лишение КПСС монополии на власть. Это произошло на чрезвычайном съезде народных депутатов в марте 1990 года.

В июле 1990 года состоялся XXVIII съезд КПСС. На нем консерваторам во главе с Лигачевым было нанесено окончательное поражение, они были выброшены из руководства партией. Путь к реализации амбиций Горбачева, казалось, был расчищен. Но новая организация органов власти, удовлетворив амбиции Горбачева в отношении его личного положения в них, оказалась непригодной для задуманных преобразований й вообще для управления страной нормальным образом. Получилась аморфная структура власти, заполненная к тому же дилетантами. Дабы компенсировать слабость новой власти, начались бесконечные горбачевские требования чрезвычайных полномочий. И он их получал.

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР и главой вооруженных сил, Горбачев тем самым с самого начала своего правления получил в свои руки всю полноту власти. Казалось, что еще нужно?! А между тем вся история его правления состояла в том, что он просил и требовал предоставить ему ту самую полноту власти, которую он, казалось, имел изначально. В чем тут дело? Дело в том, что власть Горбачева в любом ее обличье была властью кризисной. Он, как и вслед за ним Ельцин, впал в иллюзию, будто все проблемы страны можно было решить путем махинаций с системой власти. Полнота власти тут приобреталась формально, а не практически. Она была достаточно сильна, чтобы производить разрушительные действия, но слишком слаба, чтобы делать что-то позитивное, созидательное. Она все время казалась недостаточной, поскольку ее нельзя было употребить в дело должным образом и поскольку сам факт предоставления полномочий не делал подвластных покорными без применения орудий реальной власти, которая разрушалась. Если бы Горбачев был наделен полномочиями императора или даже фараона, суть дела от этого не изменилась бы.

Вместо разрушенной коммунистической политической системы возникла не демократическая форма власти западного образца, а лишь ее карикатурная имитация. В республиках бывшего Советского Союза, включая Россию в первую очередь, сложились так называемые президентские системы власти, ничего общего не имеющие с президентской системой США или Франции, а именно — диктаторские режимы, по сравнению с которыми брежневский режим выглядит как вершина либерализма. Рухнули прежние структуры профессиональной системы управления. На их месте возникли дилетантские струк-

туры, не имеющие достоинств прежних, но зато усилившие их недостатки. Новые правители с удесятеренной силой сравнительно с предшественниками ринулись удовлетворять свои хищнические аппетиты. К ним присоединилось огромное число (если не большинство) прежних чиновников партийного и государственного аппарата, молниеносно изменивших свою политическую ориентацию. Гигантский хамелеон советской системы власти лишь изменил свою окраску применительно к новым условиям. Под другими названиями и в ухудшенном виде в республиках возродились тоталитарные режимы, обрядившиеся в оболочку антикоммунизма и национализма и утратившие черты прежней законности.

Вожди этих режимов обнаружили полную некомпетентность в управлении своими странами. Любой ценой удержать власть лично для себя и для своих сообщников — такова единственно реальная подоплека всей их руководящей суеты и демагогии. А цена эта — разрушение и разграбление своей страны под диктовку Запада, без поддержки которого они давно были бы выброшены на помойку истории.

Вместо обещанного сокращения и удешевления аппарата власти произошло противоположное — он стал неумолимо разрастаться, а расходы на него увеличились за несколько месяцев в несколько раз сравнительно с прежними. Новые властители первым делом увеличили себе зарплату и прибрали к рукам все привилегии прежних работников власти. Они стали пользоваться внеочередностью везде и во всем, летали бесплатно на самолетах. В их распоряжении оказались лучшие гостиницы и санатории, бесплатные автомашины, заграничные паспорта, специальные больницы и т. п. Трудно назвать депутата-демократа, который не побывал бы несколько раз на Западе и не привез бы оттуда дефицитные в Советском Союзе вещи, которые продавались за-

тем там за огромные деньги. Даже западные газеты с удивлением писали о том, что новые советские правители в огромном числе открыли себе счета в западных банках. Демократы завладели закрытыми распределителями продуктов, им доставалась львиная доля строившихся квартир.

Демократы устроили злобную травлю бывших работников партийного аппарата КПСС, заполнив этим все средства массовой информации, включая органы самой КПСС. Одним словом, получилась не демократия западного образца, лишь ее имитация в советском духе, лишь вывернутая наизнанку прежняя система. Работало лишь то, что как-то осталось от прошлого, только много хуже, чем раньше.

В истории не раз имели место случаи, когда заведомо безумные и жульнические планы завладевали умами правителей. Это обычно происходило в критические периоды жизни стран и народов. С первых же шагов «перестройки» обнаружились трудности в осуществлении ее позитивных намерений и разрушительные последствия. И было бы удивительно, если бы в таких условиях не стали появляться шарлатанские и шизофренические планы преобразования. И они стали появляться, причем один глупее другого. Все рекорды на этот счет побил план «500 дней», авторство которого приписывают Г. Явлинскому, С. Шаталину и Н. Петракову. Согласно этому плану, Советский Союз в течение пятисот дней должен был превратиться из коммунистической страны в страну капиталистическую, причем на уровне передовых западных стран. На Западе этот план хвалили, ибо понимали, что претворение его в жизнь привело бы к молниеносному краху советского общества. Горбачевцы от этого плана отказались, поскольку абсурдность его была очевидна даже им. Но они не отказались от идеи введения «рыночной экономики» и приватизации, которая стала витать в

их сознании как панацея от всех бед. В результате в стране стала стремительно деградировать старая экономическая система, уступая место экономике криминальной.

Вместо разрушенной коммунистической (плановой и командной) экономики возникла не рыночная экономика, к какой призывали новые лидеры и хозяева страны, не имевшие ни малейшего понятия о механизме реальной рыночной экономики западных стран, а лишь ее карикатурная имитация. По существу же эта экономика явилась лишь легализацией преступной («теневой») экономики брежневских лет, а также расцветом мафиозной экономики, грабящей страну совместно с представителями экономической интервенции со стороны Запада. Началось разбазаривание всего ценного, что было создано трудом, умом и талантом народа за годы советской истории. Жизненный уровень масс населения стремительно снизился сравнительно с брежневскими годами, которые теперь стали вспоминаться как «золотой век» русской истории. От всего этого выгадало ничтожное меньшинство населения — преступники, нажившие в считанные дни баснословные богатства. Но возникли эти богатства не за счет подъема экономики и роста производства, а за счет ее упадка и краха производства, то есть путем ограбления масс рядовых граждан и накопленных ранее ресурсов страны.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли, хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суета разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми

деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прибегая к другому образному сравнению, горбачевское руководство оказалось подобным обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Но самый страшный результат того, что произошло после 1985 года в нашей стране, это — моральное, психологическое и идейное разложение основного населения страны. Люди уже не могут сознаться в том, что совершили эпохальную глупость, добровольно поддавшись влиянию реформаторов и их западных наставников. Теперь они в отчаянии от того, что произошло. Но в России просто нет авторитетных для них сил и вождей, которые могли бы указать им приемлемый выход из катастрофического положения и за которыми они могли бы пойти.

ФАКТОР ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В 1985 году Горбачев еще до избрания его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС (но уже всем было ясно, что он им скоро станет) посетил Англию. Он не пошел на могилу Маркса, родоначальника коммунистической идеологии, которая была государственной идеологией Советского Союза и идеологией КПСС. Вместо этого он отправился на прием к королеве. Я по этому поводу сказал в каком-то интервью, что начинается эпоха великого исторического предательства. На Западе это предательство расценили как некое прозрение. Это чепуха. Никакого прозрения не было, ибо не было никакого ослепления. Началось самое настоящее массовое, расчетливое, продажное и холуйское предательство, предательство из самых низменных интересов и в силу самых низменных человеческих качеств.

Предательство совершили прежде всего высшие руководители страны, работники партийного аппарата, идеологические вожди и представители интеллектуальной элиты. Рыба, как говорится, начинает гнить с головы. Те люди, которые выбрались на высоты власти, делали карьеру в партийно-государственном аппарате, по его законам. Их само собой разумеющейся обязанностью было сохранять существующий социальный строй страны, систему государственности и идеологию. Это был их строй, их власть, их идеология в первую очередь. Население страны привыкло жить с естественной уверенностью, что их вожди так или иначе будут в интересах самосохранения и сохранения страны выполнять свой долг. Но произошло нечто невероятное: до сих пор свирепо расправлявшаяся со всеми, кто покушался на социальный строй, государственность и идеологию страны, власть сама стала нападать на эти основы общества с таким остервенением, какое даже не снилось его заклятым врагам. Что это? Прозрение?!

В истории человечества реформаторы — обычное дело. Были реформаторы всех сортов. Но еще не было случая, чтобы высшая власть сама сознательно ломала основы своего, подвластного ей общества. Так делали только предатели. Нормальный исторический процесс выглядит так: в обществе постепенно происходят перемены, реформаторы приводят какие-то элементы его организации в соответствие с этими переменами. Ничего подобного не было в данном случае. Советские реформаторы стали насильственно насаждать в стране совершенно чуждые ей формы жизни, заимствованные даже не из западной реальности, о которой они имели весьма смутное представление, а из западной идеологии и пропаганды, рассчитанной на незападных дураков. И делали они это по указке врагов страны, перед которыми они капитулировали, которым без боя сдали способ-

ную к самообороне страну. Так кто же они, если не предатели?!

Представьте себе такую картину. Две армии ведут сражение друг против друга. И исход войны еще не предопределен. И вдруг командование одной из этих армий вместе со своим штабом перебежало к противнику и стало активно и со знанием дела помогать противнику громить преданную ими армию. Нечто подобное, только в грандиозных глобальных и эпохальных масштабах, произошло с советским высшим руководством с приходом горбачевских реформаторов к высшей власти. Они не просто предали свою страну, они стали выполнять функции оккупационного правительства.

Представьте себе теперь такую картину. Папа Римский выходит на площадь Святого Петра в Риме и говорит собравшимся следующее. Дорогие католики, я должен заявить вам, что никакого Бога нет, что католическая церковь есть преступная организация, и я распускаю ее. Как вы оцените поведение такого Папы? А ведь именно в таком духе стали высказываться советские идеологи. Главный идеолог страны А. Яковлев, до последнего времени клявшийся в верности марксизму-ленинизму, поносивший американский империализм и западную идеологию, вдруг отрекся от марксизма и коммунизма и возглавил антикоммунистическую кампанию. Что это такое? Вдруг ни с того ни с сего прозрел старый прожженный партийный карьерист? О нет! Он всегда был готовым на предательство двурушником. Теперь наступил момент, когда он счел выгодным для себя перебежать на сторону врагов своей страны. И таких двурушников-предателей в среде идеологических пастырей России оказались тысячи.

Предательство приняло поистине массовые масштабы, захватив рядовых членов партии, армию, интеллигенцию. Как бы там ни было, вступая в КПСС,

люди давали клятву верности идеалам марксизма-ленинизма, клялись отдать все силы служению Родине. И несмотря на это, миллионы покинули партию, когда пример им подали их вожди. Кто эти люди? Клятвопреступники. Не выполнили присягу и сотни тысяч военнослужащих. И они клятвопреступники. Офицеры русской армии за плату и награды убивали своих соотечественников 3—5 октября 1993 года. То же самое делали купленные милиционеры. Кто они? Предатели своего народа.

Я вспоминаю начало войны с Германией в 1941 году. Тогда в плен сдавались миллионы. Генералы, офицеры и младшие командиры немедленно поснимали знаки отличия. И прежде всего отреклись от своих званий политические работники. Тогда я находил объяснения этому факту, которые теперь считаю ошибочными. Способность к массовому предательству на самом деле коренилась в качествах самого человеческого материала.

Нынешнее предательство было далеко не бескорыстным. Предателями стали прежде всего образованные люди, занимавшие сравнительно высокое положение в советском обществе. За свое предательство они получали возможность приспосабливаться к новым обстоятельствам, становиться известными, делать карьеру, получать денежные подачки в виде баснословных гонораров.

Мощнейшим орудием Запада в его деятельности по разложению советского общества было воздействие на тщеславие советских людей. Я бы назвал это искушением известностью. Многие влиятельные личности поддались ему с поразительной легкостью и силой. На Западе использовали эту слабость советских политических, общественных и культурных деятелей, подобно тому, как западные колонизаторы и завоеватели использовали слабость американских туземцев к алкогольным напиткам.

Они спаивали туземцев, приобретая порою огромные территории и несметные богатства за бутылку «огненной жидкости».

На удочку известности сначала клюнули советские диссиденты. Их примеру последовали деятели культуры и спортсмены. «Мировой славе» их позавидовали партийные и государственные чиновники. Они ринулись к «огненному напитку» славы, отталкивая диссидентов, критиков режима, писателей, музыкантов и всех прочих, чьи имена до этого мелькали в западных средствах массовой информации. Они превзошли своих предшественников, вырвав из их рук знамя антисоветизма и антикоммунизма. Чемпионом в этом деле борьбы за «огненный напиток» славы стал глава Советского государства и глава КПСС Горбачев, удостоенный за свое беспрецедентное предательство званий человека года и десятилетия и множества почетных званий. За тот бум, какой поднялся на Западе по его адресу, он мог бы предать не только свою страну, но и все человечество. Впрочем, он это сделал в отношении своих союзников в Европе и прочих частях света. По стопам Горбачева ринулись прочие высокопоставленные советские Иуды: Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и многие другие. Стремление заслужить похвалы и известность на Западе стало важнейшим стимулом поведения советских реформаторов.

Платой за предательство стало то, что бесчисленное множество людей, ранее не имевших шансов сделать карьеру и нажиться материально, получило возможность занять посты во вновь формировавшейся системе власти со всеми их привилегиями и источниками доходов. Короче говоря, эпидемия предательства, овладевшая с молниеносной быстротой советским обществом, имела вполне земные основания, не имевшие ничего общего ни с какими идейными мотивами и ни с каким интеллектуальным прозрением.

Правящие верхи нашего народа и их идеологические холуи предали свою страну и свой народ. Но происходило это предательство на глазах народа, при его попустительстве и даже с его одобрения. Народ как целое стал соучастником этого исторического преступления. Наш народ стал народом-предателем. Он предал свое прошлое, предал тех, кто принес ради него неслыханные жертвы, предал своих потомков, предал сотни миллионов людей на планете, смотревших на него как на образец, опору и защиту. Пройдут годы, может быть века, и наши потомки осудят нас как предателей, подлецов, дураков, шкурников, холуев, трусов, капитулянтов. И проклянут нас. И это будет справедливо, ибо мы заслуживаем такой суд.

КОММУНИСТЫ

Слово «коммунисты» превратилось в идеологический ярлык, который навешивают на тех людей в бывших коммунистических странах, поведение которых не соответствует планам и желаниям западных организаторов погрома этих стран и их коллаборационистов в этих странах. Если что-то идет там не так, как хотелось бы и на что рассчитывали, вместо объективного анализа причин молниеносно находится априорное «объяснение»: это недобитые коммунисты пытаются повернуть колесо прогресса вспять. И миллионы людей охотно верят в эту идеологическую ложь. Зачем прилагать усилия к познанию истины?! Знание истины ко многому обязывает. В какой-то мере пробуждает совесть. А тут — и думать не надо, все вроде бы ясно — коммунисты виноваты, и совесть чиста, ибо коммунисты — исчадия ада.

Кто такие коммунисты на самом деле? Люди, искренне веровавшие в коммунистические идеалы? Если таковые были когда-то, то они были уничтоже-

ны в сталинские годы, в самом их начале. Я за всю свою жизнь в Советском Союзе ни разу не встретил такого рода фанатиков коммунизма. В большом количестве существовали такие индивиды, вера в коммунистические идеалы которых была их профессиональной обязанностью, — это были всякого рода партийные работники, пропагандисты, преподаватели марксизма и т. п. Члены партии? Но в партию люди вступали вовсе не из одержимости идеями коммунизма. Одни вступали из карьеристских соображений, другие — с искренним желанием участвовать в общественной жизни страны и добиваться улучшения условий жизни рядовых людей. Но при всех обстоятельствах идеи коммунизма и символы играли тут роль чисто формальную, организующую. Работники партийного аппарата? Но это были функционеры государственного аппарата, его стержневой части. В это множество следует включить и всю партийную номенклатуру, которая за редким исключением состояла из активных членов партии. Работники идеологического аппарата? Они были марксистами по профессии. Число их было огромно. Только самые глупые из них были искренними приверженцами идеалов коммунизма. Советские люди, которых устраивал коммунистический социальный строй и которые были приучены жить в нем, как в своей родной стихии? Таких было десятки миллионов. И во всех упомянутых категориях граждан советского общества имело место критическое, во многих случаях даже не в меру негативное отношение к идеям коммунизма, к марксизму, к самому советскому социальному строю. Короче говоря, слово «коммунист» всегда, насколько я помню, было многосмысленным, употреблялось в исключительных случаях, никогда не характеризовало какие-то категории людей по существу.

Но оставим в стороне этот словесный фетиш. Посмотрим, как вели себя в рассматриваемый период

люди, к которым в какой-то мере это слово приложимо. Идеи перемен в обществе созрели прежде всего в самых верхах партийного руководства и в кругах обслуживавшей его интеллектуальной элиты, которая почти полностью состояла из членов партии и партийных функционеров. Человек, возглавивший перестройку, был с юных лет комсомольским и партийным аппаратчиком. Он сделал карьеру в партийном аппарате, причем по законам аппарата, как один из самых ловких и циничных карьеристов. Потом он стал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, а в 1985 году стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, то есть коммунистом Номер Один. Он многократно подчеркивал, что идеи перестройки были выработаны в ЦК КПСС и проводились по его инициативе, как «революция сверху». Так что вся затея с перестройкой была затеей коммунистов. Сам Е. Лигачев, будущий лидер консерваторов, бывший тогда вторым человеком в партийной иерархии, хвастался, что идея перестройки была его идеей.

Когда стало ясно, что позитивные намерения перестройки потерпели полное банкротство, а негативные следствия горбачевских реформ стали принимать разрушительно-катастрофический характер, консерваторы из высшего партийного руководства не обратились к широким слоям населения или хотя бы к массам рядовых членов партии. Они пытались действовать закулисными методами, как заурядные работники бюрократического аппарата, волею исторической случайности получившего название коммунистического.

Большинство партийных функционеров поддержали исключение из Конституции СССР пункта о руководящей роли КПСС, о ликвидации монополии КПСС на власть, о допущении многопартийности. Большинство поддержало горбачевцев на съезде КПСС, когда из руководящих партийных органов

изгонялись консерваторы во главе с Лигачевым. Никто из работников партийных комитетов не оказал сопротивления, когда начались их погромы. Из партии стали выходить десятки и даже сотни тысяч ее членов, причем самых карьеристичных, в свое время преуспевавших за счет своей партийности и сделавших карьеру даже в партийном аппарате.

Члены ГКЧП, сделавшие неудачную попытку остановить движение страны к катастрофе в августе 1991 года, пришли к высшей власти как реформаторы, как члены клики Горбачева. Будущие противники клики Ельцина во главе с вице-президентом Руцким и Председателем Верховного Совета РФ Хасбулатовым защищали Белый дом от путчистов в качестве активных членов ельцинской клики. Руцкой лично арестовывал члена ГКЧП Крючкова, бывшего Председателем КГБ СССР. Всех их с одинаковым правом можно считать коммунистами. И всех их бессмысленно считать коммунистами.

Бывшая партийная элита молниеносно «перестроилась» в директоров частных и совместных предприятий, учредителей банков и бирж, используя свои номенклатурные связи. Им ничего не стоило поменять традиционные портреты Маркса и Ленина в своих кабинетах на знаки своих новых фирм. После роспуска КПСС многомиллионная армия членов КПСС без единого протеста признала это как заурядный факт текущей рутины.

В руководстве нынешних коммунистических партий нет ни одного партийного лидера, еще недавно мелькавшего на экранах телевизоров и в прессе, нет ни одного члена Политбюро и ЦК КПСС. Их место заняли люди, пришедшие снизу. Эти партии мало что общего имеют с прежней КПСС. О каком тут коммунизме может идти речь, если один из лидеров этих «коммунистов» счел необходимым для России следовать формуле «Самодержавие, право-

славие, народность»! Эти партии не поддержали восстание Верховного Совета против ельцинской клики в сентябре—октябре 1994 года, приняли участие в референдуме по поводу явно антикоммунистической Конституции и в выборах в Государственную Думу. И это — после кровавых событий 3—4 октября!

Весь поток антикоммунистических и антисоветских помоев был начат по инициативе идеологического аппарата КПСС. Один из лидеров советской идеологии А. Яковлев стал ведущим антикоммунистом, молниеносно изменив свою позицию на противоположную.

Участники демонстраций и митингов с красными знаменами и портретами Ленина и Сталина в большинстве вообще не были членами партии и тем более партийными работниками. Это были в основном люди, больше всех пострадавшие, от кошмара горбачевских и затем ельцинских реформ. Защитники Белого дома и жертвы его обстрела вообще не имели никакого отношения к коммунистам.

Нет надобности продолжать. Реальные факты буквально вопиют о том, что слово «коммунисты» не дает абсолютно ничего для понимания советского общества и всего того, что с ним стало происходить начиная с 1985 года. Оно лишь вводит в заблуждение. А в западной идеологии упорно навязывают этот идеологический штамп, боясь того, что отказ от такого рода средств обмана может обнаружить неприглядную истину событий в России и неприглядную роль Запада в них.

РАСКОЛ РЕФОРМАТОРОВ

С самого начала своей деятельности горбачевская клика проявила половинчатость, непоследовательность и нерешительность в проведении провоз-

глашенных реформ в жизнь. Это было обусловлено не столько личными качествами Горбачева, сколько свойствами реформируемого общества, возможностями власти и характером предпринимаемых преобразований. В силу этих условий лишь разрушительная часть перестройки могла быть успешной. Что же касается ее позитивных намерений, они не могли удаться при любых реформаторах. Сначала виновников этого видели в консерваторах. Но вот консерваторов сбросили с высот власти, а также и на более низких уровнях. Никаких помех для успеха преобразований вроде бы не стало. А успехов все равно не было. Естественно, теперь виновных стали искать среди тех, кто оказался на правом фланге правящих сил, — среди умеренных реформаторов, возглавлявшихся Горбачевым. Наметившееся с самого начала различие умеренных и радикальных реформаторов теперь должно было по законам политической борьбы за власть дойти до их раскола и противопоставления как новых консерваторов и последовательных реформаторов. Так это и случилось. Лидер радикалов Б. Ельцин и ряд других радикалов, занимавших высокие посты, вышли из КПСС. Ельцин сделал это в духе современной склонности к мировым сенсациям, то есть демонстративно на XXVIII съезде КПСС.

Поскольку консерваторы стушевались, главным объектом нападок со стороны радикалов стали горбачевцы и особенно сам Горбачев. Он становился самой ненавистной фигурой в стране. Став Президентом Российской Федерации, Ельцин вообще сделал основой всего движения радикалов (демократов) борьбу против центрального правительства и борьбу за свержение Горбачева, дабы самому занять его место лидера перестройки. Борьба за личную власть на высотах власти затмила собою проблемы, из-за которых вроде бы затевалась перестройка.

Началось заметное оживление консерваторов и явное поправение горбачевцев. Его непоследовательность и нерешительность стали очевидны для всех. К концу 1990 года многие стали констатировать эволюцию Горбачева в сторону консерватизма, которую на Западе стали расценивать как движение к диктатуре. На заседании Верховного Совета СССР 22 апреля 1991 года глава правительства Павлов изложил программу выхода из кризиса, которая была очевидным образом сходна с программой консерваторов (ограничения приватизации, например).

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 24—25 апреля 1991 года, обнажил ту расстановку политических сил в стране, какая тут имела место с самого начала перестройки: консерваторы, радикалы и центристы. Горбачев определил свою позицию как центристскую, назвав позицию консерваторов правым авантюризмом, а позицию радикалов — левым авантюризмом. Очевидно, школа комсомольского активиста в сталинские годы и партийного функционера в брежневские годы не прошла даром!

Пленум констатировал факт катастрофического состояния страны и признал, что причины его кроются не только в наследии прошлого, но и в «просчетах» политики перестройки. Хотя пленум подтвердил приверженность партии перестройке как курсу на обновление общества, было очевидно, что в стране наметилась сильная тенденция к контрперестройке. Это не ускользнуло и от внимания западных дирижеров советской перестройки и вызвало тревогу. Горбачев в телефонном разговоре с Президентом США Бушем заверил его в твердости своего намерения продолжать прежний курс. Заверил, как в свое время заверял Партию и Правительство, преданно служить делу коммунизма. Но это уже не могло ввести в заблуждение его западных хозяев.

Со временем, я уверен, все материалы, касающиеся событий в Советском Союзе в рассматриваемый период, будут преданы гласности, и на Западе будут гордиться тем, что львиная доля в их организации принадлежала западным политическим стратегам и соответствующим службам. Но на основании тех материалов, которые доступны уже сейчас, можно с большой степенью уверенности сказать: эти силы Запада подготовили беспрецедентную, крупномасштабную провокацию, которая проявилась в событиях 19—21 августа 1991 года. Цель этой провокации была вынудить тех людей в советской системе власти, которые были склонны остановить губительный для страны процесс преобразований, к такому открытому выступлению, которое дало бы возможность легко разгромить их и скомпрометировать их в глазах мирового общественного мнения, установив на этой основе политический режим, который довел бы разгром страны до конца.

АВГУСТ 1991

В Москве 19—21 августа 1991 года была предпринята попытка государственного переворота. Когда она началась, западные средства массовой информации немедленно окрестили его как путч. Слово «путч» в сознании западных людей вызывает вполне определенную картину: кучка заговорщиков, используя вооруженные силы, устраняет законное правительство и захватывает власть в свои руки. В данном случае ничего подобного на самом деле не было. Было нечто иное, что не укладывается в рамки привычных пропагандистских и журналистских штампов. Слово «путч» было пущено в оборот не приверженцами беспристрастной истины, а участниками одной из политических сил,

кровно заинтересованных в дискредитации тех, кто рискнул пойти на переворот.

Рассмотрим сначала чисто внешний аспект события. Кто были лица, образовавшие Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР, сокращенно — ГКЧП? Вице-президент СССР Г. Янаев, премьер-министр СССР В. Павлов, Председатель КГБ СССР В. Крючков, министр внутренних дел Б. Пуго, министр обороны Д. Язов, первый заместитель председателя Совета Обороны СССР О. Бакланов, председатель Крестьянского союза СССР В. Стародубцев и президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А. Тизяков. Так что «путчисты» были люди, занимавшие высокие посты в центральной власти СССР. Запомните это: центральной власти!

Согласно указу вице-президента Янаева, он, Янаев, вступил в исполнение обязанностей президента СССР в связи с тем, что Горбачев по состоянию здоровья не мог исполнять обязанности Президента. Янаев сделал это на основании статьи 127.7 Конституции СССР. Члены ГКЧП заявили, что над страной нависла смертельная опасность, что перестройка зашла в тупик и необходимы чрезвычайные меры по выводу государства и общества из кризиса.

Членов ГКЧП обвинили в том, что их действия якобы были неконституционными. Так ли это было на самом деле? Я утверждаю, что сам подход к событию с юридическими мерками лишен смысла. Если бы переворот удался, то нашлось бы более чем достаточно оснований, чтобы признать его конституционным, и нашлось бы достаточное число экспертов, которые привели бы убедительные аргументы в пользу этого. Но переворот сорвался, и доминирующие в стране и в мире силы оценили его как неконституционный, найдя для этого подходящие (с точ-

ки зрения обмана общественного мнения) аргументы. Но, повторяю, как то, так и другое бессмысленно именно юридически. Если встать на позицию оценки событий как конституционных или неконституционных, то с полным основанием вообще все действия горбачевской клики можно оценить как неконституционные. Я уж не говорю о действиях клики Ельцина, неконституционный характер которых признавали даже его сообщники. Вообще вся эпоха, начавшаяся в 1985 году, означала полное игнорирование всякой законности и превращение в некую законность того, что делалось по произволу правящих клик.

Если смотреть на событие как на нечто серьезное, а не как на имитацию переворота и заранее спланированную провокацию, то поведение «путчистов» выглядит как серия непростительных ошибок. Никто, кроме Горбачева, не был отстранен от власти. Как выяснилось впоследствии, Горбачев был свободен и мог общаться с внешним миром. Он был заранее в курсе того, что должно было произойти, и как политический прохвост собирался так или иначе извлечь для себя пользу из любого исхода попытки переворота.

Никто не был арестован. «Путчисты» — не младенцы, они должны были понимать, на что шли. Если их намерения были действительно серьезны, они первым делом должны были бы арестовать всех активных «демократов», и в первую очередь — Ельцина. Они должны были понимать, что в стране фактически шла война на разгром всего советского, и действовать методами, адекватными этой реальности. Но они этого испугались. Они даже не решились признать истину во всей ее беспощадности. Они сами принадлежали к реформаторам, сами были повинны в том состоянии, до которого довели страну. Желание выйти из переворота чистенькими, боязнь

решительных действий, боязнь осуждения со стороны Запада имели следствием то, что «путчисты» не выполнили основное условие переворота — отстранение от активной деятельности своих противников и изоляция их. Это стало главной причиной срыва переворота.

Янаев заявил, что советское руководство и дальше будет следовать курсом, который в 1985 году определило горбачевское руководство. Это была вторая непростительная ошибка «путчистов». Надо было категорически осудить горбачевский курс как стратегически ошибочный, губительный для страны и фактически преступный, предательский. От них этого ждали миллионы людей, которые их поддержали бы. Приученное к покорности по отношению к распоряжениям высших властей население сочло бы это как новую установку и в течение кратчайшего времени встало бы на путь восстановления доперестроечного образа жизни. Но «путчисты» не решились на такой шаг, а их противники все равно приписали им намерения реставрировать «сталинистский» режим и расправиться с «демократией».

По решению ГКЧП в переворот пытались вовлечь вооруженные силы. В советской истории уже был такой случай, когда в 1953 году убрали Берию. Тогда в Москву были введены части тех же элитарных дивизий, которые теперь, почти сорок лет спустя, были введены в Москву по приказу ГКЧП. Члены ГКЧП, отдавая приказ о введении их в Москву, поразительным образом не учли тех перемен, которые произошли в стране за годы перестройки. Хотели они того или нет, они сыграли на руку тем, против кого намеревались бороться. Они фактически сыграли роль провокаторов. Если их и стоило судить, то прежде всего за некомпетентность и нерешительность. Распорядившись вооруженными силами таким образом, они в огромной степени

усилили деморализацию армии, сделав первый шаг в превращении ее в силу подавления своего собственного народа.

Радикальные силы (демократы) во главе с Ельциным умело использовали конституционную демагогию, в рамках которой еще держались члены ГКЧП, и захватили роль защитников конституционного порядка и демократии, что усилило симпатии к ним мирового общественного мнения. Они с поразительной быстротой мобилизовали ту часть населения, которая поддерживала их. Зная убогий интеллектуальный уровень самого Ельцина и его сообщников, зная организаторскую бездарность этих политиков-дилетантов, я нисколько не сомневаюсь в том, что к этой операции был приложен более высокий интеллект, организаторские способности и опыт, чем те, какими располагало советское общество.

Одно то, что среди защитников Белого дома появился на редкость чуткий политический конъюнктурщик Ростропович, красноречиво говорит о том, что это была грандиозная инсценировка. Если бы в этом Белом доме даже комары кусались, этот «мужественный» защитник демократии вряд ли появился там. Во время «обороны» участники ее распивали шампанское. Пройдет немного времени, и в том же Белом доме будет проливаться кровь русских патриотов.

Большинство населения страны, втайне сочувствовавшее «путчистам» и надеявшееся, что кошмар перестройки наконец-то кончится, осталось пассивным. К тому же оно, одураченное пропагандой реформаторов и радикалов в течение предыдущих шести лет, впало в состояние полной растерянности. Оно было просто неспособно судить о том, на чьей стороне правда с точки зрения их же интересов. Это молчаливое большинство всегда было пассивной массой, покорно выполнявшей распоряжения на-

чальства или столь же равнодушно игнорировавшей их. Продержись ГКЧП хотя бы пару недель, население восприняло бы переворот как нечто само собой разумеющееся. Оно решило бы, что установка свыше переменилась и теперь надо жить так же, как жили раньше. И подавляющее большинство перевертышей поспешно приспособилось бы к новым условиям, стало бы усердно чернить все то, что было в перестроечные годы, и служить новым установкам высшей власти. Организаторы этой грандиозной провокации прекрасно понимали это и потому действовали с поразительной быстротой и оперативностью.

Одной из важнейших причин провала «путча» явилась позиция, которую заняли центристы и руководство КПСС. Переворот поддержали организации и группы людей, не имевшие влияния в обществе (например, совет ветеранов труда и ветеранов войны). «Путчисты» рассчитывали на поддержку центристов. Они сами принадлежали к ним и пытались выступить именно в этой роли. Но неумолимая логика политической борьбы приписала им роль совсем другую — роль консерваторов, стремившихся восстановить доперестроечный образ жизни. И они, если имели хотя бы крупицу ума, должны были принимать это в расчет заранее. Они это не сделали.

Поразительным также является то, что руководство КПСС фактически не поддержало переворот, хотя это был последний шанс спасти партию, еще в какой-то мере способную мобилизовать население страны на борьбу против надвигавшейся катастрофы. С этой точки зрения аппарат КПСС заслуживает еще большего презрения, чем радикалы, открыто стремившиеся разрушить советскую систему государственности и социальный строй страны. Если бы руководство КПСС выступило с призывом к членам

партии поддержать ГКЧП и покончить с преступной политикой перестройки, на улицы Москвы вышло бы народу в десятки раз больше, чем число приверженцев Ельцина. Но вожди КПСС всех уровней, дрожа за свою шкуру, не сделали этого, подписав тем самым приговор своей партии и вообще всей системе государственности.

Провал попытки переворота был не победой некоей демократии над некими силами реакции, как это изобразила западная пропаганда, а очередная победа Запада в «теплой» войне против советского народа, которую Запад вел под лозунгами и под предлогом борьбы против коммунизма.

Я выше брал слово «путч» в применении к попытке переворота со стороны ГКЧП в кавычки, ибо это не был настоящий путч. Настоящий путч в это время действительно произошел, причем он был весьма успешным. И совершили его радикалы (демократы) во главе с Ельциным.

КОНЕЦ ДВОЕВЛАСТИЯ

С рассмотренным выше аспектом борьбы переплелся другой, а именно — борьба между центральной властью (властью СССР), возглавлявшейся Горбачевым, и республиканской властью Российской Федерации, возглавлявшейся Ельциным. Логика политической борьбы после поражения консерваторов вела к поляризации в самом лагере реформаторов. Центристы по самому своему положению в системе власти, должны были принимать какие-то меры для сохранения целостности страны и общественного порядка. Тем самым они все более вынуждались на то, к чему призывали консерваторы. Радикалы же нисколько не заботились об исполнении позитивных функций власти, по самой

их сути ставших непопулярными в широких слоях населения. Они подхватили лозунги перестройки и развили активную деятельность по разрушению всех основ советского общества. Тем самым они приобрели огромную популярность в массах, не отдававших себе отчета в реальной направленности демагогии и дел радикалов.

Сложилось своеобразное двоевластие. Республиканская власть не подчинялась центральной, саботируя ее распоряжения и всячески дискредитируя ее. Такое положение не могло длиться вечно. Если бы не было попытки переворота, Горбачеву самому пришлось бы предпринять нечто подобное, чтобы удержаться у власти. Теперь уже с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что он сам так или иначе был замешан в провоцировании фарса переворота. Он лишь хотел выгадать при любом исходе его. Он привык делать грязную работу чужими руками, рассчитывая сохранить ореол политической непорочности. Но на сей раз ему не удалось. Он уже выполнил свою подлую историческую роль и превратился в отработанный материал. Так что его западные хозяева могли выбросить его на помойку истории, что и произошло вскоре.

Провал попытки переворота означал поражение центральной власти, склонной к умеренной перестройке, и победу республиканской власти, рвавшейся к коренной ломке всего советского. Двоевластие закончилось. Монополию на дальнейшее разрушение страны захватили радикалы. И чтобы окончательно сбросить горбачевцев с политической арены, они пошли на развал Советского Союза, игнорируя тот факт, что проведенный незадолго до этого референдум высказался за сохранение Союза. Это произошло под дикие восторженные вопли на Западе, семь десятков лет мечтавшем о развале Советской империи.

ГЛАВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ РЕФОРМ

Горбачевская клика не сумела до конца сломать коммунистический социальный строй в стране. Была разрушена центральная власть и заменена президентской властью, которая имела формально диктаторские полномочия, но фактически уже не могла управлять страной. На местах в той или иной форме сохранилась прежняя власть, советы и различные административно-бюрократические учреждения. Еще сохранялась КПСС, хотя и лишенная прежнего статуса и распадающаяся на глазах. Хотя был нанесен ущерб социальной организации населения в первичные коллективы и системе управления ими, тем не менее эта организация еще сохранялась в стране, несмотря на усиленную приватизацию. После провала попытки государственного переворота в августе 1991 года и узурпации власти настоящими путчистами во главе с Ельциным все препятствия для политики реформ, казалось, отпали. Но скоро обнаружилось с полной очевидностью, что главным препятствием на пути реализации замыслов реформаторов является сам Запад как в качестве образца для подражания, так и в качестве конкретного фактора мировой истории.

Советские реформаторы решили перестраивать советское общество по западным образцам. При этом они игнорировали тот факт, что западные образцы не являются универсальным благом для всего человечества. Эти образцы дали хорошие результаты только для небольшой части человечества, а именно — лишь для народов западных стран. Для подавляющего большинства народов планеты они были и остаются чужеродными. Не являются на этот счет исключением и народы Советского Союза.

В Советском Союзе были десятки всякого рода учреждений и организаций, специально изучавших

западные страны. Многие тысячи агентов секретных служб, журналистов и дипломатов, по идее, занимались тем же. Уму непостижимо, почему они не заметили того, что реальное западное общество отличается от его идеологически-пропагандистского изображения ничуть не меньше, чем реальное коммунистическое общество от его изображения в советской идеологии и пропаганде?! Кто знает, если бы эти люди добросовестно изучили западное общество и постарались бы убедить правящие круги в том, что народы Советского Союза никогда и ни при каких обстоятельствах не превратятся в народы западные и не создадут у себя цивилизацию западного типа, то советское общество смогло бы преодолеть кризисное состояние с меньшими потерями и избежало бы катастрофы.

В самом начале перестройки бесчисленные советские «мыслители», энтузиасты перестройки, разъехались по западным странам. Хотя все они сделали карьеру в советских учреждениях, были членами КПСС и даже работниками партийного аппарата, они поносили все советское, говорили о крахе коммунизма, восторгались всем западным и видели «светлое будущее человечества» уже в капитализме. За это они хорошо оплачивались и имели паблисити. Мне не раз приходилось комментировать их выступления и участвовать в соответствующих дискуссиях. Вспоминаю одну характерную ситуацию такого рода. Один советский профессор, специалист по западным странам, заявил в Швейцарии, что и в России без «проклятого коммунизма» можно было бы жить, как в Швейцарии. Я сказал на это, что для этого нужно несколько «пустяковых» условий. Сократить население России до десяти миллионов. Прожить лет четыреста без войн. Устроить климатические и природные условия, как в Швейцарии. Открыть на каждой улице в каждом городе десятки международных бан-

ков. Предложить мировым богачам держать в них свои миллиарды и т. д. А еще лучше устроить жизнь в России, как в Монако. Никаких налогов. Открыть на каждом углу казино. Богачи со всего мира устремятся к нам, проиграют свои миллиарды, и мы за их счет вознесемся на уровень самых богатых стран мира.

Мои слова сочли за шутку, недостойную внимания. Аплодировали советским интеллектуальным кретинам и моральным подонкам, обещавшим устроить жизнь в России, как в самых богатых странах Запада, после того, как они избавят россиян от «проклятого коммунистического прошлого». А между тем в моих словах не было ничего шуточного. Я просто призывал советских людей, потерявших разум от обещаний реформаторов, трезво оценить возможности превращения России в нечто западообразное. А для этого познакомиться с тем, что из себя представляет Запад на самом деле и как он достиг нынешнего состояния. Все мои попытки сделать что-то в этом направлении либо активно бойкотировались, либо подвергались осмеянию. Российский народ не хотел и до сих пор не хочет знать не только правду о себе самом, но и о жизни тех народов, зависть к которым отравила их существование навечно. Боже, что за народ, что за страна!

ЗАПАДНИЗМ

Принято считать социальный строй западных стран капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Я утверждаю, что слова «капитализм» и «демократия» являются типичными идеологическими выражениями, они многосмысленны и не характеризуют современное состояние западного общества достаточно адекватно. Я называю социальный строй

западных стран западнизмом, не вкладывая в это слово никакого априорного смысла.

Западнизм содержит в себе элементы капитализма и демократии. Но это есть нечто большее, чем капитализм и демократия. Если в какой-то стране возникли явления капитализма и демократии западного образца, это еще не означает, будто эта страна стала страной западного типа. Для такого превращения требуется еще многое другое.

Западнизм есть не сумма несвязанных друг с другом признаков, а единое целое, в котором скоординированы бесчисленные элементы, причем скоординированы не кратковременными и одноактными распоряжениями властей, а естественно-историческим путем, как результат жизненного опыта миллионов людей во множестве поколений. Нельзя какие-то его отдельные черты вырвать из их связи со всеми прочими и перенести в другую социальную среду, не умертвив их или не изуродовав. Нельзя отдельные его черты усвоить в другом типе общества, не усвоив другие, причем на это нужно историческое время. И такое заимствование возможно только в отношении второстепенных черт, а не фундаментальных.

Рассмотрю кратко некоторые черты западнизма, важные с точки зрения темы этого очерка.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Современное западное общество есть общество денежного тоталитаризма. Деньги тут стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми. Нет надобности доказывать то, каких космических величин достигает объем денеж-

ных операций в современном многомиллионном западном обществе.

Естественно, сложился и механизм, осуществляющий и охраняющий этот денежный тоталитаризм. Он достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор западного общества. Его образует гигантская финансовая система, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого дела он превратился в механизм функционирования общества как целого.

Денежный механизм включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т. п.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие отдельные функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой денежный механизм уже немыслим вообще.

Денежный механизм есть гигантский капитал, овладевший всем обществом. Но он почти полностью

укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

Чтобы такой денежный механизм сложился, нужна богатая и всесторонне развитая экономическая система с отработанным механизмом самоорганизации, сильное государство, педантично выполняющее финансовые функции, устойчивая валюта и многое другое, чего нет и не предвидится в России. Самое большее, что тут возможно, — ублюдочные, воровские и грабительские подобия банков и полное подчинение финансовой системы денежному механизму Запада, Международному Валютному Фонду в первую очередь.

ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В его истории различают два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было капиталистическим в строгом смысле слова. Степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не

была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территориальных единиц и целых стран в социальные объединения, функционирующие по законам огромных денежных систем и огромных капиталов. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это сыграло свою роль, а в организации жизни большинства населения таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в развитии капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государственной власти в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства и усилением его роли, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

Превращение «старого» капитализма в «новый» происходило по многим линиям. Назову для примера такую из них. Превращение банковской системы в денежный тоталитаризм привело к тому, что подавляющее большинство членов общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть осуществляя основную часть денежных дел через банки. К этому присоединился рост акционерных предприятий и банков. В Западной Германии в 1991 году было 10 миллионов акционеров. В США уже в 1970 году

80 процентов населения были соучастниками коллективного капитала.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Одновременно тот же процесс сделал социологически бессмысленными понятия «капиталист» и «капитализм». С ними уже нельзя описать адекватно специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большого капитала, президент банка, менеджер с огромным окладом — все это суть люди различных социальных категорий.

Советские реформаторы, намереваясь превратить советское общество в капиталистическое в считанные дни, совершенно не принимали во внимание этот факт изменения капитализма. Они представляли последний в допотопной форме капитализма XIX века, да еще в допотопной форме марксистского его описания. Если для допотопного капитализма они смогли изготовить довольно большое число уголовников-капиталистов, то для современного капитализма требовались уже не уголовники, а многое такое, чего в России не было и в помине и что не может тут появиться вообще.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

С точки зрения характера юридических субъектов (то есть тех, кто распоряжается деятельностью предприятий и несет за это ответственность), предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К первой группе относятся предприятия, юридиче-

ские субъекты которых суть индивидуальные лица. Ко второй группе относятся предприятия, юридическими субъектами которых являются организации из многих лиц. Как в том, так и в другом случае юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. В первом случае частные предприниматели организуют дело на основе кредитов, которые они получают от денежного механизма. Доля их собственного капитала в общей сумме капитала ничтожна. Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, есть редкое исключение или временное состояние. Мелкие и большая часть средних предпринимателей суть фактически лишь посредники между владельцами капиталов и непосредственными производителями вещей и услуг, а также организаторами процесса труда. История показала, что это — самый эффективный способ принуждения к труду, причем к труду самому производительному. Он сочетает в себе видимую свободу и добровольность со скрытой неизбежностью и принуждением.

Во втором случае функции капиталиста выполняет организация из множества лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица. Если они владеют долей капитала предприятия, они тут функционируют не как владельцы капитала, а как члены управляющей группы.

Таким образом, в экономике западнизма частное предпринимательство не связано неразрывно с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Тут капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Так что для уподобления Западу в этом плане в Советском Союзе не требовалась ника-

кая приватизация. Достаточно было бы просто расширить права директоров предприятий. Само собой разумеется, эта мера сама по себе мало что изменила бы, ибо для превращения в общество западного типа нужен сложный комплекс условий, которые были и остаются в России невыполнимыми. Тем не менее принудительная приватизация не была необходимой. И проводилась она фактически совсем для иной цели, а именно — для создания социальной опоры новой власти в виде класса частных собственников (как надеялись новые правители).

С другой стороны, передача даже всех предприятий страны в частную собственность частным лицам и организациям сама по себе не означала бы создания экономики западнистского типа. Для этого необходим еще целый ряд условий, например — сделать предприятия рентабельными и конкурентоспособными. А для этого нужно перестроить самую глубинную социальную организацию населения страны.

КЛЕТОЧКИ ЗАПАДНИЗМА

Как я уже говорил, коммунизм уходит своими корнями в коммунальный аспект общества, а социальный строй западных стран (западнизм) — в деловой аспект. Это отчетливо проявляется в характере клеточек общества.

Западнистские клеточки разделяются на две группы. Одни из них, как и коммунистические, создаются решениями властей (государственные учреждения, полиция, армия, специальные службы, исследовательские институты и т. п.). Другие клеточки создаются по инициативе частных лиц и организаций. Но и они при этом должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер сво-

его дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты.

Качественное отличие западнистских клеточек от коммунистических заключается в том, что они суть исключительно деловые объединения людей. Они создаются исключительно для какого-то определенного дела, и ни для чего другого. Они могут иметь сложную внутреннюю структуру. Но она диктуется исключительно интересами и условиями дела. Все прочее в клеточках не допускается — никакие неделовые группы, никакие общественные организации, никакие посторонние для дела вмешательства. Короче говоря, западнистские клеточки максимально очищены от всего того, что непосредственно не относится к делу.

Западнистские клеточки социально пусты, максимально упрощены в качестве человеческих объединений. Они суть своего рода деловые машины, а не объединения людей для совместной жизни. В них нет никакого коллектива с его структурой, независимой от дела. Сотрудники их суть социально независимые друг от друга детали этой деловой машины. Люди через западнистские клеточки получают только деньги и возможность для деловой карьеры. Обо всем остальном они должны позаботиться сами. Общество не гарантирует им работу, жилье, медицинское обслуживание, пенсию и прочие жизненные блага.

Внутри западнистских клеточек действует жестокая деловая дисциплина. Деятельность клеточек максимально рационализирована, то есть исключено все излишнее, максимально используются силы и способности сотрудников, интенсивность труда предельная. Исключается всякая недобросовестность в деле, халтура, обман. От сотрудников требуется соответствующая обязанностям квалификация.

Чтобы превратить советское общество в общество западного типа, советские реформаторы должны были бы прежде всего превратить коммунистические клеточки в западнистские. Но это было им заведомо не по силам. И до сих пор не по силам. Для этого нужен человеческий материал, которого в России нет и не предвидится. Нужен опыт в организации трудового процесса в соответствии с принципами западнизма, а на это нужно историческое время. Нужно лишить людей всех социальных прав, на что власти до сих пор не решаются, страшась открытого массового недовольства. Нужно ликвидировать все нерентабельные предприятия, на что власти точно так же не решаются, страшась массовой безработицы, непривычной для российских людей. Нужно компенсировать социальную опустошенность клеточек какими-то средствами вне их, на что новый режим в принципе не способен. А без преобразования общества на клеточном уровне все прочие преобразования остаются поверхностными и временными.

РЫНОК

Идеей фикс советских реформаторов стала «рыночная экономика» («рынок»). Они вцепились в нее как в панацею от всех бед, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что это такое в реальности. Все их представления о «рынке» были почерпнуты из западной идеологии и пропаганды, создававших идеализированный образ рыночной экономики специально для кретинов из незападных стран.

Установился определенный идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Вот, например, что можно вычитать в сочинении одного из крупнейших западных авторитетов нашего века Ф. Хайека о

рынке. Предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно это делать. Он свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению А. Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует «невидимая рука». Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства — обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Читая подобный вздор, мне невольно приходит на ум советский анекдот. Воспитательница в детском саду рассказывала детям о том, каким прекрасным является советское общество. Один ребенок заплакал. Воспитательница спросила, почему он заплакал. Ребенок ответил, что хочет в Советский Союз. Хотел бы я знать, что испытывают реальные производители и потребители западного общества, читая приведенное выше описание рынка?! И не думают ли они с тоской о том, как было бы хорошо пожить при таком капитализме с таким рынком, управляемым безликой «невидимой рукой»?!

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ

создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или, по крайней мере, являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из незападных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их «отсталую» экономическую систему и ввести на ее место «передовую» рыночную экономику в том виде, как ее изображает идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание.

Реальная рыночная экономика западных стран — это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевую, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой.

Высокая экономическая эффективность западного общества достигается за счет действия множества факторов, среди которых в первую очередь следует назвать трудовую диктатуру, плановость работы предприятий, денежный тоталитаризм, диктатуру банков, государственную политику и контроль, научно-технический прогресс, наднациональную и глобальную экономику, использование рабочей силы и природных ресурсов всей планеты. И лишь где-то совсем не на первом месте следует назвать

некий свободный рынок с некоей свободной конкуренцией.

Советские проповедники рыночной экономики ссылались на «немецкое чудо» как на пример эффективности рынка. На самом деле это «чудо» произошло благодаря социальной рыночной экономике, то есть экономике, контролируемой и регулируемой государством. Лишь после провала экономических реформ советские «рыночники» начали с удивлением «открывать» для себя наличие в западном рынке планов и командных методов, считавшихся дефектами коммунистической экономики.

Уже в 1991 году, то есть через пять лет после начала перестройки, одним из элементов которой был переход от плановой и командной коммунистической экономики к рыночной экономике западного образца, один из главных идеологов этого перехода академик С. Шаталин, грозившийся осуществить этот переход в течение пятисот дней, вдруг признал, что он и прочие теоретики перестройки ничего не понимают в рынке, что страны с развитой рыночной экономикой имеют систему централизованного планирования, управления и регулирования экономики на порядок выше, чем это было в Советском Союзе. И эти люди с академическими титулами с остервенением ринулись ломать нормально (для своих условий) работавшую экономическую систему в угоду навязанной с Запада идеологической лжи!

СВЕРХЭКОНОМИКА

Ко всему прочему необходимо принимать во внимание такой важнейший фактор современности, как образование мирового рынка. А это не просто расширение сферы экономической активности и установление определенных отношений между некими

равноправными партнерами, а образование наднациональных и глобальных экономических империй, можно сказать — образование сверхэкономики. Эти империи приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Сверхэкономика властвует над экономикой в ее традиционном смысле — над экономикой первого уровня. Тут все большую роль начинают играть средства внеэкономические, а именно — политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

В этих условиях превращение российской экономики в рыночную в желаемом для Запада виде означает превращение ее в придаток сверхэкономики, причем на роли, какую ей укажут фактические хозяева мирового общества.

ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Когда советские реформаторы разрушали советскую систему государственности с намерением на ее место ввести западного образца демократию, они судили о последней не по тому, что она из себя представляет на самом деле, а по тому идеализированному изображению, какое создавала для них западная идеология. Идеологический образ демократии создавался теми же методами, что и образ рыночной экономики. Из реальной системы власти и управления (системы государственности) западного общества абстрагировались такие ее черты, как многопартийность, разделение властей, выборность органов власти и сменяемость их и т. д. Эту сумму признаков, обработав их методами идеологии, назвали демократией и объявили их сущностью всей системы государственности. И способ использования этой идеологической фальсификации реальности тот же:

внушить незападным дуракам мысль, будто стоит на место их плохой государственности ввести эту замечательную «демократию», как в стране начнется райская жизнь.

На самом деле демократия не исчерпывает системы государственности западнизма. Более того, она уже не является тут главным элементом. Она на виду, производит много шуму, всячески рекламируется и набивает себе цену. Но она — лишь поверхность реальной власти.

Есть универсальные законы, имеющие силу для любой системы государственности как в коммунистическом, так и в западном обществе. Возьмем, например, масштабы государственности. Эта сфера в западных странах огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее и по ее роли в обществе. Одно только федеральное правительство США в 1990 году нанимало более трех миллионов человек. В 1987 году в США на всех уровнях государственности число только гражданских наемных лиц достигало 17,3 миллиона человек, то есть 15,4 процента всех наемных работников. Причем эта сфера имеет тенденцию к разрастанию. Это обусловлено не только усложнением управляемого общества (стремительным ростом числа «точек» управления), но и независимо от потребностей управления, в силу законов автономного самовозрастания. Происходит также увеличение объема функций государства. Сейчас на Западе нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. И невозможно назвать такой дефект коммунистической государственности, каким не обладала бы западная государственность в удвоенной степени. Так что надежды советских людей, будто реформаторы могли избавить их от этой напасти, были априори беспочвенны. Разрушив советский аппарат власти и управления, реформаторы в России, убедившись

в полной неспособности без него управлять страной, буквально с истеричной и панической поспешностью стремятся изобрести для него хоть какой-то эрзац. Но сделать это не так-то просто. Аппарат власти и управления создается десятилетиями кропотливой работы, а не потоком распоряжений обезумевших дилетантов, волею случая дорвавшихся до высшей власти.

Да и сами признаки демократии при ближайшем рассмотрении выглядят совсем не так, как в идеологическом изображении. Возьмем для примера принцип разделения властей. По мнению многих авторитетных западных теоретиков, классическая теория разделения власти фактически не воплотилась в жизнь. В правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно — законодательная. При этом остается разделение функций между различными учреждениями власти как чисто деловое удобство. В Великобритании законодательная и исполнительная власть сосредоточены в одном органе — в кабинете. Если партия выигрывает большинство голосов на выборах, парламент назначает ее лидера премьер-министром, а тот назначает министров — кабинет. Главная фигура во власти — премьер-министр. Кабинет — его кабинет. Исполнительная власть здесь есть придаток законодательной, а законодательная — продолжение исполнительной. Законодательная инициатива исходит от исполнительной власти.

Современные законодательные органы занимаются не столько разработкой общего законодательного кодекса, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный

орган, стали называть законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство — его побочной функцией.

В сфере западной государственности, как и в сфере экономики, можно различить два уровня — уровень государственности в обычном смысле, на котором фигурирует демократия, и уровень сверхгосударственности. Структура второго плохо изучена, вернее говоря — познание ее есть одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, будто ничего подобного тут вообще нет. Однако в средствах массовой информации время от времени проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи ее.

СИСТЕМА СВЕРХГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Сверхгосударственная система власти и управления западнизма формируется и воспроизводится по многим линиям. Назову основные (на мой взгляд) из них. Система государственности состоит из огромного числа людей, учреждений, организаций. Она сама нуждается в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода: представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т. п. К ним примыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, ма-

фиозных групп, личных друзей и т. п. Это — «кухня власти».

Вторую линию образует совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т. п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, издатели, профсоюзные лидеры, кинопродуценты, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры масс-медиа, высокопоставленные чиновники, политики и т. д. Эта среда получила название правящей элиты.

И четвертая основная линия образования сверхгосударственности — образование бесчисленных учреждений и организаций блоков и союзов западных стран, а также системы средств образования глобального общества и управления им.

Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупицы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Коммунистическая государственность уже теперь выглядит в сравнении с ней как дилетантизм. Тут вырабатывается особая

«культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. Я это говорю не в порядке разоблачения или упрека — упаси меня Боже от этого! Просто по объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует Запад, демократия в том ее виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна. Об этом открыто говорят теперь многие западные теоретики.

Сам факт образования горбачевской и затем ельцинской клик и вся их деятельность могут служить классическим примером мощи и принципов работы системы сверхгосударственности западнизма. Они появились не в результате некоего имманентного развития советского общества по объективным законам этого общества, а в результате планомерной и целенаправленной деятельности системы сверхгосударственности Запада в завоеванном в «холодной войне» регионе планеты.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЗАПАДА

Запад есть вполне конкретное социо-биологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся частичками тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь там все равно чужеродным явлением.

Запад есть явление уникальное, то есть единственное в своем роде и неповторимое в истории челове-

чества. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, наша планета не так уж велика. Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения условий где-то во Вселенной. Но такого рода «доказательства» основываются на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. К тому же это никак не влияет на интересующие нас здесь события.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина — навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. п.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний социальный феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слоном на том основании, что и у нее есть хобот. Вторая причина — место и роль Запада уже заняты, и самое большее, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад.

Как бы русские ни оплевывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствова-

ли в разрушении того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада. Какая судьба ее ожидает на этом пути, об этом в свое время откровенно сказал Гитлер. И показал на деле. Сейчас, разумеется, об этом не говорят вслух. Но фактически делают то же самое, причем с гораздо большим успехом, чем Гитлер.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Запад создавался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Буду называть их западоидами. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг, не говоря уж о дальнейшем прогрессе. Западоид не есть некий типичный, средний или часто встречающийся человек. Это — суммарная характеристика человеческого материала Запада как множества и как массы людей. Качества западоида растворены в этой массе, распределены в самых различных пропорциях, комбинациях и величинах между множеством индивидов. Так что можно говорить о «растворе» западоидности. Но этот «раствор» тут настолько силен, что массу западных людей в интересах научного упрощения можно рассматривать как множество типичных западоидов.

Назову некоторые характерные черты западоидов или, иначе говоря, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, изобретательность, способность рис-

ковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и к успеху в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации.

Страны Западной Европы оказались в состоянии породить достаточно много людей с качествами, которые я упомянул выше, и именно люди такого типа создали западное общество или по крайней мере послужили активным ядром в его образовании.

Не может служить аргументом против сказанного пример США. В США действительно стекались народы со всего мира. Но американскую цивилизацию создали не они, а определенного рода выходцы из Западной Европы. Они образовали инициативное ядро и движущую силу процесса. Остальные принимали участие в процессе как используемые и увлекаемые ими. После того как главное дело процесса было сделано, то есть цивилизация возникла и приобрела инерцию развития в определенном направлении, массы людей другого типа включились в нее. Но новаторами в этом историческом творчестве были западоиды.

Любой народ способен воспользоваться благами западной цивилизации, если их преподнесут ему в качестве дара. Но далеко не любой народ способен сам создавать цивилизацию такого рода или хотя бы стать соучастником ее создания и воспроизводства. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может эти ступени пройти в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения. Это есть догма идеологии. Западную цивилизацию, повторяю, создавали

народы с определенным характером. Это — их уникальное и неповторимое творение. Другие народы создавали цивилизации иного типа, соответствовавшие их характеру и историческим условиям их бытия.

ЗАПАД И ВНЕШНИЙ МИР

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества. Я не усматриваю в этом ничего аморального и преступного. Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран. Оно обусловлено законами социального бытия. Воздействие его на эволюцию человечества противоречиво. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно было причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые «горячие» войны и одну мировую «холодную». Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении, а

в том, что человечество вынуждается двигаться в этом направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей.

Запад развил в себе благодаря западнизму необычайно интенсивный обмен веществ. Ему нужны природные ресурсы, рынки сбыта, сферы приложения капиталов, дешевая рабочая сила, источники энергии и т. д., причем во все возрастающей степени. А возможности для этого ограничены. И конкуренты появляются, ограничивающие эти возможности еще более и вообще угрожающие существованию и благополучию Запада. Движение Запада к мировому господству, в какие бы идеологические одежды оно ни рядилось, есть жизненная необходимость для западных стран сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. И он имеет силы для этого. В ходе «холодной войны» Запад выработал политическую стратегию установления нового мирового порядка, адекватную новым условиям в мире. Я называю ее западнизацией (вестернизацией).

ЗАПАДНИЗАЦИЯ

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — внушает Запад западнизируемым народам, — и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и сча-

стливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации — включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли равномощных и равноправных партнеров, — это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, — а в роли, какую Запад сочтет нужным ему самому. Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западнизируемых стран, да и то на короткое время. Но в общем и целом эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты, а в перспективе — на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т. п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это — перестройка самих основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнения и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключающая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно прини-

мает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощью, вполне достаточной для того, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что как бы западнизация той или иной страны ни началась, она перерастает в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Рас-

калывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран, особенно Великобритании. Но в целом это есть новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции.

Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также — как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы — многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут являются лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того, чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образ-

цы западной культуры, вернее — псевдокультуры Запада. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений.

Именно такой процесс начался в России в 1985 году, а в августе 1991 года он принял настолько цинично откровенную форму, что теперь может служить классическим образцом западнизации.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В августе 1991 года в России победила не «молодая демократия», как изображала события западная пропаганда и как думали многие российские граждане, введенные в заблуждение пропагандой, а нечто принципиально иное. Победила западная установка на дальнейшее разрушение Советского Союза и России. Победили внутренние силы разрушения и ограбления страны, поддерживаемые и манипулируемые Западом. Поскольку тут разрушалось все то лучшее, что было результатом Великой Октябрьской революции 1917 года и всей советской истории, то вполне уместным будет назвать это явление антикоммунистической контрреволюцией.

Как само становление ельцинской власти, так и вся ее деятельность была вопиющим игнорированием всякой законности, прикрываемым безудержной демагогией о защите законности и демократии. Незаконно распущен Советский Союз, чтобы незаконно ликвидировать центральную власть, мешавшую ельцинской клике на пути к диктатуре. Незаконно запрещена КПСС и ликвидирован партийный аппарат. Незаконно разогнаны органы государственной власти — советы. Сохранился Верховный Совет Рос-

сийской Федерации, считавшийся высшим законодательным органом власти. Он сохранился по инерции, как остаток прошлого и как дань игры в демократию, в многопартийность и разделение властей. Но президент просто игнорировал его, предназначая ему совсем иную роль. Арест Верховного Совета (физическая блокада его) в 1993 году и последующая кровавая расправа с ним явились апогеем беззакония.

Запад всячески поддерживал все действия Ельцина в сфере государственности. Западная пропаганда усиленно проповедовала идею, будто для России необходима «авторитарная власть». Слово «диктатура» избегали произносить, но суть дела заключалась именно в этом. Ельцинская клика при поддержке Запада стремилась возродить самые гнусные черты диктатуры сталинистского типа, только без созидательных потенций ее. Созидательные потенции не требовались тут вообще.

Представители власти на местах стали назначаться прямыми распоряжениями президента, по его произволу, по принципу личной преданности, вернее — по принципу готовности служить не стране, а президентской клике. Такое не мог себе позволить даже Сталин. Впрочем, не потому, что власть его была ограничена, а потому, что он был не дурак и не предатель. Он понимал, что управлять страной такими методами невозможно, что такими методами можно только громить политических противников и грабить страну.

Разгромив систему государственности, складывавшуюся десятилетиями, ельцинская клика начала с лихорадочной поспешностью создавать новую. Ядро ее образовали лица, распоряжавшиеся армией, милицией и войсками Министерства внутренних дел, разведкой, контрразведкой, органами юстиции, аппаратом Министерства иностранных дел, личной охраной президента и его личной администрацией.

Президентские указы появлялись в таких количествах, что горбачевская реформомания просто померкла перед ельцинской. Вся эта суета выражала фактический развал системы власти как системы управления страной, ибо она диктовалась не естественной потребностью страны, а произволом обезумевших от кажущегося всевластия преступников.

Новая власть довела до предела капитуляцию страны перед Западом. Страну наводнили тысячи и тысячи иностранных агентов под видом всякого рода советников и представителей западных фирм и организаций. Фактически эти «невидимки» стали формировать всю политику клики, сохраняя лишь видимость самостоятельности ее решений. Но эта видимость оказалась иллюзорной. Западные политики и специальные эмиссары открыто диктовали свою волю российской власти.

Новая власть сознательно и планомерно разрушала обороноспособность страны. Открыто проповедовались капитулянтские настроения. Людям настойчиво внушалась мысль, будто после полной капитуляции перед Западом американцы и немцы помогут русским совершить такой же скачок, какой американцы помогли сделать немцам и японцам. И в России нашлось достаточно много дураков, поверивших в эту чепуху. Впрочем, тут сработало качество русского национального характера — русские привыкли надеяться на то, что кто-то спасет их от обрушившихся на них бед.

Дезинтеграция советских вооруженных сил, сокращение вооружений, ослабление военно-промышленного комплекса, антимилитаристская пропаганда и т. д. — все это привело к тому, что в армии вообще было разрушено сознание необходимости обороны страны. Опыт войны в Ираке и знание общего состояния населения, включая армию, уже породили на Западе идею, что война с Россией может стать

лишь «большим Ираком», то есть прогулкой с огромными материальными затратами, но без человеческих жертв на стороне Запада, с громом оркестров, с красочным праздничным ликованием. Последующие события показали, что армия превратилась в полицейскую силу, готовую за плату убивать своих соотечественников.

Если горбачевская клика явила миру беспрецедентный пример политического и идеологического предательства, то ельцинская клика добавила к этому точно так же беспрецедентный пример ограбления правителями своей собственной страны. Делалось это открыто, демонстративно. Причем грабители, не будучи уверены в прочности своего положения, переводили награбленные богатства на свои счета в западных банках и в имущество в западных странах. Новая власть, по справедливому утверждению С. Говорухина, превратила всю страну в лагерь уголовников. Будучи слабой и безнравственной, она стала вербовать сторонников самым подлым образом — под видом класса собственников она создала класс воров.

Оргия приватизации, возглавляемая одним из самых гнусных деятелей в ельцинской клике Гайдаром, превратилась в организованное ограбление страны и населения. До какого ужасающего состояния была доведена экономика, об этом стали писать и говорить даже в западных средствах массовой информации. Население было ввергнуто в ужасающую нищету. Причем все это делалось сознательно и оправдывалось «теоретически» как якобы необходимый этап некоего «первоначального накопления капиталов». Небольшая группа грабителей действительно накапливала баснословные капиталы в считанные дни, а производство в стране неуклонно сокращалось.

Началось стремительное растление народа, в особенности детей и молодежи. В стране фактически

исчезла всякая законность, расцвела преступность всех родов, люди лишились личной защиты со стороны государства и отданы во власть гангстерских банд, наступило неслыханное обнищание подавляющего большинства населения, рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей. Одним словом, сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом.

ВТОРОЙ РАСКОЛ РЕФОРМАТОРОВ

Второй раскол реформаторов и возникновение оппозиции к ельцинской правящей клике есть сложный процесс, в котором переплелись самые различные линии и причины. В этом клубке явлений я выделяю такие три аспекта. Первый из них — общее недовольство в стране ельцинской политикой, тяжелое положение большинства населения, рост преступности, аморальное разложение молодежи и т. д. Естественно, это должно было как-то отразиться и в умонастроениях в рядах самих реформаторов, — они все-таки люди, и положение в стране не могло оставлять всех равнодушными.

Второй аспект — в среде самих причастных к власти реформаторов далеко не все попали в число избранных. Происходило неизбежное разделение на враждующие группы. Какая-то часть неизбежно должна была выталкиваться на роль критиков и разоблачителей пороков и преступлений избранной части правителей. Это — общий закон жизни человеческих объединений. Особенным в данном случае было то, что раскол происходил в среде людей, волею обстоятельств призванных решать судьбы страны, причем в исторически переломный период.

И третий аспект — оппозиция была нужна правящей клике. Чтобы оправдать свою политику, терпя-

щую крах, чтобы оправдать свое существование и поддержать репутацию спасителей демократии от «красно-коричневой чумы» (такое выражение было пущено в ход для дискредитации всех, кто как-то протестовал против клики), ельцинская клика нуждалась во враге, которого можно было бы изобразить в самых мрачных красках, как угрозу реставрации коммунистического режима. И если бы оппозиция не возникала по другим линиям, ее пришлось бы изобрести специально. Впрочем, трудно сказать, какой аспект тут преобладал на самом деле — первый и второй или третий.

Оппозиция сосредоточилась в Верховном Совете РФ и около него, приняв форму оппозиции законодательной власти («парламента») к власти президента, то есть к исполнительной власти, стремившейся к власти абсолютной. Одно это делало ее уязвимой, — она невольно превращала орган власти в нечто вроде политической партии.

Оппозиция была слабой, раздробленной. У нее не было своей четкой позиции. Она фактически все время шла на поводу президентской команды. Сам пост Президента РФ был учрежден на съезде депутатов. Хотя это и произошло с седьмого захода (на депутатов было оказано сильнейшее давление), тем не менее депутаты сами способствовали учреждению потенциально диктаторского режима. Затем депутаты вносили поправки в Конституцию, расширяя полномочия президента и ущемляя полномочия представительных органов власти.

Были многочисленные поводы отстранить президента от должности на законных основаниях. Но его каждый раз спасали лидеры оппозиции Хасбулатов (Председатель Верховного Совета), Руцкой (вице-президент) и другие. Хотя уже тогда президент не считался с представительной властью, тем не менее оппозиция явно была готова на уступки, потакая его диктаторским амбициям.

Лидеры оппозиции фактически были фигурами, управляемыми президентской командой. Кое-то из них еще накануне сентябрьско-октябрьских событий 1993 года клялся в верности президенту. Все надеялись на возвращение в окружение президента.

Хотя лидеры оппозиции были во многом люди Ельцина, президентская команда настойчиво превращала их во врагов. Они были нужны именно в этом качестве, как угроза стране. Поэтому оппозиции всеми средствами пропаганды создавали ложную репутацию фашистов, национал-социалистов, коммунистов и т. п. И делалось все для того, чтобы эта репутация выглядела правдоподобно. Готовилась грандиозная провокация по сценарию августа 1991 года, на высоком профессиональном уровне, который был бы недостижим для президентской клики без посторонней квалифицированной помощи.

Организаторы провокации намеревались, как и в 1991 году, локализовать конфликт на пятачке перед Белым домом (так в подражание США стали называть здание Верховного Совета РФ). Было очевидно, что именно этого следовало избежать. И была для этого реальная возможность: Новосибирск, находившийся в оппозиции к президенту, предложил провести съезд народных депутатов у себя. Там оппозиция была бы недостижима для президентских погромщиков. Но лидеры оппозиции отказались от такой возможности!

И в последующем развитии событий, хотя готовящаяся провокация была видна невооруженным глазом, оппозиция с поразительным легкомыслием (если только это было всего лишь легкомыслие!) шла навстречу ей. Бессмысленное вооружение Верховного Совета, хотя в оппозиции были профессиональные военные, которые должны были понимать, что оно смехотворно с военной точки зрения. Оно имело символический смысл? Какой?! Для

кого?! Для президентской пропаганды против оппозиции.

Лидеры оппозиции заранее знали, что восстание было обречено. Они предали поверивший в них народ, подставив под расстрел лучших сынов России. Они обманули народ, бросив безоружную толпу на растерзание наемным убийцам.

АПОГЕЙ НЕГОДЯЙСТВА

21 сентября 1993 года начался заключительный этап антикоммунистической контрреволюции: в этот день был опубликован указ президента РФ за номером 1400. Назывался он «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Сущность его заключалась в том, что президент узурпировал высшую власть в стране, разгоняя законную высшую власть (Верховный Совет) и ликвидируя Конституцию.

Все регионы России признали указ преступным. Сибирь пригрозила экономической блокадой. Намеченное на 4 октября заседание Совета Федерации собиралось потребовать отмены преступного указа и одновременных выборов парламента и президента. К тому же вели переговоры у Патриарха — восстановить статус-кво на 21 сентября. Верховный Совет и затем съезд народных депутатов на вполне законных основаниях отстранили президента от должности. Но смещенный с поста президент игнорировал все это. В ответ он фактически арестовал (блокировал) весь Верховный Совет, то есть совершил беспрецедентное государственное преступление. И сделал он это под бурные аплодисменты и одобрительные вопли на Западе! Очевидно, без санкции и советов своих западных хозяев Ельцин на такой шаг ни в коем случае не решился бы. Так что

эта акция незаконного президента была фактически акцией Запада по дальнейшему разгрому страны, теперь — России. Я уверен, что в будущем начавшаяся операция будет оценена как одна из самых позорных в истории не только России, но и Запада.

Весь период от 21 сентября до 3 октября был использован ельцинской кликой и ее западными хозяевами для оболванивания мирового общественного мнения в таком духе, чтобы изобразить защитников Белого дома на сей раз как самых гнусных злодеев, а настоящих убийц, грабителей, предателей, моральных подонков — как воплощение всех добродетелей. Поразительно, что в западных странах не нашлось ни одной газеты, ни одного журнала, ни одной мало-мальски значительной личности, которые хотя бы попробовали объяснить истинное положение вещей. Единодушие Запада на почве всеобщего негодяйства оказалось поистине беспримерным.

Что произошло 3—4 октября 1993 года в Москве? Я передаю слово группе священников, которых никак не заподозришь в принадлежности к неким «красно-коричневым» и «фашистам», как ельцинская клика и поддерживающее ее мировое общественное мнение окрестили жертв этих кровавых событий. Это заявление русских священников было опубликовано в России в январе 1994 года. Называется оно «Горе строящему на крови».

«Настоящее заявление, — говорится в заявлении, — продиктовано требованием нашей совести, поскольку мы не можем мириться с молчаливым одобрением или принятием как неизбежного зла массового убийства сотен безоружных людей 3—4 октября 1993 г. в Москве. Изучив доступные нам материалы, опубликованные в печати свидетельства очевидцев, как защитников парламента, так и президентской стороны,

а также выслушав многих из тех, кто был непосредственно вовлечен в эти события, мы пришли к следующим выводам:

1) Расстрел в течение дня 4 октября боевыми танковыми снарядами, в том числе зажигательного действия, Дома Советов России невозможно квалифицировать как «необходимую оборону» президентской стороны от вооруженной оппозиции. В распоряжении президента и правительства находились силы, способные обеспечить прекращение сопротивления и вывод всех гражданских лиц без кровопролития.

2) Стрельба по безоружным людям, находившимся в зоне оцепления у Дома Советов утром 4 октября, привела к многочисленным жертвам. Огонь велся без предупреждения на поражение крупнокалиберными пулеметами.

3) Вечером 4 октября в непосредственной близости от Дома Советов, на стадионе, расстреливались защитники парламента.

4) 3 октября в районе телевизионного центра «Останкино» велась стрельба пулеметами по скоплениям людей, не принимавших никакого участия в действиях вооруженных лиц по проникновению в здание телецентра.

Только лишь эти четыре частных вывода позволяют сделать некоторые общие:

1) Имеют место массовые немотивированные преднамеренные убийства.

2) Эти убийства совершены с особой жестокостью. И совершены они не отдельными уголовниками, а самой государственной властью, которая открыто взяла на себя ответственность за них, наградив высшими государственными наградами тех руководителей Министерства обороны и Министерства внутренних дел, чьи подразделения были задействованы в этих трагических событиях».

КТО ЗАЩИЩАЛ БЕЛЫЙ ДОМ

В западных средствах массовой информации привыкли в одну кучу сваливать разнородные явления, дабы легче было фальсифицировать реальные события в интересах идеологии и пропаганды. Так и в данном случае всех, кто как-то был причастен к обороне Дома Советов, изобразили как однообразную массу коммунистов, фашистов, националистов и т. п. А между тем тут следует различать по крайней мере два принципиально различных феномена: 1) депутатов Верховного Совета; 2) добровольцев, лишь волею случая оказавшихся вместе с ними. Их роль в событиях различна. Различна и их судьба.

Депутаты Верховного Совета разыгрывали политический спектакль. Они сделали все, чтобы предотвратить широкое народное восстание в стране, локализовать события в центре Москвы, где они заранее были обречены на нужный для президентской клики исход. Они предали тех добровольцев, которые восстали на самом деле. Их лидеры клялись погибнуть, но не сдаваться. Они не сдержали клятву. Они не погибли и сдались без боя. Они были выходцами из ельцинской клики и остались таковыми. Их амнистировали. Их лидер Руцкой теперь рассчитывает баллотироваться на пост Президента РФ в 1996 году.

Иначе обстояло дело с добровольцами. Они с голыми руками шли на пулеметы и автоматы. Всю неделю их избивали и убивали. Убивали лучших сынов России, посмевших выступить против оккупации Родины врагами. Они погибали под аплодисменты и улюлюканье чужеземной и доморощенной сволочи. Милиция, которая должна была бы бороться против настоящих преступников, сама превратилась в преступников, за приплату в долларах с чудовищным изуверством уродуя своих соотечественников. Армия, которая должна была бы защищать Родину от

оккупантов, за жирную приплату и за награды превратилась в полицейскую силу и стала убивать безоружных защитников Родины.

В событиях 3—4 октября 1993 года в Москве произошло наложение двух различных и даже враждебных явлений, а именно — борьбы группировок в системе власти и народного восстания. Слово «народное» не должно вводить в заблуждение. Нельзя сказать, что оно тут неуместно. Но смысл его нужно пояснить с учетом специфики России.

НАРОД

В массе населения назрело сильнейшее недовольство политикой ельцинской клики. Но открыто восстали лишь немногие представители народа, одиночки. Они выразили умонастроения масс. Массы же остались пассивными, а значительная часть их проявила даже враждебное отношение к восставшим. Это вполне в духе русских традиций. В России всегда лишь одиночки осмеливались говорить правду вслух и открыто поступать по велению совести. И на них обрушивались все, включая и тех, ради кого эти одиночки жертвовали своим благополучием, свободой и жизнью. Это характерно для народов с холопской, рабской психологией.

Само понятие «народ» лишено социологического смысла. В самом деле, что такое российский народ? И ельцинская клика, отдавшая приказ убивать повстанцев, есть часть народа. И повстанцы — часть народа. И убивавшие их солдаты и милиционеры — часть народа. И аплодировавшие убийцам новоиспеченные миллионеры и ставшие всевластными уголовники — часть народа.

5 октября 1993 года в газете «Известия» (это — правительственный орган) было опубликовано пись-

мо большой группы известных российских писателей. Холуйские и кровожадные письма советские интеллектуалы в большом числе писали Сталину в 30-е годы с просьбой беспощадно расправляться с «врагами народа». Но они выглядят просто наивно в сравнении с упомянутым письмом российских интеллектуалов 1993 года. Это беспримерное по подлости, кровожадности и цинизму письмо не было вынуждено некими принудительными причинами, оно явилось проявлением доброй воли авторов, то есть проявлением их подлинной натуры. Авторы письма называли повстанцев убийцами (хотя убивали их!), фашистами (хотя настоящие фашисты — их убийцы!) и т. п. Они благодарили Бога за то, что армия и органы правопорядка расправились с повстанцами. Они призывали президента запретить все виды коммунистических и националистских партий, запретить все оппозиционные газеты и признать нелигитимными съезд народных депутатов и Верховный Совет. И эти писатели — тоже часть народа.

Но самое страшное в событиях октября 1993 года — реакция на них массы рядового населения. Миллионы людей смотрели телевизионные передачи о расстреле повстанцев, как будто смотрели американский боевик. Кстати сказать, эти передачи были организованы иностранными фирмами, — оккупационное правительство Ельцина не могло доверить такое ответственное дело отечественному телевидению! Миллионы людей видели, как зверски убивали их собратьев, дерзнувших восстать против врагов их Отечества. Они не бросились на улицы поддержать своих лучших сынов. А ведь выбежал бы миллион человек — голыми руками раздавили бы палачей, втоптали бы их в грязь. Нет, не выбежали даже тысячи. Выбежали только те, кто аплодировал палачам.

Оставшись равнодушными зрителями расправы над своими лучшими сынами, российский народ сам

стал соучастником этой расправы. Все, что было самого грязного, подлого и низменного в российском народе, как в фокусе проявилось в поведении его в эти мгновения истории. Народ России сам подписал себе этим поведением исторический приговор.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РУБЕЖ

Массовые убийства русских патриотов 3—4 октября 1993 года в Москве многим кажутся проявлением бессмысленной жестокости, и только. Но на самом деле это событие имеет огромное историческое значение. Чтобы понять это, надо точно выяснить, против кого в них был направлен главный удар, кем и с какой целью. Нужно также выяснить, что символизировало это событие.

Главный удар в этой кровавой расправе был направлен не против «парламентариев», а против массы рядового российского населения, скрытый и трусливый протест которой против политики правящих верхов (включая и Верховный Совет!) открыто выразили расстрелянные патриоты. Цель была — спровоцировать это выступление, очернить его участников, локализовать его на виду у всех и жестоко подавить, чтобы предотвратить более широкие восстания по всей стране.

Эта дата 3—4 октября 1993 года и само событие станут символическими. Сравним их с другой символической датой и другим символическим событием, которые имели место в начале коммунистической эпохи в России, — со «штурмом» Зимнего дворца в Петербурге 25 октября (7 ноября) 1917 года. Тогда небольшая группа рабочих и солдат без единого выстрела просто вошла в Зимний дворец. Ленин назвал эту революцию самой бескровной революцией в истории человечества. А как происходил «штурм» Дома Сове-

тов (Белого дома)? Вооруженные современными видами оружия регулярные войска и специально натренированные силы милиции зверски, жестоко убивали безоружных людей по приказу высшей преступной власти.

Ради чего происходила революция 1917 года? Какими бы ни были ее последствия, она совершалась во имя освобождения трудящихся от векового рабства. О людях, партиях, правительствах, системах и эпохах надо судить не по тому, что они не сделали, а по тому, что они сделали для своего времени и в своих условиях для людей. С этой точки зрения Октябрьская революция 1917 года в России и рожденный ею коммунистический социальный строй сделали для широких слоев населения России больше, чем любая революция в истории для народов своих стран. Это — исторический факт, который еще не так давно признавался во всем мире.

Я уж не говорю о том влиянии, которое они оказали на всю планету и на всю последующую эволюцию человечества.

А во имя чего совершилось кровавое событие 3—4 октября 1993 года в Москве? Ельцинская клика лишь выразила волю новых хозяев страны — российских грабителей, наживших баснословные богатства за счет обнищания народа и разворовывания созданного трудом многих поколений народного достояния, и сил Запада, осуществляющих дальнейший процесс колонизации России. Убийство повстанцев кровью закрепило сложившееся положение, как бы придало ему статус законности. Оно стало историческим рубежом, знаменующим собою искусственный обрыв естественного хода русской истории. Говоря словами Гамлета, оно узаконило тот факт, что в России «распалась связь времен».

Это означает, что в России произошел полный разрыв поколений — политический, гражданский,

идейный, психологический, моральный. Сошли со сцены поколения, которые совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, подняли страну из развалин, защитили ее от иностранной интервенции, совершили беспрецедентный скачок в культуре, превратили страну в индустриальную державу, подготовили ее к самой страшной в истории человечества войне, разгромили самую мощную вражескую армию в мире, превратили страну во вторую сверхдержаву планеты. От них остались одиночки, оплеванные всеми, оклеветанные, названные красно-коричневыми, фашистами, сталинистами и всеми прочими бранными словами. Им на смену пришло поколение предателей, перевертышей, разрушителей. Они не просто подвергли критике то, что было сделано их отцами и дедами. Они разрушили весь механизм преемственности поколений, благодаря которому народ мог существовать как нечто единое и целое во времени.

Я не вижу в будущем России никаких оснований для оптимизма. В России нет великих социально-политических идей, способных вдохновить какую-то часть ее граждан на историческое мужество и подвиги. Ей навязали никчемные, ветхие и чужие идеи, рассчитанные на самую интеллектуально примитивную и деморализованную массу людей, лишенных чувства гражданской ответственности за судьбу страны.

Я не вижу в России политических деятелей исторического масштаба. Дилетанты, демагоги, тщеславные болтуны, мелочные хитрецы и интриганы, явные дураки и даже шизофреники заполонили все политическое пространство России. В качестве идейных наставников и политических вождей были извне умышленно навязаны всякого рода ничтожества, раздутые в пропаганде до масштабов личностей эпохальных. А личности, которые могли бы «прорасти»

в значительные фигуры, умышленно не допускались до этого. Причем русские сами усердствовали больше, чем враги. И теперь, глядя на тех, кто кривляется на политической сцене России, хочется лишь плюнуть с отвращением и закрыть глаза, чтобы не видеть этот бездарный спектакль. Русские сначала сами срезают все «точки роста» своего собственного национального интеллекта, а затем, когда им указываешь на никчемность их вождей, разводят руками: мол, у них нет другого выбора! Да, нет. И не предвидится. Карлики, завладевшие ареной истории, не допустят появления великанов.

У России нет своей национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. За редким исключением, российские интеллектуалы уже в хрущевские годы сами стали заражаться и заражать соотечественников умонастроениями антипатриотизма, антикоммунизма, антисоветскости и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни, представляя его себе в идеологически идеализированном виде. Тот факт, что в брежневские годы они служили советскому режиму и преуспевали за счет служения ему, ничуть не опровергает сказанное: то двоемыслие, о котором писал Оруэлл еще в 1948 году, было свойственно российской интеллигенции в особенно развитом виде. Российская холуйская по натуре (холуйская как по отношению к своей власти, так и по отношению к Западу) интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 году, всячески поддерживала процесс разрушения страны и закабаления ее преступниками и коллаборационистами и в конечном итоге оправдала преступления как горбачевской, так и ельцинской клик.

Теперь стремительно складывается новая, скороспелая интеллигенция, для которой даже нет пробле-

мы смены курса. Она изначально есть порождение нового режима. Она вырастает молниеносно и расцветает пышным цветом, как разрастаются сорняки на заброшенном поле, на котором ранее с большим трудом выращивались культурные растения. Она есть воплощение буйства и торжества бездарности, глупости, пошлости, подлости, безнравственности и прочих явлений современной массовой культуры, массовой как в смысле участия в ней огромного числа ее творцов, так и в смысле предназначенности ее для миллионов потребителей того же уровня ментальности. Она не способна создать оригинальную национальную культуру высокого уровня, достойную великого народа. Зато она с поразительной быстротой и легкостью заимствует явления псевдокультуры Запада, особенно США. Потому создаваемая ею культура является ублюдочной вдвойне: она к бездарности псевдокультуры Запада присоединяет свою собственную сверхбездарность.

В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создали систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях. Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей, являющееся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга и т. п. ловкачей, мошенников, деляг, воров, насильников и вместе с тем людей с рабской психологией и изначальным комплексом неполноценнос-

ти. С таким человеческим материалом уже невозможны никакие великие свершения.

Дата 3—4 октября 1993 года символизирует то, что закончилась великая история России, закончилась самым позорным образом. Россия сыграла свою историческую роль, создав первое в истории человечества коммунистическое общество, которое на короткое время позволило ей сохранить независимость от Запада и даже составить конкуренцию ему в борьбе за мировое господство. Теперь она эту роль утратила, думаю — навсегда.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Считается, что после распада советского блока и Советского Союза и после краха коммунистических режимов в этих странах наступила посткоммунистическая эпоха в истории человечества. Это мнение выглядит несколько комично в том смысле, что на самом Западе еще не было никакой коммунистической эпохи. Впрочем, за коммунистическую можно посчитать эпоху, когда на Западе тряслись в страхе перед мировым коммунизмом, и освобождение от этого страха можно объявить эпохой посткоммунистической.

Началась посткоммунистическая эпоха с эйфории по поводу краха советского блока, Советского Союза и коммунистических режимов в этих странах. Началась повсеместно, не только на Западе, где этот момент готовили и страстно ожидали чуть ли не полвека, но и в самих коммунистических странах, жители которых подыхали от зависти к распропагандированному изобилию на Западе и млели от восторга при виде того, как их страны превращаются в барахолки западного тряпья и арену для поощряемого Западом разврата. Теперь эта эйфория окончилась. В бывших

коммунистических странах наступило не успокоение и уверенность в лучшем будущем, как ожидалось, а нечто противоположное — уныние, растерянность, страх еще худшего будущего.

Да и на Западе положение в этом отношении не лучше. Исчез феномен, который выглядел в сознании западных людей источником всех мировых зол и дававший западным людям основание думать, будто они живут чуть ли не в раю. Общий спад деловой активности, рост безработицы, удорожание жизни, рост налогов и другие неприятные явления невольно порождают подозрение, а не есть ли это плата за победу над коммунизмом. Если это на самом деле так, то стоила ли игра свеч?!

Весь период «холодной войны» прошел под лозунгами борьбы за права человека и демократические свободы. Но с окончанием ее это идеологическое оружие потеряло прежнее значение. В бывших коммунистических странах вместо демократического рая наступила разруха экономики, инфляция, развал системы образования и культуры, идейный хаос, моральная деградация, рост преступности. Люди лишились элементарного порядка и личной защищенности со стороны государства. Людям стало не до прав человека и демократических свобод. Главными проблемами для них стали проблемы выживания в этих трудных и непривычных условиях.

И на самом Западе идеи прав человека и демократических свобод отошли куда-то на задний план. Началось решительное наступление власть имущих на социальные права граждан. Средства массовой информации уделяют этому ничтожно мало внимания, а то и вообще дружно замалчивают нарушения прав человека и демократических свобод. Теперь стало очевидно, что не эти непомерно раздувавшиеся в недавнем прошлом феномены суть самые важные ценности бытия, а гарантированная работа по про-

фессии, жилье, медицинское обслуживание, воспитание и образование детей, личная защищенность, пенсия по старости и инвалидности, человечные личные отношения и т. д., то есть все то, что на каком-то уровне было привычным в Советском Союзе в доперестроечный период.

На Западе наступило состояние, подобное тому, какое наступило в Европе после разгрома наполеоновской Франции, а именно — состояние реакции. Весь ельцинский период проходил в России как вопиющее нарушение прав человека и демократических свобод. И поразительное явление: на Западе ни слова не было сказано по этому поводу. Наоборот, все бесчинства ельцинской клики поощрялись... как борьба за некую демократию! И ни звука протеста! На глазах всего человечества произошло одно из самых подлых и жестоких преступлений века — убийство русских патриотов вооруженными силами страны по приказу главы государства. И что?! Кто-нибудь на Западе хотя бы робко высказал сомнение в том, что это преступление совершено действительно ради демократии? Никто! Я не знаю в истории ничего подобного, что можно было бы сравнить по масштабам с таким всемирным негодяйством.

Но в великой истории ничто не проходит безнаказанно. За все то, что Запад сделал в отношении России, ему так или иначе придется расплачиваться. Я считаю, что расплата уже надвигается в виде еще более мощной угрозы порабощения, чем была угроза коммунистическая, а именно — в виде угрозы тотального западнизма для одних и тотальной западнизации для других.

Коммунизм в России разгромлен. Но почему-то не хочется прыгать от восторга по этому поводу и вопить вместе со всеми «Да здравствует западнизм, светлое будущее всего человечества!».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я закончил этот очерк событиями 3—4 октября 1993 года. Пока очерк готовится к печати, могут произойти самые разнообразные события, возможно — неожиданные и сенсационные. Не хочу заниматься гаданиями по этому поводу. Я считаю, что принципиально важные события уже произошли. Они уже определили дальнейшую судьбу России. И что бы теперь ни произошло, изменить ее предопределенность уже невозможно.

А. Зиновьев

Мюнхен, 1994 г.

Часть вторая

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РОССИЯ

ВЕЛИКИЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ

Во второй половине XX века произошел величайший перелом в социальной эволюции человечества. Я писал о нем в книгах «Запад», «Русский эксперимент», «Глобальный человейник», «На пути к сверхобществу». В настоящей статье я хочу кратко охарактеризовать основные черты этого перелома.

Самую глубокую основу рассматриваемого перелома образует возникновение сверхобществ и завоевание ими доминирующей роли в эволюции человечества — в переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ. Чтобы определить, что такое сверхобщество, следует уточнить понятие общества. А для этого необходимо ввести более общее понятие «человейник».

Человейник

Человейником я называю объединение людей, обладающее комплексом признаков. Члены человейника живут совместно исторической жизнью, то есть из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регуляр-

ные связи с другими членами человейника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человейнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человейника. Члены человейника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человейника. Человейник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, то есть его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, то есть люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человейника осознают их как чужих.

Во всяком человейнике надо различать материал (вещество, материю) и его организацию. Материал человейника образуют люди и все то, что создается и используется ими для поддержания их жизни, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные предметы. Назовем это материальной культурой.

Социальной организацией человейника я называю то в его организации, что в ней складывается исключительно в силу объективных социальных законов. Это — система власти и управления, органы внутреннего порядка, хозяйственная сфера, система воспитания и обучения, религиозные учения и учреждения и т. д. Эти компоненты социальной организации как единое целое образуют «базис»

(основу) человейника, а не какой-то из них по отдельности.

История человечества есть история возникновения, изменения, развития, борьбы, гибели, объединения, распада, эволюции и т. д. человейников. Нас в этом очерке интересует лишь один аспект этого процесса, а именно — эволюционный. Я различаю три эволюционных уровня человейников — предобщества, общества и сверхобщества. Отношение между ними характеризуется в общем виде понятием диалектического отрицания или снятия: возникновение более высокого уровня социальной организации человейника означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, то есть в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в «снятом» виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отношению к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является «возвратом» к предобществу.

Общество

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разноплемен-

ных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди по крайней мере в значительной части являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних человейников другими. Среди людей в рассматриваемом скоплении могут быть и связанные родственными узами, что очевидно, поскольку тут имеются и образуются семьи. Но в данных условиях чуждость людей друг другу приобретает решающее значение. Для общества необходим некоторый минимум людей, не связанных родственными отношениями, хотя бы для того, чтобы родственные связи утратили прежнее значение.

Скопление людей, образующих общество, состоит не непосредственно из отдельных людей. Это — не толпа. Оно состоит из множества устойчивых групп. Эти группы сравнительно невелики по размерам. Если даже какие-то из них состоят из родственников (небольшая семья, например), основу их образуют не родственные связи, а интересы какого-то общего (совместного) дела. Они до известной степени автономны в своей жизнедеятельности. Каждая из них имеет свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. В дальнейшем я буду употреблять для обозначения ее основных компонентов выражения «сфера госу-

дарственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»).

В какой последовательности рассматривать компоненты социальной организации общества? В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности). Определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на них.

Основная функция государства — обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций: установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т. д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение их. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию, ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, то есть признана обществом как законная. Власть может силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться

с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человейника, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве — должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственные формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это — выход за рамки государственности.

Задача государства — управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (легитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

Одновременно с формированием особой сферы государственности в обществе происходит формирование других компонентов социальной организации. Все они имеют свои специфические свойства, свою историю, свои закономерности. Но в составе социальной организации общества они так или иначе подпадают под влияние и власть государства.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, то есть при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человейника на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Но это — именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человейника в особую стандартизированную сферу, которая «кормит» не только себя, но и весь прочий человейник. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна

протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечеловейниковое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Аналогично обстоит дело с идеологической сферой: лишь государственность придает менталитетной сфере человейника статус идеосферы.

Цивилизация

Человейники возникали, возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной социальной среде из скоплений людей и их объединений. Буду употреблять для обозначения такой среды слово «мир».

Общества возникают, организуются и эволюционируют в более обширной среде миров, которую я называю цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах человейников, общества преобразовывали эти миры в цивилизации. А цивилизации, со своей стороны, становились колыбелью и средой жизни обществ. Здесь зависимость взаимная.

Цивилизация есть мир, основными компонентами которого являются человейники типа обществ. Цивилизация состоит из обществ, но сама как целое не есть общество.

Между входящими в цивилизацию обществами имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется: одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т. п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность и преем-

ственность — историческая совместность. Взаимоотношения в этой совместности разнообразны: союзы, слияния, разделения, войны, покорение одних другими, поглощение, разрушение, короче говоря, все то, что образует их конкретную историю. В результате совместной жизни они оказывают влияние друг на друга, одни что-то заимствуют у других или навязывают им что-то свое. Таким путем они совместными усилиями создают нечто общее, что в тех или иных формах и размерах развивается у них по отдельности, делает их сходными в этих отношениях, социально родственными. Эти сходные черты — именно результат совместной жизни, они не могли у них появиться, если бы они жили изолированно друг от друга. Эти сходные черты охватывают все основные аспекты объединений — власть, хозяйство, идеологию, культуру.

Цивилизация есть явление историческое: возникает, живет, совершенствуется, изменяется и погибает. Она возникает и живет при определенных условиях, в число которых включаются размеры объединений, степень их сложности, состояние материальной культуры, характер человеческого материала, возможности автономного существования сравнительно больших регионов длительное время и многое другое. Тут есть свои границы. Эти условия выполнялись далеко не всегда и не везде. Так что возникновение цивилизаций в прошлом не было абсолютной необходимостью. Далеко не любые скопления людей были способны создавать или сохранять цивилизацию. Цивилизации возникали и жили в более обширной социальной среде. В этой среде люди создавали и другие формы социального бытия, отличные от цивилизации: союзы племен, государственно организованные общества, империи с иерархией народов и другие. Такого рода явления и тенденции захватывали и регионы цивилизаций. Так что

абсолютно «чистых» форм цивилизаций никогда не было. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смешения черт различных форм человеческих объединений. Различные признаки цивилизаций «растворялись» в массе других социальных явлений, модифицировались под их воздействием, принимали чуждые их природе формы и порождали имитации.

Величайшей в истории человечества является западноевропейская цивилизация. Она достигла расцвета в XIX—XX веках. Вершиной ее развития явилось возникновение «национальных государств» Западной Европы (Англии, Франции, Италии, Германии и др.), а также в бывших колониях западных стран (США, Канада, Австралия). Нет надобности описывать ее достоинства и недостатки и говорить о том, какой вклад она внесла в прогресс человечества. Это общеизвестно.

Две тенденции эволюции

В рамках западноевропейской цивилизации зародились и развились две тенденции, сыгравшие определяющую роль в социальной эволюции человечества. Одна из них достигла наивысшего уровня в США. Буду называть эту тенденцию и линию эволюции западнистской (или американистской). Она оказала затем сильное влияние на Западную Европу, а после Второй мировой войны фактически овладела всем западным миром. Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования объединения коммунистического типа — Советского Союза. Последний оказал огромное влияние на весь ход мировой истории, стал образцом для значительной части человечества. Назову эту линию эволюции коммунистической (или советской, или русской).

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что целый ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты.

После Второй мировой войны на планете сложились два лагеря или мира — коммунистический и западнистский (западный). Они стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине. Еще не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг «Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества!» выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены и что будущее принадлежит коммунизму.

Коммунистическая тенденция на короткое (с исторической точки зрения) время опередила западнистскую, породив в реальности человейники более высокого уровня социальной организации, чем общества, породив сверхобщества коммунистического типа. На этом пути предпринята была также попытка создания сверхцивилизации и построения глобального человейника, объединяющего все человечество в единое целое на коммунистической основе.

После победы Запада в «холодной войне» против советского блока положение в мире коренным обра-

зом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем вариант коммунистический. Убеждение, что будущее человечества — не коммунизм, а западнизм (причем в американском варианте, как американизм), стало центральной идеей западнистской идеологии. Победоносное (для Запада) окончание «холодной войны», распад советского коммунистического блока и Советского Союза, крах советского коммунизма и превращение США в единственную сверхдержаву планеты, безраздельно доминирующую над западным миром и, опираясь на его мощь, определяющую характер социальной эволюции всего человечества, можно считать решающим пунктом эволюционного перелома, о котором идет речь.

Этот перелом идет по трем линиям (в трех аспектах и на трех уровнях) одновременно: 1) образования человейников более высокого уровня социальной организации, чем западнистские общества, — сверхобществ западнистского типа; 2) интеграции западных сверхобществ в единое целое, которое по отношению к западной цивилизации выступает как западнистская сверхцивилизация; 3) установления мирового порядка под эгидой западного мира и объединения человечества в единый глобальный человейник на основе западнизма.

Упомянутые линии суть стороны единого мирового процесса. Эволюция западной цивилизации, порождая сверхобщества, вынуждает их на объединение в сверхцивилизацию.

Последняя со своей стороны способствует образованию и развитию сверхобществ и даже вынуждает западные страны становиться на этот путь в интересах их выживания на достигнутом ими жизненном

уровне. И та же необходимость вынуждает западный мир на борьбу за господство над прочим человечеством. Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человейник не ради каких-то абстрактных идеалов, а как необходимое средство формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества.

В этой статье я рассматриваю лишь первый уровень эволюционного перелома. В отношении второго и третьего уровней ограничусь лишь кратким замечанием.

Сверхобщество

Социальный объект А будем называть сверхобъектом по отношению к социальному объекту Б и употреблять выражение «сверх-Б», если и только если объект А содержит в себе в снятом виде основные (определяющие) признаки объекта Б. В сверхобъекте можно различить две части — базисную и надстроечную. В первую входят свойства объекта Б, содержащиеся в А в снятом виде, во вторую входит то, что вырастает на основе первой и образует новое эволюционное качество А.

Сверхобщество по определению есть человейник, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человейником более высокого уровня организации, чем общество. Отношение сверхобщества к предобществу, таким образом, характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ, никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбеж-

ным следствием отрицания отрицания является «возврат» человейников по ряду признаков к предобществу, причем не по второстепенным признакам, а по признакам, определяющим «нижнюю» границу сверхобщества.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, — одним словом, в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям. Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя тут создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии, — одним словом, в условиях «соци-

альных джунглей». Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было ослаблено и разрушено, а, наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мерам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человейника нового типа.

Несмотря на эти различия, социальная организация западнистского сверхобщества складывается по тем же объективным социальным законам. Схематично это выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуется сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные объединения и т. д. Они объединяются в надстроечную часть социальной организации в целом.

Надстроечная часть социальной организации коммунистического сверхобщества обнаруживается сравнительно просто, если, конечно, вы располагаете социологической теорией, удовлетворяющей критериям логики и методологии науки. Ее образует партийный аппарат, системы власти и управления различных сфер общества (экономики, культуры, образования и

т. д.), правящая элита, привилегированные части различных подразделений общества («общество второго уровня») и т. д. Доминирующую роль в ней играет партийный аппарат. Гораздо сложнее обстоит дело с социальной организацией западнистского сверхобщества. Я не могу в этом очерке изложить достаточно аргументированную теорию этого феномена. Ограничусь лишь тем, что назову в качестве примера некоторые источники формирования его.

Сверхгосударство

Государственность западнистского общества состоит из демократической и недемократической частей. Для первой характерны выборность представительной власти, разделение властей, гласность, наличие официальной оппозиции, многопартийность. Во вторую часть входят административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и т. д. Первая составляет лишь ничтожную часть государственности и ничто без второй.

Западнистское сверхгосударство вырастает отчасти на основе демократии и как ее развитие, отчасти на основе недемократической части государственности как отрицание демократии, отчасти из негосударственных источников и как явление негосударственное. Это прежде всего разрастание самого государства сверх всякой меры. В сфере государственности занято от 15 до 20 процентов работающих членов западного общества. Это — больше, чем общее число людей, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. Представительная часть власти обросла огромным числом «подсобных» учреждений, комитетов, комиссий, министерств, департаментов и т. п. Они не являются

узаконенными на уровне фундаментального права. Они введены, можно сказать, явочным или «рабочим» порядком. В них занято огромное число профессиональных и высокопрофессиональных работников. Они не избираются снизу, а отбираются сверху. Они работают и делают карьеру по тем же принципам, что и в административно-бюрократическом аппарате государства. И кто бы ни избирался на выборные должности, какая бы политическая линия ни проводилась, эти упомянутые выше явления уже играют более важную роль во власти, чем преходящие фигуры «избранников народа».

Военная сфера, секретные службы, внешнеполитическая сфера приобрели такие размеры и влияние, что сами конкурируют с центральной властью в борьбе за реальную власть. Все эти мощные и в значительной мере автономные сферы нуждаются в координации. Непомерно разросшаяся государственность сама нуждается в управлении, можно сказать, в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода: представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т. п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома. Сюда входит также множество людей из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Это — «кухня власти». Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета. На-

ряду с «кухней власти» сложилась среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. Она получила название правящей элиты.

Вопреки официальному статусу, государство само становится явлением в сфере экономики. Это выражается в том, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров оно не столько использует деньги как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода. Отсюда — рост государственного долга. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор, в который попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это — энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном

мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти: махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания, организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов, грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т. д. и т. п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать.

Вследствие разрастания и усложнения человейников, усложнения их взаимоотношений, усложнения задач, которые должна решать власть, разрастания и усложнения самой сферы власти и других перемен произошло разделение задач и действий власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень — уровень задач, ресурсов и действия власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, требующие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Такими были, например, пятилетние планы в Советском Союзе, мероприятия гитлеровской Германии в подготовке к войне и ее проведении, операции антигитлеровской западной коалиции во Второй мировой войне, план Маршалла, «холодная война» со стороны Запада. Такими являются действия западных властей в манипулировании огромными суммами денег, космические программы, война США против Ирака, операция по дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Короче говоря, возникли задачи и операции властей, качественно, а не только количественно отличные от традиционных задач и операций власти государственной. Это стало регулярным и повседневным в жизнедеятельности власти, а не редким исключением, как это бывало в прошлом (например, большие войны). Сейчас перед западными странами встали проблемы, на решение которых нужны десятки лет (если не века), ресурсы астрономических масштабов, высочайший интеллектуальный потенциал многих тысяч специальных учреждений и миллионов квалифицированных сотрудников. Уже сейчас эта сфера в значительной мере обособилась от привычной сферы государственности и становится доминирующей над ней.

Выработалась и тактика решения стратегических задач. Сложился особый аппарат для этого. Тут мы видим совсем иное измерение власти сравнительно с тем, в котором произошло разделение функций законодательной и исполнительной власти. Пока аспект стратегической власти еще спутан с аспектом обычной государственности. Но уже сейчас можно заметить в правительствах и в политике западных стран две тенденции. Стратегическая постепенно берет верх. Наиболее сильные фигуры во власти (в США и Франции — президент, в Англии — премьер-министр, в Германии — канцлер), как правило, выражают стратегическую тенденцию власти, а парламенты — традиционную.

Другим источником западнистского сверхгосударства является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики. Она не афиширует себя. Но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее марионеткой. Но суть дела тут серьезнее. В западных странах складывается новый уровень власти: она уже не государство, не

экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собой, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии в период «холодной войны» (а она длилась почти полвека!) сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупицы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. По объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует западный мир во главе с США, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность, которая при

этом фактически утрачивает статус суверенности. Надстроечная часть обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это требуется сверхгосударственности. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп и т. п. Они все хорошо известны из скандальной информации, литературы, кино.

Сверхэкономика

Экономика западных стран считается капиталистической. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А их десятки. С точки зрения одних определений западное общество оценивается как капиталистическое, с точки зрения других — как некапиталистическое. Но оставим в стороне терминологический разнобой и примем такие определения.

Не всякий частный предприниматель есть капиталист. Капиталистом я буду называть частного предпринимателя, который за деньги приобретает средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы после покрытия всех расходов иметь прибыль. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно, это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой

страх и риск. Капиталом я буду называть сумму денег, используемую для приобретения прибыли. Капитализмом я буду называть совокупность явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различают период «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, то есть в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием от-

ношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде (с точки зрения нашей проблемы) противоположный.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Назову основные из них. Подавляющее большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется, под проценты. Взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взявший в кредит деньги предприниматель фактически выступает в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем. Таким образом, происходит разделение частных предпринимателей на две груп-

пы — кредиторов и должников. Они совместно затевают дело, деля прибыль между собой.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становится таковыми не из врожденного стремления к наживе (таковое не существует), а будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это — способ заработать на жизнь, зачастую соответствующий их навыкам и профессиональной подготовке, но не менее часто — не требующий особого обучения. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель — выплатить проценты на кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. В большинстве они вынуждены довольствоваться минимальной (а не максимальной, как считали марксисты) прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Разорение одних и появление других — это нормальное явление в обществе частного предпринимательства. Некоторая часть добивается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда. Ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть. Их приводят в качестве пропагандистского примера достоинств частного предпринимательства. Какую именно роль здесь играет криминальный элемент, я не рассматриваю. Скажу лишь одно: роль огромную.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они работают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервотрепкой и с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Обратимся к банку, у которого наш предприниматель берет деньги в кредит. Юридическим субъектом его может быть группа лиц (директоров, членов совета) во главе с избираемым ими президентом. Они все являются наемными работниками. Ни один из них не является собственником капитала банка. Собственником или собственниками являются другие лица. Так что юридический субъект предприятия, не являющийся собственником его капитала, распоряжается чужой собственностью и при этом считается частным предпринимателем. И одновременно он является кредитором (то есть собственником!) по отношению к предпринимателю-должнику. Имеют место и другие варианты, которые выглядят нелепостью с точки зрения образцового частного предпринимателя-капиталиста. Но эти курьезные на первый взгляд варианты имеют место в современной реальности западного мира.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий, концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям — банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менеджеров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их — в других

фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается сложная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями.

Таким образом, в современном западном обществе за частными предпринимателями сохраняются лишь два признака, определяющие их как особую социальную категорию: они суть юридические субъекты дела и ведут дело на свой страх и риск, не подчиняются в этой функции государству.

С точки зрения характера юридических субъектов предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица, а ко второй — такие, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. Таким образом, частное предпринимательство фактически перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм» потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику западного общества.

Экономика функционирует по своим специфическим законам, но в рамках государственных законов. Ее «нижняя» граница фиксируется законодательством, устанавливающим статус хозяйственных единиц с точки зрения уплаты налогов и их права и

обязанности по отношению к государству и друг к другу. «Верхнюю» границу («потолок») экономики характеризует такое состояние, которое исчерпывает возможности правовых отношений участников экономической сферы, а также возможности решения важнейших экономических проблем специфически экономическими средствами. Общеизвестно, что в западной экономике крупные предприятия содержат целые штаты юристов для решения своих проблем, причем их цель состоит не столько в том, чтобы следить за юридическими границами деятельности подопечных, сколько в том, чтобы лавировать на грани законности и даже за ее пределами, избегая наказания. А судьба многих крупных предприятий и подразделений экономики зависит в большой степени (а порою решающим образом) от неэкономических действий властей.

Укрывательство от уплаты налогов и обман финансовых органов стали всеобщими явлениями. Это произошло не из-за особой склонности к преступлениям и корысти (хотя и это не исключено), а главным образом из-за правовых норм. Если педантично им следовать, то большинство предприятий просто обанкротится. Я уж не говорю о том, каких масштабов достиг преступный бизнес. Одним словом, западное хозяйство уже не укладывается в юридические рамки экономики.

Точно так же обстоит дело с социальными законами экономики как делового аспекта человейника. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно-технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики. В то же время многие крупные предприятия работают в убыток и

спасаются за счет всякого рода неэкономических махинаций. Другие требуют таких затрат, которые окупаются в течение времени, выходящего за пределы долговременных инвестиций по законам экономики, или не окупаются совсем. Такие предприятия существуют лишь постольку, поскольку жизненно необходимы или поскольку выгодны каким-то людям, наживающимся именно на убытках и банкротствах предприятий. У этих предприятий нет хозяев, для которых убытки предприятий суть их личные потери.

Если бы можно было получить точные сведения о том, какими путями в наше время наживают состояния на самом деле, я думаю, что доля тех, кто делает это по законам экономики («честный труд» и «честный бизнес»), оказалась бы поразительно низкой (это — мое предположение). Во всяком случае, она имеет тенденцию к снижению.

Фундаментальная функция экономики — снабжать общество средствами существования — отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не фундаментальные уровни, а вторые и более высокие — производство сверхнеобходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживающие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т. п. Экономика в гораздо большей мере обслуживает самое себя, чем общество вне ее. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок и т. п.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и

военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь.

В основе западнистской экономики лежат принципы эквивалентного обмена. Использование преимуществ положения и конкретной ситуации с целью приобретения прибыли есть нарушение этих принципов. Это — не эквивалентный обмен, подобно тому, как таковым не является «обмен» сена на молоко в отношениях с коровами, «обмен» виски на Манхэттен в отношениях с индейцами, «обмен» финансовых подачек на разорение страны в отношениях с Россией. Не являются экономическими и операции, называемые словами «экономическая помощь» в отношениях стран Запада с незападными народами, находящимися в тяжелом положении.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные объединения со своей социальной структурой подобно структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы национальных государств на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человейники. Если они кому-то и в какой-то мере подчиняются, так это — глобальному денежному механизму. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в ее традиционном смысле. В их деятельно-

сти все большую роль играют политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

Одним словом, в хозяйственном аспекте западных стран произошли такие грандиозные перемены, что прежние представления об экономике утратили смысл. Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к какой-то ясности в ее понимании.

В системе власти западных стран фактически происходит разделение функций в вертикальном аспекте: часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма. Фактическая система власти и хозяйства западного мира таковы, что государственность и экономика отдельно взятых стран все более превращаются в их частицы, причем в «снятом» виде.

Считается, будто некая «невидимая рука» рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм.

Денежный тоталитаризм

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли

этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т. д.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Денежный механизм почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктатор-

ская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

В современном западном мире денежный механизм из средств экономики (из ее слуги) превратился в ее доминирующий фактор (в господина над ней). Благодаря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло «вертикальное» структурирование экономики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег — символическая экономика, то есть экономика огромных символических капиталов.

В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно — сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человейника, выходящий за рамки социальной организации общества «сверху».

Обычно акцентируют внимание на денежной форме и специфических правилах функционирования денежного механизма, а не на его социальном содержании. А последнее состоит в том, что в обществе сложился новый феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве средства власти над обществом, а не только и не столько в качестве капитала. Лишь отчасти этот механизм функционирует как капитал. В большей мере и в основном он превратился в сверхкапитал. Функция капитала стала одной из его функций, подчиненных функции власти. Он руководствуется прежде всего не экономическими, а иными расчетами, а именно — расчетами организации и удержания своей сверхобщественной власти над обществом.

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников — вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного человейника в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, то есть эксплуатирует.

Государство оперирует огромными суммами денег. Но оно делает это не по законам экономики. Оно не инвестирует их с целью получения прибыли (нечто подобное бывает лишь в порядке исключения). Оно их тратит на свои нужды, распределяет по различным подразделениям общества, тратит как средство своих политических целей. То же самое делает денежный механизм. В нем есть части, функционирующие по законам экономики, то есть как капиталы.

И это затемняет те его части, которые стали феноменами сверхэкономики и сверхгосударства. Не все банки и не все функции банков одинаково входят в эту сферу. Тут переплетаются феномены экономики и власти. И это переплетение вполне нормально, так как власть такого рода вырастает из экономики и над ней.

Денежный механизм в его высшей функции власти над экономикой и над человейником вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба — экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой «холодная война», и финансирование ее (то есть траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

«Ватикан» западнизма

Выражением «масс-медиа» или просто «медиа» принято обозначать совокупность таких явлений современного западного мира, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции.

После Второй мировой войны в эволюции западных медиа произошел грандиозный качественный «скачок» — они оформились в одну из важнейших сфер общества. Так что их теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое це-

лое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого «скачка» суть следующие: 1) колоссальный количественный рост составных элементов медиа; 2) их техническое усовершенствование; 3) изобретение новых средств; 4) усовершенствование их работы; 5) возникновение разнообразных связей между ними; 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов и интересов государства. Но сводить их к этому ошибочно. Они есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть «третья сила» западнизма. Это — и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглупление, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности и делание жизни — короче говоря, квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа суть арена общественной жизни, ставшие одним из важнейших факторов этой жизни. Они состоят из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В их работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Они привлекают для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа — это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это — такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически они функционируют так,

как будто получают инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука», почти совсем не изученная научно. Данные о ней редко попадают в печать. Это сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т. д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают «высшую инстанцию». И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты.

Медиа стали не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролером и властителем информации. Они имеют свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В их распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Они формируют информацию по своим правилам, придают информации вид, отвечающий их интересам. Информационный поток, минующий их, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит через них, а роль его еще ничтожнее. Они сконцентрировали в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медиа вторгаются во все сферы общества: в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Им до всего есть дело. Они не просто влияют на умы и чувства людей. Они проявляют власть над ними, причем власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывают к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Они обладают для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с «церковью» западнизма. Она удобна и с точки зрения способа вовлечения людей в ее деятельность. Человек может потреблять продукцию медиа в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Важнейшим каналом всевластия медиа является то, что они контролируют и направляют всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоили себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Они определяют то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медиа. Они в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует их интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Значительным каналом всевластия медиа является то, что они дают трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Они раздувают и используют непомерное тщеславие политиков. Они влияют на их успехи и неудачи, порою роковым обра-

зом. Без них немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировали в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая им свою собственную независимость и власть. Медиа стали чем-то вроде «государства» для внегосударственной жизни общества.

Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Их может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает их той роли, какую они играют в обществе, и их положения в системе прочих социальных феноменов. Они занимают такое положение и играют такую роль в обществе, которые позволяют им со своей стороны диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует ими, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается их хозяевами и манипуляторами, вынуждены подчиняться сами тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчинения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя ее хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди

делают, это — прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется, за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого: зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Это есть превосходно организованный и функционирующий механизм сверхидеологии западнизма.

Социальная организация сверхобщества в целом

Как я уже отметил, социальная организация западнистского сверхобщества как целое разделяется на надстроечную и базисную части. Чтобы описать ее строение и свойства, мы должны обратиться именно к ее надстроечной части, уделяя внимание базисной в том свете, какой на нее бросает надстроечная часть.

Надстроечная часть не есть всего лишь сумма надстроечных явлений сверхгосударства, сверхэкономики, сверхидеологии и других компонентов западнистского человейника. Ошибочно также представлять себе положение так, будто надстроечные части компонентов социальной организации общества превращаются в соответствующие компоненты социальной организации сверхобщества. Упомянутые надстроечные явления общества суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в нечто единое и перемешиваются в этом единстве. Тут происходит взаимное проникновение надстроечных явлений, взаимное влияние, обмен свойствами и

функциями, возникновение новых явлений как средства единства и как следствия его. Сюда включаются результаты изменения ориентации эволюционного потока. Вносят свою долю новые органы, возникающие в силу закона порождения особых органов для исполнения постоянных функций. В результате на этом уровне теряет смысл разделение частей и функций, имеющее место на уровне общества и в «снятом» виде в базисной части. Надстроечная часть социальной организации сверхобщества как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т. д., а не отдельными ее подразделениями с упомянутым разделением функций. Она образует высшее подразделение системы власти и управления сверхобщества. Потому для краткости будем называть ее сверхвластью.

Сверхвласть не является не только выборной, но и вообще узаконенной. Чтобы она сложилась, необходимо достаточно большое число людей, обладающих следующими признаками. Эти люди имеют настолько высокий социальный статус, что являются фактически независимыми от государственной власти, а также от политической и экономической конъюнктуры. Они регулярно воспроизводятся в этом состоянии, в значительной мере наследуют свой статус. Они имеют влияние на правящие круги человейника и на привилегированные слои, являются известными личностями в человейнике, связаны личными знакомствами и в значительной мере родственными отношениями. Они образуют иерархию позиций как с точки зрения их социального статуса, так и с точки зрения ролей в рамках сверхвласти. Кроме них в рассматриваемое множество входят обслуживающие их лица, исполнители их решений и другие категории.

Рассматриваемое множество людей группируется в множество разнообразных объединений в различных измерениях. Эти объединения образуют сложную и иерархизированную сеть, так что образуется плотная, связная среда. Положение людей в этих объединениях зависит от их положения в базисной части сверхобщества. Но и последнее зависит от первого. Эти объединения не узаконены юридически. Они складываются по социальным законам объединения людей, а также в силу условий их функционирования в системе власти и управления, личных и деловых отношений, взаимных услуг и т. д. Они разнообразны по степени организованности, начиная от случайных и аморфных и кончая постоянными с установленной структурой правилами, разделением функций и т. д. Они формально добровольны, но фактически обладают достаточно прочными нитями, связывающими их в целое. Тут связи аналогичны связям в объединениях на дообщественном уровне, только тут это имеет место на сверхобщественном уровне. Члены таких объединений обладают способностью опознавать «своих» и «чужих», идентифицировать себя в качестве членов тех или иных объединений.

Объединения, из которых состоит сверхвласть, возникают и действуют в рамках юридических законов, но они не являются юридически узаконенными в качестве органов власти. Они присваивают себе функции власти, используя средства и возможности, выходящие за рамки государственности и подчиняющие ее себе. Они позволяют надстроечной части социальной организации управлять самой системой власти и выполнять функции стратегического управления, непосильные для государственности. Эти функции охватывают многолетние планы и особо важные проблемы, для выполнения которых и решения которых требуются усилия всей страны, положе-

ние страны в окружающем мире, направление эволюции страны вообще.

Сверхвласть сверхобщества состоит из двух частей. В первую из них входит все то (люди, объединения, учреждения, предприятия), что занято выработкой и принятием решений, решающая часть. Она есть аналог законодательной части власти общества. Вторая часть включает в себя то, что осуществляет исполнение решений первой части. Это — исполнительная часть.

Хотя решения первой части не являются юридически законными, они имеют принудительную силу для тех, кто их исполняет. Им подчиняются те, кого они касаются. Исполнители подчиняются, поскольку от этого зависит их вознаграждение и вообще положение в человейнике (успех, карьера, общение, судьба детей). Прочие люди подчиняются, поскольку в распоряжении сверхвласти находятся все средства принуждения базисной части сверхобщества — администрация, суды, полиция, денежный механизм, средства массовой информации.

Исполнительная часть сверхвласти образуется из надстроечных элементов социальной организации общества. Они включают в себя государственную бюрократию, армейское командование, органы государственной безопасности, аппараты партий и т. д. Здесь имеет место, можно сказать, аппаратный плюрализм. Чтобы представить себе, что это такое, надо выделить различные подразделения аппарата коммунистической сверхвласти и представить их себе как различные аппараты, объединяющиеся в единое целое благодаря упомянутым выше объединениям «правящей элиты». Роль, аналогичную партийному аппарату в коммунистической системе власти, выполняет совокупность людей и организаций, которые держат в своих руках денежный механизм человейника.

Интеграция Запада и глобальный человейник

В структуре современных западных стран, взятых по отдельности, можно выделить два уровня: первый уровень, соответствующий структуре общества; второй уровень, представляющий собой своего рода «надстройку» над социальной организацией общества. Понятие «сверхобщество» может употребляться как обозначение этой «надстройки» над обществом, а также как обозначение всего человеческого объединения, в котором возникает такая «надстройка», и она определяет социальный тип объединения в целом.

Сферой деятельности западных сверхобществ в обоих смыслах становится весь западный мир и даже вся планета. Западные сверхобщества образуют сложные объединения, в которых тоже образуется разделение на два уровня. Причем сверхобщество в первом смысле образуется как взаимодействие и объединение «надстроечных» частей западных стран. Эти объединения функционируют как явления общезападные. Их сфера деятельности выходит за рамки западного мира.

Наконец, над всеми западными странами складывается общезападное «надстроечное» объединение (общезападное сверхобщество в первом смысле). Оно есть результат и одновременно средство интеграции западных стран в единое целое. Западный мир в целом имеет тенденцию к «вертикальному» структурированию.

Западный мир раздваивается так, что США становятся своего рода воплощением «надстроечной» части, общезападного сверхобщества в первом смысле. Здесь располагаются основные компоненты его. Происходит срастание компонентов сверхобщества США как отдельного сверхобщества и общезападно-

го сверхобщества. Срастание это настолько сильное, что США выступают как реальное воплощение сверхобщественной части западного мира в целом. Будучи сами зоной деятельности общезападного сверхобщества, США выступают в целом как сила, возвышающаяся над прочими странами западного мира и управляющая им. Стремление западного мира к глобальному господству выступает как стремление США к такому господству. При этом сами США управляются своим и общезападным сверхобществом.

Происходящий процесс объединения всего человечества в единое целое является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван как глобализация человечества. Можно констатировать как факт важнейшую тенденцию социальной эволюции человечества к объединению его в глобальное сверхобщество, возглавляемое западнистским сверхобществом в рассмотренном выше смысле.

Выражения «глобализация», «западнизация» и «американизация» фиксируют фактически различные аспекты одного и того же процесса эволюции человечества, начавшегося во второй половине XX века. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества XXI века.

ГЛОБАЛЬНОЕ СВЕРХОБЩЕСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В последние десятилетия выражение «глобальное общество» стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом глобальное общество понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего (планетарного!) размера. Такое понимание не столько теоретический идиотизм, сколько преднамеренная идеологическая ложь, абсолютно ничего не имеющая с реальностью, которая очевидна для всякого более или менее осведомленного и непредубежденного человека, но которая фальсифицируется или замалчивается в западных, прозападных средствах массовой информации.

Глобальный человейник

Я различаю два феномена, назвав один глобальным человейником, а другой — глобальным сверхобществом. Глобальным человейником я называю все человечество, каким-то образом объединенное в единое целое.

Глобальный человейник явным образом разделяется на западный мир и прочее человечество. Отношения между этими частями человечества являются совсем не братскими. Ни о каком равенстве тут и речи быть не может. И роли их различны. Сама идея «глобального общества» — есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объеди-

нению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а желание определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «глобального общества» — лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства», но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграци-

онные тенденции. Но это — обычное явление в любых больших объединениях людей. Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует и «национальные государства» все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Глобальное сверхобщество

Процесс интеграции западных стран в единое социальное объединение происходит как «вертикальное» структурирование самих этих стран и всего западного мира в целом. Заключается это структурирование в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Из них уже сложилось своего рода общество второго уровня или сверхобщество, возвышающееся как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняющее последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это сверхобщество, используя средства западных обществ («национальных государств»), фактически контролирует более пятидесяти процентов всех мировых ресурсов (по некоторым данным — более семидесяти процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Назову его глобальным сверхобществом.

Таким образом, глобальное сверхобщество есть своего рода «надстройка» над «национальными госу-

дарствами» западного мира. Каковы его размеры, структуры, цели, методы и т. д.?

Это явление новое и плохо изученное. Более того, научное изучение его есть пока табу. Так что я могу дать вам лишь самую общую характеристику. По моим данным, в него уже вовлечено несколько десятков миллионов человек. Оно имеет сложную структуру во многих измерениях и на многих уровнях социальной иерархии. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных, идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты.

Западные теоретики «глобального общества» мыслят его правительство наподобие западного парламента. Это — идеологическая чушь. Для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, требуется не кучка богатеев и политиков, а многомиллионное социальное образование. А для контроля пяти миллиардов прочего (незападного) человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому систему власти и управления. Эту функцию выполняет глобальное сверхобщество в моем понимании.

Западнизация

В ходе «холодной войны» нарождавшееся глобальное сверхобщество выработало стратегию объединения человечества в глобальный человейник. Я называю ее стратегией западнизации.

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, — и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем. Это — на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить к западному миру не в роли равноправных и равномощных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Была разработана тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Расколоть население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо в кратчайшие сроки, если их страна вста-

нет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является якобы мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

В западнизируемых странах устанавливается социальный строй, который я называю колониальной демократией.

Колониальная демократия

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также

путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере — как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с высшими слоями Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризуется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживателя протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее — псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступных развлечений,

системы ценностей, избавляющей людей от усилий над собой и моральных ограничений.

Упомянутые черты колониальной демократии настолько четко видны в сегодняшней России, что она может служить хрестоматийным примером этого социального феномена.

Глобализация

Я называю глобализацией процесс формирования глобального человейника под эгидой глобального сверхобщества. Западнизация есть средство глобализации. Но это — не единственное средство. Для глобализации используются и вооруженные силы, как это имеет место в отношении Ирака и Югославии. Военное нападение не исключено и в отношении России. А в отношении стран Западной Европы западнизация не требуется — они сами суть западные. В отношении их уместно употреблять термин «американизация».

Западнистский тоталитаризм

Социальная суть американизации состоит в том, что она означает конец демократии и установление режима западнистского тоталитаризма.

Считается, что с крахом советского коммунизма человечество вступило в посткоммунистическую эпоху. Если не принимать во внимание такую «мелочь», как Китай с населением более миллиарда человек, то с этим можно согласиться. Но ограничиться этим при характеристике наступающей эпохи нельзя. Надо добавить еще и то, что человечество вступило в постдемократическую эпоху. Демократия сыграла свою роль орудия западного мира в его борьбе с миром комму-

нистическим в «холодной войне». С крахом второй сверхдержавы планеты — Советского Союза — планета стала «однодержавной» или «однополюсной». И демократия стала ненужной хозяевам западного мира. Более того, она стала мешать им в стремлении к мировому господству.

Надо различать демократию формальную, пропагандистскую, мелочную и поверхностную, с одной стороны, и демократию реальную, глубокую, существенную и масштабную, с другой стороны. Вторая имеет место в человеческом объединении тогда, когда в этом объединении есть силы с различными и даже противоположными интересами, способные за себя постоять и не допустить подавляющее господство одной из сил над другими, то есть не допустить тоталитаризма. В закончившуюся эпоху «холодной войны» имела место демократия глобального масштаба: в мире сосуществовали силы демократического Запада, коммунистического «Востока» и стран «третьего» мира. В странах западного мира имела место демократия во взаимоотношениях между национальными государствами и между различными силами внутри их. Борьба партий явным образом влияла на политику власти. Существовало плюралистическое общественное мнение. В массах населения и в предпринимательстве существовали разнообразные подразделения, благодаря которым были возможны различные течения в социальной, политической, культурной и идейной жизни западных людей. Плюрализм, без которого немыслима реальная демократия, существовал на самом деле и играл существенную роль.

С окончанием «холодной войны», в результате которой был разгромлен советский блок, Советский Союз и советский коммунизм, началось стремительное падение западной демократии на всех уровнях и во всех сферах стран западного мира. Наметилась сильная тенденция к всеобъемлющему тоталитариз-

му. Я называю его западнистским тоталитаризмом. Крах коммунистических систем в странах бывшего советского блока и Советского Союза расширил не сферу западной демократии, а сферу экспансии Запада, одержавшего победу в «холодной войне» и идущего к тоталитаризму своего типа.

Эволюция западного мира к тоталитаризму скрыта мощным покровом идеологической и пропагандистской дезинформации и лжи, которые превосходят таковые времен гитлеризма и сталинизма как по техническим средствам и масштабам, так и по интеллектуальной изощренности и лицемерию. Западный воинствующий тоталитаризм рядится в одежды гуманизма, демократии, борьбы за права человека, справедливости. А по существу, по своим делам и их последствиям, он страшнее и опаснее тоталитаризма гитлеровского и сталинского толка, ибо не обнажает себя, глубже, не встречает серьезного сопротивления, масштабнее, располагает неизмеримо большими средствами, имеет поддержку большинства народов западного мира и народов сферы западного влияния, которые идеологически оболванены или подкуплены западными подачками.

Война в Югославии

То, что сейчас хозяева западного мира творят с Югославией (главным образом — с Сербией), используя мощные вооруженные силы США и НАТО, может служить характерным примером к тому, о чем я сказал выше. Ситуация в балканском регионе полностью сфальсифицирована в средствах массовой информации Запада. Очнись сейчас Геббельс, он позавидовал бы мастерству и размаху пропагандистского вранья нынешних геббельсов и геббельсят. Я не хочу сейчас докапываться до истины и взывать к

справедливости — это безнадежно. Но какими бы ни были конкретные основы, причины и поводы к событиям в Сербии, их социальная сущность очевидна и без этого. А заключается она в том, что хозяева западного мира, распоряжающиеся гигантскими политическими, экономическими, пропагандистскими и военными ресурсами, устанавливают новый мировой порядок в соответствии со своими эгоистическими интересами. Устанавливают насильственно, не считаясь с интересами насилуемых народов, не считаясь ни с какими правовыми и моральными нормами, не считаясь даже с мнением и интересами народов западных стран.

То, что происходит в Сербии («Сербская война»), не есть война в строгом смысле слова. Это — полицейская расправа с народом, который дерзнул оказать какое-то сопротивление замыслам глобального сверхобщества, западнизации и глобализации. Этот очаг сопротивления должен быть подавлен, дабы послужить уроком другим народам, устрашить их, призвать к покорности. И урок оказался действенным. Страны бывшего советского блока, включая постсоветскую Россию, проявили поначалу холуйскую готовность услужить глобальному сверхобществу в их карательной полицейской операции против строптивых сербов.

То, что происходит в Сербии, есть мощный удар по западной демократии. Судя по тому, какими жалкими являются протесты против этой операции сил Запада, удар оказался весьма эффективным. Так что эту операцию можно считать хронологической датой начала постдемократической эпохи в западном мире и началом эпохи западнистского тоталитаризма.

В «Сербской войне» есть еще один аспект, о котором все помалкивают: глобальному сверхобществу, метрополия которого находится в США, требуется подходящая территория на Европейском континенте,

на которой оно устроит гигантскую военную базу по последнему слову техники. С этой базы оно намерено держать под прицелом не только арабский мир и страны бывшего Советского Союза, но и страны Европы, включая и Западную Европу. Нападение на Сербию есть также и удар по Западной Европе, в недрах которой назревает сопротивление американской экспансии. Глобальное сверхобщество, использующее Соединенные Штаты Америки, стремится сохранить единство западного мира, но сделать это путем подчинения Западной Европы его интересам.

Так что «Сербская война» есть и удар по западноевропейской цивилизации, есть война антиевропейская.

Проектируемая и управляемая история

Конкретные исторические процессы всегда суть смесь двух типов процессов: 1) стихийного, то есть непланируемого и неуправляемого; 2) сознательно-волевого, то есть планируемого и управляемого. Их пропорции и роли колеблются в определенных пределах. Доминирование второго типа ведет к тому, что процесс в целом становится по преимуществу планируемым (проектируемым) и управляемым, хотя какие-то его компоненты остаются непланируемыми и неуправляемыми.

При научном описании упомянутых типов процессов требуются различные системы понятий и утверждений методологии науки. Стихийные (естественно-исторические) процессы описываются в понятиях и утверждениях диалектики. Для научного описания сознательно-волевых процессов требуется другой методологический аппарат. Тут требуется знать, что такое социальные планы (проекты), как и почему они возникают, как реализуются, что такое социальное

управление людьми, какими средствами и по каким правилам оно осуществляется. Это не отрицает диалектику, это есть другая ориентация внимания при исследовании социальных объектов.

Все известные теории социальной эволюции исходили из явного или неявного взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, непланируемый, неподконтрольный воле и сознанию людей естественно-исторический процесс. Этот взгляд сложился тогда, когда люди слишком мало знали о закономерностях своей собственной жизни и имели слишком мало средств оказывать заметное влияние на ее эволюцию и тем более контролировать ее. Силы человечества были еще не настолько велики, чтобы допустить самую мысль о возможности сознательного управления ходом истории. Человечество было раздроблено на огромное число враждующих объединений, и мысль о мировом единстве выглядела неосуществимой утопией. Существовали регионы с высокой степенью автономности эволюции и эволюционно независимые регионы.

Даже марксизм, выдвинувший идею переделки социальной организации человеческих объединений в соответствии с заранее построенным проектом, фактически разделял взгляд на эволюцию человечества как на стихийный, естественноисторический процесс. И советский коммунистический эксперимент, который был самой грандиозной в прошлой истории попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции, который оказал огромное влияние на ход истории человечества, не поколебал этот взгляд.

Но во второй половине нашего века ситуация на планете изменилась настолько радикально, что взгляд на эволюцию человечества как на стихийный (естественно-исторический) процесс стал выглядеть как анахронизм. Человечество вступило в эпоху, когда эволюция его стала происходить в значительной сте-

пени не по своему капризу, не стихийно. Сознательный, планомерный и преднамеренный элемент в ней приобрел такую силу, что стал доминирующим во всем комплексе факторов эволюции. Теперь в эволюционный процесс стали вовлекаться такие гигантские массы людей и ресурсы, что субъективные факторы эволюции человечества приобрели качественно новое значение сравнительно с недавним прошлым. Неизмеримо возросла степень запланированности, изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля за ходом процессов и степень следования планам. Неимоверно усилились средства манипулирования массами людей, средства коммуникации и средства решения проблем большого масштаба. Возникли бесчисленные проблемы, которые в принципе не могут быть решены без участия огромных интеллектуальных сил и материальных средств. Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно со степенью предсказуемости и запланированности. Все это в совокупности породило новое качество в самом характере (в типе) эволюции человечества.

Сказанное выше не означает, будто роль объективных социальных законов становится менее важной. Наоборот, с возрастанием роли субъективных факторов возрастает и роль законов. Их действие становится более близким к абстрактному описанию и к действию законов неживой природы. Например, раньше казалось, что чем грандиознее и сложнее социальное объединение, тем меньше оно контролируемо, тем больше в нем неконтролируемых явлений. Такое убеждение сложилось потому, что не принимали во внимание следующие факторы: 1) прогресс средств сбора, обработки и передачи информации; 2) прогресс средств коммуникации; 3) прогресс средств манипулирования людьми, надзора за ними, пресечения

массовых движений; 4) влияние массовой культуры на стандартизацию образа жизни людей. А в результате совокупного действия этих и других факторов степень контролируемости исторического процесса резко возросла. Но это, повторяю и подчеркиваю, не означает, будто история человечества стала жертвой субъективного произвола каких-то сил. Проектируемая и направляемая история имеет свои законы, отличные от естественно-исторического процесса, но законы. И следствием этих законов является то, что при этом растет и степень вынужденности социальных действий людей, а также степень предопределенности эволюции человечества. И это — неизбежная плата за прогресс.

Хозяева глобального сверхобщества, действуя в своих интересах, упорно загоняют поток истории в ограниченное, искусственное русло, исключая всяческими искусственными сооружениями неподконтрольные ответвления от основного течения. Превращая историю в планируемую и управляемую, именно этим делают ее предопределенной, а значит, не зависящей от их сознания и воли в том смысле, что задача их сознательно-волевой деятельности сводится теперь к тому, чтобы достроить до конца единственное искусственное русло исторического потока, чтобы в нем не возникали трещины, чтобы какие-либо злоумышленники не проделали в нем дыры. Законы диалектики, увы, неумолимы: все переходит в свою противоположность, когда преступает меру.

Средства массовой информации запугивали людей возможными последствиями вторжения в биологический механизм наследственности людей и развития зародышевых клеток в зрелые механизмы. Но уже произошло нечто более страшное, а именно — люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества. Разрушительные последствия этого вторжения стали привычными буднями нашей жизни.

Как я уже сказал, советский коммунистический эксперимент был самой грандиозной в прошлом попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции. Но он ограничился лишь частью человечества. Кроме того, то, что получилось в реальности, лишь отчасти было запланировано заранее. Но в более значительной части явления реального коммунизма возникли в силу объективных социальных законов неожиданно для авторов изначального проекта и ему вопреки. Так что советский опыт может служить примером попытки планируемой и управляемой истории. Качественный скачок возник лишь к концу XX столетия, когда произошла интеграция западного мира, советский коммунистический блок потерпел поражение в «холодной войне», и образовалось глобальное сверхобщество, мобилизовавшее всю мощь Запада на завоевание мирового господства и объединение всего человечества в единое целое по принципам западнизма и под эгидой Запада.

В наше время проектируется вся мировая история, история всего человечества, а не отдельные ее фрагменты. Проектируется она не на короткое время, а на десятилетия, даже на вечность, навсегда. Подчеркиваю: раз и навсегда! И это — не маниакальные, а вполне реалистичные замыслы. Проектируется эта история глобальным сверхобществом, опирающимся на колоссальную мощь западного мира. Стратегическая сущность этого проекта — установка на мировое господство.

Август 1998 г.

СОВЕТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В период между избранием Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году и расстрелом Белого дома по приказу Ельцина в октябре

1993 года произошла совокупность событий, в результате которых был разгромлен коммунистический социальный строй, сложившийся в Советском Союзе благодаря Великой Октябрьской революции 1917 года. Поэтому я считаю себя вправе называть эти события словами «советская контрреволюция».

В западной идеологии и пропаганде советская контрреволюция изображается обычно так, будто советский социальный строй (коммунизм) рухнул в силу своей внутренней несостоятельности, будто он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа от коммунизма и перехода к капитализму. В России эта концепция принята как нечто само собой разумеющееся. И это не просто по недомыслию (хотя и недомыслие тут имеет место). Разгром советского коммунизма еще не завершился полностью. У западных организаторов и российских исполнителей советской контрреволюции еще нет стопроцентной уверенности в том, что с коммунизмом в России покончено навсегда. Сокрытие истины относительно сущности советской контрреволюции еще остается важнейшей задачей ее идеологов и апологетов. А советским (и затем российским) исполнителям контрреволюции к тому же хочется выглядеть благородными освободителями советских людей и прочего человечества от гнета и ужасов некоего коммунистического зла, а не послушными марионетками западных хозяев и не добровольными предателями великих исторических завоеваний, достигнутых их соотечественниками и предшественниками ценой колоссальных усилий и жертв.

Детальное научное исследование советской контрреволюции есть задача для ученых будущего, когда остынут страсти и кому-то будет позволено приоткрыть завесу идеологической лжи, скрывающую социальную сущность этого исторического явления.

Я здесь ограничусь лишь некоторыми соображениями относительно того направления, по какому должна (с моей точки зрения) двигаться стремящаяся к истине мысль.

Советская контрреволюция была порождена комплексом факторов как внешнего, так и внутреннего, как объективного, так и субъективного характера. Чтобы установить, какие именно факторы и какую именно роль сыграли в ней, необходимо прежде всего четко выделить ее из потока конкретно-исторических событий, установить ее временные и событийные границы. Надо установить образующие ее конкретные действия людей и установить, что именно связало эти действия в единое целое, в одно сложное совместное действие множества различных людей. Общим для всех этих действий было то, что они так или иначе разрушали социальный строй страны, разрушали реальный советский коммунизм. И именно эта их антикоммунистическая направленность объединяла их в огромное единое историческое действие, имевшее результатом разгром советского коммунизма.

Но чтобы выполнить эту задачу, необходимо точно знать, в чем именно заключалась коммунистическая социальная организация (социальный строй) советского общества. Знать научно, объективно, а не в том виде, как его изображали и изображают в идеологии и пропаганде (как в советской, так и в антисоветской).

Основу советского общества составляли организация системы власти и управления (а не экономика) и ее положение в социальной организации общества в целом. Эта система пронизывала все общество во всех жизненно важных измерениях и на всех уровнях социальной иерархии, начиная с ее вершины и кончая первичными деловыми коллективами. Можно сказать, что коммунистическое общество в Советском Союзе было государственно-организованное че-

ловеческое объединение. Более того, тут следует говорить даже не просто о государственности, а о сверхгосударственности. А основу, ядро, стержень, скелет и голову этой сверхгосударственности образовал социальный феномен, который называли словом «партия», но который на самом деле не был партией в смысле привычных политических партий Запада. Он лишь имел подобие партии, имел какие-то генетические источники в партии. Но фактически он был явлением качественно иного рода.

Если исходить из реальной, а не из воображаемой коммунистической социальной организации советского общества, если исходить из научного понимания ее, а не из идеологических ложных догм, то начало советской контрреволюции следует отнести к тому моменту советской истории, когда начали сознательно разрушать советскую систему власти и управления и еще, точнее говоря, когда начали разрушать аппарат КПСС. И началось это вскоре после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Началось по инициативе Горбачева и было поддержано высшим партийным руководством и его идеологическими холуями. Началось с вершины власти. Началось изнутри системы власти, то есть из самых глубин базиса коммунистической социальной организации. А завершение советской контрреволюции произошло уже при Ельцине, когда была ликвидирована КПСС и по приказу Ельцина были расстреляны жалкие остатки советской государственности. Советская контрреволюция хронологически и по составу образующих ее событий заключена в эти рамки. Относить ее начало в более отдаленное прошлое (а ее относят даже к временам Хрущева), а окончание — в годы после расстрела Белого дома, значит, растворять ее в более обширном историческом потоке и искажать тем самым ее

социальную сущность. События, предшествовавшие началу деятельности Горбачева по разрушению КПСС и так или иначе связанные с этим, сыграли роль условий и предпосылок контрреволюции, а все события, произошедшие после прихода Ельцина к высшей власти в России и расстрела Белого дома, явились неизбежными следствиями уже совершившейся контрреволюции. Здание советского общества как общества коммунистического рухнуло как следствие того, что был разрушен его социальный фундамент.

Советская контрреволюция есть явление внутренней жизни Советского Союза и затем (после распада последнего) — России. Естественно, раз она произошла, она имела на то основания в самом советском обществе. Эти основания можно разделить на объективные и субъективные. Из объективных факторов отмечу два — расслоение советского общества и назревание кризиса.

Вопреки марксистскому учению о бесклассовости коммунистического общества в реальном советском обществе с самого начала наметилось расслоение населения на социальные классы, занимающие различное положение в структуре общества и соответственно обладающие различными возможностями в распределении жизненных благ. Неравенство в этом отношении было не каким-то уклонением от неких «правильных» норм, предписанных классиками марксизма, а проявлением объективных законов социального бытия. К концу брежневского периода классовое расслоение советского общества достигло высокого уровня. Стала очевидной тенденция к снижению вертикальной динамики населения, то есть сокращались возможности перехода из одних слоев в слои более высокого уровня. Представители высших слоев редко стали опускаться в низшие слои. Они имели разнообразные привилегии сравнительно с низшими слоями

и возможности приобретать жизненные блага благодаря своему положению в обществе. Они были хозяевами общества. Ничто не угрожало их привилегированному положению. Они имели такие гарантии своего положения, каким могли завидовать привилегированные слои западных стран. Они имели блага без риска потери, без особых усилий и забот.

А между тем произошло нечто такое, что находится в явном несоответствии с социальными законами и даже со здравым смыслом. Те советские люди, которые стали активными идеологами и деятелями контрреволюции, как правило, были выходцами из высших слоев общества, принадлежали к его привилегированной части, занимали в нем высокие посты (достаточно назвать Горбачева, Яковлева, Ельцина), принадлежали к идеологической и культурной элите. Они поднялись в высшие слои за счет советской системы, в ней добились успехов, сделали карьеру. Согласно социальным законам они по своему положению в обществе должны были быть опорой этого общества, его апологетами и защитниками. А они ринулись разрушать его, превзойдя на этом пути диссидентов, критиков режима, самых отъявленных антикоммунистов Запада. Они начали с остервенением рубить сук, на котором сидели. Почему?! Никаких объективных факторов в социальной организации советского общества не было. Очевидно, вступили в силу факторы, действовавшие извне советского общества, причем действовавшие как факторы, породившие в нем определенное идейное, моральное и психологическое состояние населения, то есть как факторы субъективные.

Не следует забывать о том, что сразу после окончания Второй мировой войны началась «холодная война» западного мира, возглавляемого США, против советского блока, возглавляемого Советским Союзом. Теперь общеизвестно, что основным оружием

в ней были средства воздействия на идейное, моральное и психическое состояние советских людей. И надо признать, что это воздействие было весьма эффективным. Особенно сильным оно было в отношении самой социально активной части высших и средних слоев советского общества, включая правящую и идеологическую элиту.

«Холодная война» длилась сорок лет до начала советской контрреволюции — срок более чем достаточный для того, чтобы эта часть советского населения, которой предстояло стать основной силой и опорой контрреволюции, подвергалась моральному и идейному разложению. Она стала прозападно настроенной и возжаждала иметь для себя западные жизненные блага, сохраняя то, что уже имела. Этот фактор послужил одним из важнейших условий успеха контрреволюции. Но сам по себе он не порождал никаких намерений и планов осуществить контрреволюцию на деле. Для этого не было других условий. Чтобы это условие вступило в силу, контрреволюция должна была быть развязанной каким-то образом, причем безопасным для этой категории граждан. Каким — **об этом еще не знал никто вплоть до того момента, когда контрреволюция уже достигла стадии очевидности**, когда было дано разрешение на нее с вершины власти. И даже более того, последовал призыв к ней и поданы примеры не только ненаказуемого антикоммунистического поведения, но даже поощряемого.

К концу 60-х годов в Советском Союзе сложилась ситуация в экономике, получившая название «застоя». В сравнении с процветавшей в те годы экономикой западных стран этот фактор вносил свой вклад в умонастроения советских людей, подогреваемые западной пропагандой. Советские люди, разу-

верившиеся в скором приходе коммунистического изобилия («по потребности»), стали видеть земной коммунистический рай на Западе. Этот фактор стал одним из условий успеха будущей (для тех лет) контрреволюции.

Коммунистическое общество считалось бескризисным не только лидерами и идеологами коммунистических стран, но и лидерами и идеологами стран западных, то есть и антикоммунистами, и антисоветчиками. И это убеждение было бы верным, если бы никаких других кризисов, кроме кризисов капиталистических, в природе не происходило. Советское общество было бескризисным в том смысле, что в нем были исключены капиталистические экономические кризисы, ибо оно было обществом не капиталистическим, а иного типа. Но это не избавляло его от кризисов иного рода. Всякое общество так или иначе переживает кризисные ситуации, соответствующие его природе. В советском обществе назревал кризис, но кризис специфически коммунистический, первый в истории кризис такого рода. В силу того, что отсутствовало и даже фактически было запрещено научное понимание советского общества, согласно которому складывавшееся положение можно было бы оценить как предкризисное, приближение кризиса просто проглядели, не заметили и не захотели замечать.

Это положение стали рассматривать как показатель несостоятельности коммунистической экономики. Процветание же экономики на Западе стали приписывать исключительно капитализму. Причем такое понимание возникло вовсе не спонтанно, а было навязано извне советского общества западной идеологией и пропагандой. Последняя имела в Советском Союзе колоссальный успех, поскольку начисто отсутствовало научное понимание не только своего, советского социального строя, включая эко-

номику, но и западного социального строя (западнизма, по моей терминологии), а также поскольку к этому времени западнистская система ценностей почти полностью вытеснила систему коммунистических ценностей в массах советского населения, в особенности и в первую очередь в его высших и близких к высшим слоях.

Что на самом деле имело место в Советском Союзе в эти годы? Советский Союз превратился во вторую сверхдержаву планеты отнюдь не за счет экономической несостоятельности коммунизма и застоя, а, наоборот, за счет необычайно интенсивного развития. Только одни проглядели его вследствие самоослепления, а другие умышленно сфальсифицировали, изобразив как провал. В послевоенные годы население Советского Союза выросло на сто миллионов человек! Повысился жизненный уровень. Выросли потребности людей. Теперь речь шла не просто о хлебе и какой-то крыше над головой, а о комнатах, квартирах, телевизорах, холодильниках, мотоциклах, автомашинах и т. д. И страна так или иначе делала колоссально много, чтобы жить на достаточно высоком уровне.

В послевоенные годы (в особенности в «застойные»!) буквально в десятки раз увеличилось число предприятий, учреждений, организаций, произошло усложнение общества в таких масштабах и с такой скоростью, какой никогда до этого не было в истории человечества для объединения таких огромных размеров, каким был Советский Союз. Усложнились все аспекты жизни общества: образование, культура, коммуникации, международные отношения и т. д. Естественно, назрели проблемы и возникли трудности, с которыми уже нельзя было должным образом справляться прежними средствами. В стране стала назревать кризисная ситуация. Но какой именно кризис назревал? И как осознавалась эта угроза советскими лидерами и идеологами?

Сущность надвигавшегося кризиса заключалась в том, что сложившаяся и нормально функционировавшая до этого система власти и управления советского общества стала неадекватной новым условиям. И по мере прогресса общества степень неадекватности все более возрастала. Этот процесс можно было остановить, то есть предотвратить кризисный взрыв или смягчить его. Его можно было преодолеть теми средствами, какими советское общество располагало, то есть средствами коммунистическими. При этом не требовалась никакая перестройка социальной системы. Наоборот, необходимо и достаточно было усовершенствование именно коммунистической социальной организации. Необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. Он был уже слишком мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению и усложнившейся структуре общества, а также усложнившимся условиям управления. Необходимо было усилить систему планирования и ввести более строгий контроль за выполнением планов. Необходимо было повысить квалификацию работников системы власти и управления именно как работников коммунистической системы, разрабатывать экономическую теорию именно для этой системы, усилить централизацию экономики и управления ею и т. д. Короче говоря, надо было идти по пути усиления и усовершенствования всего того, что в западной идеологии и пропаганде подвергалось критике и осмеянию именно потому, что это фактически работало и могло позволить Советскому Союзу преодолеть трудности. Но советские руководители и их идеологические холуи поступили как раз наоборот. Они ринулись в перестройку, гибельность которой была очевидна заранее. Перестройка развязала кризис, который стал всеобъемлющим, охватив и сферу экономики. К чему это привело, известно. Нет надобности еще раз говорить об этом.

Почему высшее советское руководство во главе с Горбачевым поступило так? Можно ли это объяснить только глупостью, тем, что не ведали, что творили, руководствуясь добрыми намерениями? Думаю, что нет. Объяснить этот феномен, игнорируя внешние факторы, невозможно. При всех недостатках того состояния советского общества накануне контрреволюции в нем сама по себе не назрела никакая потребность в ослаблении и разрушении государственности, в разрушении экономической системы и прочих жизненно важных сфер общества. И идеи такого рода не владели умами и чувствами достаточно значительных и влиятельных слоев общества. Все это пришло и охватило страну, как внезапная эпидемия или природная катастрофа, лишь на основе свершившейся контрреволюции, как ее следствия.

Обратимся к внутреннему субъективному аспекту — к идейному и психологическому состоянию советского населения. Оно определялось условиями жизни, воспитанием, образованием, идеологией и пропагандой. Оказывал влияние и Запад (ведь шла «холодная война»!), но до определенного момента, о котором скажу ниже, влияние внутренних факторов доминировало. И каким бы ни было недовольство населения отдельными явлениями советской жизни (нет такого общества, в котором все и всегда довольны всем!), даже мысли не возникало о ликвидации советской социальной организации. Ее достоинства еще ощущались старшими поколениями на своем опыте, а молодежь не имела источников для другой идеологии, чтобы можно было говорить о внутреннем переломе. Даже диссиденты и критики советского строя не выдвигали лозунгов свержения коммунизма. И организации, способные возбудить массы на это, были немыслимы, всякие намеки на это искоренялись, и поддержки в массах не могло быть никакой.

Советская контрреволюция не может быть научно объяснена, если не принимать во внимание внешние факторы, ибо она была задумана и спланирована на Западе и навязана советским людям со стороны Запада. Ее совершили советские люди. Но их побудили на это силы Запада. Ими манипулировали силы Запада. Это была эпохального и глобального масштаба операция, лишь принявшая форму локально-советского социального переворота. Разумеется, это произошло не сразу. Не надо забывать, что сразу после Второй мировой войны началась «холодная война», которая длилась почти полвека, война нового типа, по своим масштабам и последствиям превзошедшая все прочие войны в истории человечества. В самом ее начале ставилась задача лишь ограничивать Советский Союз, сдерживать его мировые претензии, всячески дискредитировать и ослаблять. В ходе ее были испробованы самые разнообразные средства. Инициаторы ее начали эту войну нового типа, поскольку решили, что победить Советский Союз в привычной «горячей» войне невозможно. И лишь в конце ее, убедившись в том, что и идеологически-пропагандистское воздействие на советское население не имеет желаемого результата, стратеги «холодной войны» использовали подходящий случай и осуществили диверсионную операцию, принявшую форму контрреволюции. Советская контрреволюция явилась завершающей операцией Запада в «холодной войне» против Советского Союза. Именно эта сознательная и заранее запланированная операция объединила различные факторы воедино и направила их совокупное действие в одну точку.

Выше я упомянул о случае, сыгравшем переломную роль в ходе «холодной войны». Что это за случай? Имя этому случаю — Горбачев.

Горбачев не просто как конкретная личность, а как символ начала запланированной диверсионной

операции, закончившейся разгромом основы советского общества, советской государственности.

Деятели «холодной войны» с самого начала изучали советскую систему власти и управления, особенно высшее руководство, обозначаемое словом «Кремль». В составе советологии возникла особая ее отрасль — кремленология. Она самым педантичным образом изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, центральный партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти. Изучала, не брезгуя даже анализом мочи и кала высших руководителей власти. Но основное внимание в течение длительного времени (пожалуй, до конца 70-х годов) было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоев населения и создание прозападно ориентированной массы советских граждан, фактически игравших роль «пятой колонны» Запада и занимавшихся (вольно или невольно) идейно-моральным разложением советского населения (не говоря уже о прочих функциях). Так было создано диссидентское движение. Одним словом, основная работа велась по линии разрушения советского общества «снизу». Тут были достигнуты серьезные успехи, ставшие одним из факторов будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху.

К концу 70-х годов западные деятели «холодной войны» поняли это. И поняли, что основу советского коммунизма образует его система власти, а в ней — партийный аппарат. Изучив досконально структуру партийного аппарата, характер отношений сотрудников в нем, их психологию и квалификацию, способ отбора и прочие его черты, деятели «холодной войны» пришли к выводу, что разрушить советское общество

можно только «сверху», разрушив его государственность, а для разрушения последней необходимо и достаточно разрушить партийный аппарат, начав это разрушение с самого высшего уровня. Такая возможность представилась, когда начался кризис высшего уровня власти в связи с запредельным постарением (можно сказать, одряхлением) Политбюро ЦК КПСС (последние годы Брежнева, годы Андропова и Черненко). В это время командование западных сил «холодной войны» выработало совершенно определенный план завершения войны: захватить высшую власть Советского Союза в свои руки, проведя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС «своего» человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования, которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества. Такой план стал реальным лишь постольку, поскольку такой «свой» человек на эту роль уже имелся: Горбачев. Проведение Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было фактически первой операцией в составе грандиозной операции по осуществлению советской контрреволюции. Горбачев вполне оправдал расчеты своих западных манипуляторов. И даже превзошел их.

Если припомнить, что конкретно делал Горбачев, то без особых усилий станет очевидно, что вся его деятельность была планомерным и преднамеренным разрушением партийного аппарата КПСС. В те годы шутили по этому поводу: в Советском Союзе осуществляется разгром КПСС под руководством... КПСС. И это было на самом деле так. Но это было не шуточное развлечение, а великая историческая трагедия. Эту деятельность высшего руководства КПСС по разрушению основы советского общества советские люди завершили уже под руководством Ельцина, который просто запретил КПСС. А глава партии Горбачев покорно подписал бумагу о самоликвида-

ции ЦК партии, хотя по всем законам поведения обязан был призвать партию к сопротивлению. После этого процесс разрушения всей системы советской государственности пошел с поразительной быстротой. И молниеносно рухнуло все общество: первичные коллективы, экономика, идеология, культура и т. д. Такое никак не могло случиться неким естественным путем. Такое стало возможно лишь постольку, поскольку разгром советской государственности был осуществлен самими ее руководителями под диктовку западных манипуляторов.

У советского коммунизма не оказалось серьезных защитников. Он был разрушен почти без всякого сопротивления со стороны широких слоев населения, членов партии (а их было около 20 миллионов!) и партийных функционеров. Имели место два открытых выступления — так называемый «путч» в августе 1991 года и бунт депутатов Верховного Совета в октябре 1993 года. Но и они имели место не как попытки защитить коммунизм, а совсем иное оформление. Большинство вождей и участников бунта 1993 года были люди, участвовавшие в разгроме КПСС и в ликвидации «путча» 1991 года, а «путчисты» были сами участниками горбачевского переворота в партии и системе власти в целом. Некоторые западные авторы называли советскую контрреволюцию бархатной. В западной и российской прозападной пропаганде «объясняли» (и до сих пор «объясняют») этот феномен отсутствия у советского коммунизма массовых и серьезных защитников некоей ненавистью советских людей к коммунизму, якобы страдавших под игом этого чудовищного тоталитаризма, стремлением к освобождению от этого гнета и т. п. Это «объяснение» не имеет ничего общего с реальностью. Чтобы дать научное объяснение этого феномена, необходимо научное понимание сущности коммунистической организации советского общества и характера самой контрреволю-

ции как военной (в смысле «холодной войны») операции.

Если даже допустить, что Горбачев был ранее как-то вовлечен в деятельность западных секретных служб, занимавшихся подрывной деятельностью в Советском Союзе, и что какие-то лица из советского руководства и идеологической элиты были агентурой этих служб, советское политическое и идеологическое руководство просто не отдавало себе отчета в том, на какой путь оно направляло страну и к каким последствиям должна была привести их деятельность. Многие были уверены в незыблемости социального строя страны. Даже сам Горбачев сначала публично заявлял лишь об усовершенствовании этого строя (о «социализме с человеческим лицом»). Многие активные участники процесса сделали карьеру вместе с горбачевским руководством и благодаря участию в его политическом курсе. Они воспринимали горбачевскую перестройку просто как условие своего личного успеха, наплевав на всякую гражданскую ответственность за это, — по самим условиям образования, воспитания, отбора в систему власти и функционирования в ней, они поступали как обычные карьеристы. Прочая масса чиновников всех сортов осуществляла разрушение коммунизма как исполнение своих рутинных функций, внося в свою работу коррективы в духе новых установок. Контрреволюция не сразу обнаружила свою социальную натуру. Каждое мероприятие по отдельности не выглядело как контрреволюция, а их связь не обнаруживала себя очевидным образом. Контрреволюция сначала происходила как совокупность сравнительно мелких преобразований внутри партийного аппарата, причем на высшем уровне. Если при этом и имела место какая-то борьба, она не выходила за рамки партийного аппарата. Мероприятия, в совокупности осуществлявшие контрреволюцию, посте-

пенно сверху спускались в партийный аппарат низших инстанций и постепенно охватывали всю систему власти.

Инициаторы и активные деятели контрреволюции не сразу открыто заявили о своих намерениях. Сначала они еще клялись в верности коммунизму, обещая лишь улучшения. Потом заговорили о перестройке социально-политической системы, наконец — о решительном отказе от коммунизма. Добавим к этому фактор западного идеологического давления. Что касается масс населения, они по своему положению в обществе воспринимали действия своей власти как новый курс, не ведущий к краху общества. Когда процесс до этого дошел и массы стали что-то осознавать, контрреволюция уже совершилась. Они ее просто проглядели.

И опять-таки не надо забывать о том, что почти полвека шла мощнейшая антикоммунистическая пропаганда со стороны Запада, подхваченная и усиленная внутренними силами контрреволюции. В течение многих лет осуществлялось идеологическое оглупление советского населения и преднамеренное моральное разложение всех слоев общества путем навязывания западной системы ценностей, органически чуждой советскому обществу как обществу коммунистическому. Широкие слои населения были деморализованы, впали в состояние идейной и психологической растерянности и стали в высшей степени подверженными современным средствам манипулирования ими.

О том, что советская контрреволюция была спланирована на Западе и осуществлена силами самих советских правителей и их идеологических слуг как диверсионная операция «холодной войны», свидетельствует и то, какой социальный строй установил-

ся в стране вследствие ее. Если даже допустить, будто коммунистический социальный строй в Советском Союзе рухнул в силу своей внутренней несостоятельности (что, повторяю, есть идеологическая ложь!), из этого никак не следует, что в результате его краха на его место должен был прийти социальный строй западного образца. Последний стал навязываться советскому населению «сверху» и искусственно, причем вопреки интересам народа и с очевидными катастрофическими последствиями для страны. Фактически это было навязывание разгромленной в войне стране порядков, желаемых для победителей. Аналогично поступал Советский Союз в оккупированных после победы над Германией в 1945 году районах Европы. Только тогда это было очевидно, поскольку война была «горячей» и советское военное присутствие в этих районах не вызывало никаких сомнений. Теперь же особенности «холодной войны» породили и особенности использования победителями результатов победы в побежденных странах.

Советская контрреволюция завершилась успешно, определив судьбу России и русского народа на много поколений вперед. Теперь о ней стараются не вспоминать, как о чем-то давно минувшем и утратившем актуальность. Повседневная суета сует посткоммунистической (постконтрреволюционной) России овладела умами и чувствами россиян. Много говорится и пишется о спасении и возрождении России. Но при этом почти полностью игнорируется или фальсифицируется главная причина того, почему и как Россия оказалась в положении, в котором встала проблема ее спасения и возрождения. А без объективно беспощадного понимания сущности советской контрреволюции ни о каком спасении и возрождении России и речи быть не может.

Сентябрь 1998 г.

ФАКТОР ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Одним из важнейших факторов, обусловивших крах советского (русского) коммунизма, был фактор предательства. Пожалуй, впервые в истории человечества этот фактор не только заранее принимался во внимание теми, кто руководил разрушением русского коммунизма, но заранее планировался и создавался в огромных масштабах как фактор эволюционного процесса. Так что он заслуживает внимания как одна из характеристик проектируемой и управляемой истории.

Понятие предательства

Что такое предательство — это вроде бы очевидно. Но именно «вроде бы». И лишь в простейших и привычных случаях. Стал человек шпионом другой страны — предатель. Перешел на сторону врагов в войне — предатель. Но даже в таких случаях критерии оценки либо неопределенны, либо зачастую нарушаются. Например, предателя генерала Власова превращают в героя, в идейного борца против сталинизма. А явные представители «пятой колонны» Запада в Советском Союзе и в России безнаказанно живут на русской земле и даже процветают, — входят в высшие слои российского общества и в его высшую власть. И уж никакой очевидности нет, когда речь заходит о группах людей, о больших человеческих объединениях и целых народах, а также когда имеет место поведение людей, состоящее из большого числа поступков в сложных и изменчивых условиях. К тому же характер поступков людей и критерии их оценки меняются со временем. Человечество в отношении эволюции предательства прошло путь от немногих примитивных и очевидных форм индиви-

дуального предательства до массовых, изощренных и скрытых форм. И все это нужно принимать во внимание при определении научного понятия этого явления.

Надо различать морально-юридический и социологический подходы к проблеме предательства. Первый достаточен в отношении индивидуальных поступков людей в простых ситуациях. Второй необходим для научного понимания поведения больших множеств, масс и объединений людей в сложных исторических процессах. Именно такой случай имел место в годы подготовки, осуществления и закрепления результатов контрреволюционного переворота в Советском Союзе.

Простейший случай предательства есть отношение между двумя людьми. В этом отношении судьба одного человека существенным образом зависит от другого. Первый доверяет второму, уверен в том, что второй выполнит свои обязательства по отношению к нему. Второй имеет определенные обязательства по отношению к первому, осознает эти обязательства, знает, что первый доверяет ему, надеется на него в этом их отношении. Это отношение может быть закреплено словом, обещанием, клятвой, традицией, привычкой, общественным мнением, правилами морали, юридическими законами. Если второй человек не выполняет своих обязанностей в этом их отношении, то это называется словом «предательство»: второй предает первого.

Более сложные случае предательства — когда партнерами являются либо один человек и группа людей, либо группы людей с обеих сторон, либо объединения многих людей, большие массы людей, целые народы и страны. Например, это отношение между правительством и подвластным населением страны, между лидерами партии и прочими членами партии, между партией и представляемым ею классом и т. д. Вырож-

денный случай — когда человек, группа людей или вообще человеческое объединение предает самого себя. Но и в этом случае происходит удвоение — человек или объединение людей фигурирует в разных аспектах или берется в разное время. Например, человек может предать свои жизненные принципы ради каких-то других целей или невольно совершить поступки, которые играют предательскую роль по отношению к нему самому (в другое время или в другом отношении). Аналогично возможно самопредательство человеческих объединений.

В другом аспекте усложнение ситуации предательства происходит за счет того, что принимается во внимание третий компонент — враг (человек, группа, большое объединение), в пользу которого совершается предательство, который провоцирует предательство, способствует ему, использует его. Классический образец — две враждующие страны, граждане одной из них предают свою страну в пользу враждебной.

В третьем аспекте усложнение идет за счет усложнения участников отношения предательства, увеличения числа действий, образующих в совокупности предательское поведение, разнообразие этих действий, растянутость во времени и т. д. Образец этого — руководство одной страны проводит предательскую в отношении своей страны политику в пользу другой страны, враждебной ей. Среди действий этого предательского руководства могут быть такие, которые по отдельности не являются предательскими, но совокупность которых образует предательство.

Кто несет ответственность за предательство? В простейших случаях индивидуальных предательств это очевидно: сам человек, совершивший предательство. Тут применение моральных и юридических критериев трудностей не представляет. Ну а если участники некоторой ситуации — большие человеческие объединения? Например, целая армия капитулирует, как это

случалось в войне 1941—1945 годов. Если командование приказывает сложить оружие и солдаты это приказание выполняют, кто они — предатели или нет? А как оценить поведение командования, которое решает, что борьба бесполезна? Возникают ситуации, когда люди оказываются не в состоянии сдержать клятву. Тут возникают трудности с оценкой поведения людей. А в случае с целой страной и ее руководством положение неизмеримо усложняется. Тут каких-то всеобщих критериев оценки поведения нет. Моральные и юридические нормы тут фактически теряют смысл. Во всяком случае, общепризнанный и узаконенный кодекс норм для таких случаев отсутствует. Действуют общественное мнение, политические соображения, традиции.

Бывает предательство осознанное и неосознанное, преднамеренное и непреднамеренное. Во всяком сложном и значительном предательстве, в котором участвуют многие люди и которое состоит из многих поступков в растянутом временном интервале, можно заметить как осознанность и преднамеренность, так и неосознанность и непроизвольность, причем в различной степени и в различных комбинациях. Это затрудняет оценку явления в целом, в особенности если отсутствуют достаточно строгие критерии на этот счет и желание понять явление объективно. Большинство предательств относится к явлениям такого рода. Они чаще всего не оцениваются как предательство, не наказываются или наказываются слабо, не мучают совесть предателей. И дело тут не в некоем падении нравственности (хотя и это имеет место), а в возникновении жизненных ситуаций, к которым не применимы нормы морали и юридические нормы.

Для оценки поведения людей как предательства нужны какие-то люди, стоящие над ними или независимые от них в определенном отношении. Для на-

казания одних людей за предательства нужны другие, имеющие силу и оправдание осуществить это. Если таковых судей и карателей нет, предательство остается неразоблаченным публично и ненаказанным. Предательство высших и сильнейших людей зачастую не оценивается и не наказывается как таковое.

Величайшее предательство в истории

Предательство есть широко распространенное явление как в личной жизни людей, так и в исторических процессах. Оно является постоянно действующим фактором человеческого бытия. Прогресс человечества противоречив. В той сфере, к какой относится предательство, он оказался явно не в пользу преданности, верности и надежности. И вершиной прогресса человечества в этом отношении стало то предательство, которое произошло в Советском Союзе и в России с приходом к высшей власти Горбачева и завершилось контрреволюцией 1991—1993 годов, олицетворяемой Ельциным.

Напоминаю, что я употребляю слово «предательство» в социологическом смысле, как научное понятие. Спрашивается, почему бы тут не употребить другое слово, поскольку слово «предательство» несет на себе нагрузку морально-юридического смысла? Я настаиваю, однако, именно на этом слове, поскольку научное понятие в данном случае является экспликацией (проявлением и уточнением) интуитивного словоупотребления. Оно содержит в основе своей морально-юридическую смысловую нагрузку. Достаточно припомнить поведение высшего партийного и государственного руководства страной, возглавлявшегося Горбачевым и Ельциным, работников партийного аппарата и миллионов членов партии, дававших клятвы верности партии,

стране, идеалам коммунизма и т. п., но нарушивших эти клятвы и разрушивших советский социальный строй, советскую систему власти, партию, идеалы коммунизма и т. п. по указке и под аплодисменты врагов. И никакими словесными ухищрениями не оправдаешь это предательское поведение, причем предательское как в моральном, так в значительной части и в юридическом смысле.

Предательство, о котором идет речь, является чрезвычайно сложным сплетением огромного числа разнообразных поступков огромного числа людей. Причем оно вплетено в сложный исторический процесс жизни страны, составляющей часть жизни человечества. Оно имеет сложную структуру во многих измерениях. В частности, оно имеет «вертикальную», иерархическую структуру: горбачевская клика предает прочую часть высшего партийного руководства, последнее предает весь партийный аппарат, партийный аппарат предает всю систему власти и партию, все они предают подвластное население, Советский Союз предает союзников по советскому блоку, советский блок предает ту часть человечества, которая рассчитывала на его поддержку. Аналогично в других измерениях имеет место сложная структура. Очевидно, распространять на эту социальную эпидемию интуитивное словоупотребление нельзя. Требуются специальные познавательные средства, чтобы мысленно выделить это грандиозное социальное явление и осуществить его анализ. Для этого нужно осуществить профессиональное социологическое исследование. То, что я предлагаю здесь, есть лишь первый, ориентировочный шаг в этом направлении.

Рассматриваемое предательство никак не следовало из социальных законов советского строя (реального коммунизма), не было закономерным и неизбежным. Его могло и не быть. Оно явилось результатом уникального стечения исторических обстоятельств.

Но оно не было случайным в том смысле, что было подготовлено всем ходом советской истории и намерением хозяев западного мира склонить определенную часть советского народа на предательство; это намерение нашло тут благоприятную почву.

Ниже мы рассмотрим некоторые (далеко не все) компоненты и вехи процесса подготовки этого рокового предательства в советский период русской истории.

Сталинский период

Начнем с оргии доносов, начавшейся в 30-е годы. Донос сам по себе не есть предательство. Но он в определенных условиях становится школой и формой (средством) предательства. Донос есть явление общечеловеческое, а не специфически советское и коммунистическое. Он процветал и в дореволюционной России, и в наполеоновской Франции, и в гитлеровской Германии. На Западе он возник как социальное явление вместе с христианством (вспомните Иуду!). В многовековой истории христианства он сыграл роль не менее значительную, чем в кратковременной истории русского коммунизма (вспомните инквизицию и использование исповеди!). В советской истории доносы сыграли роль огромную, а 30-е и 40-е годы были годами буйства доносов. Они стали одним из важных средств управления страной.

Отношение к доносам было двойственным. С одной стороны, они считались явлением аморальным. Поскольку они касались близких людей (родственников, друзей, коллег, соратников), они расценивались как предательство. С другой стороны, они насаждались искусственно сверху в массовых масштабах и поощрялись. Доносчикам внушали, что они выполнили священный долг перед страной, народом, партией,

идеалами коммунизма. И хотели этого власти или нет, система массового доносительства стала организованной государством школой предательства для миллионов людей. Предательство было изъято из сферы моральных и юридических норм.

Хочу обратить внимание читателя на то, что главными в рассматриваемой оргии доносов были не тайные штатные осведомители органов государственной безопасности (их было не так уж много), а добровольные энтузиасты, сочинявшие бесчисленные доносы в органы власти и в учреждения средств массовой информации, а также открытые доносы в виде выступлений на всякого рода собраниях и в виде публикаций (книги, статьи), — публичные доносы.

Вся страна превратилась в арену доносительства. При этом предательство в отношении друзей, родственников, сослуживцев, коллег стало обычным элементом доносов.

Доносительство, о котором говорилось выше, было массовым явлением, но осуществлялось каждым человеком индивидуально. Эта эпидемия индивидуальных предательств происходила одновременно с предательствами коллективными.

Жизнь советских людей была насыщена всякого рода собраниями. А это — критика и самокритика, разоблачение и осуждение недостатков и их виновников, принятие решений, осуждающих членов коллективов, и т. д. Что творилось в этом отношении в органах власти и управления, в творческих организациях, в учебных заведениях и т. п., сейчас трудно себе вообразить. Коллективные погромы коллег снимали ответственность с каждого члена коллектива по отдельности. Верность слову и дружбе, честь, надежность и прочие качества порядочного человека стали явлениями исключительными, невыгодными и даже опасными для человека. В случае коллективного предательства члены коллектива по отдельности

не выглядели и не ощущали себя предателями. Ответственность ложилась на тех, кто возглавлял коллектив. А с них она снималась тем, что они выполняли распоряжение свыше.

В свете того, что произошло в России после 1985 года, надо, на мой взгляд, пересмотреть оценку сталинских репрессий 30-х годов. Конечно, в них были перегибы, пострадали многие невиновные, на этом грели руки всякие негодяи. Но они имели основания в самой реальности. Строительство нового социального строя проходило в борьбе различных сил. Эта борьба порождала раскол людей на враждебные лагеря. Противники сталинской политики самой логикой борьбы выталкивались в лагерь врагов, становились на путь предательства.

Но сталинские репрессии, пресекая деятельность актуальных и потенциальных предателей, создавали предпосылки для будущих предателей. И вообще, вся деятельность советской власти по созданию и укреплению нового социального строя одновременно ковала будущих предателей этого строя. Причем в большом количестве. Не забывайте, что высшие советские предатели (Горбачев, Яковлев, Ельцин и многие другие) прошли начальную школу предательства в комсомоле и в партии сталинского периода.

В начале войны 1941—1945 годов в плен сдавались боеспособные воинские части и даже целые армии. В чем дело? Антисоветчики и антикоммунисты «объясняли» это ненавистью к советскому социальному строю (к коммунизму).

Конечно, отчасти это имело место, но лишь для ничтожной части людей. Я пытался объяснить это тем, что солдаты в массе своей не имели возможности для индивидуальной борьбы с врагами. И отчасти это было верно. Но лишь отчасти. Я сам был свидетелем случаев, когда можно было сражаться с немцами, а целые части добровольно сдавались и без

приказов высшего начальства складывали оружие. Так что введение Сталиным особых заградительных отрядов в тылу у ненадежных частей было абсолютно правильной защитной мерой. И советские солдаты стали мужественно и самоотверженно сражаться, будучи поставлены в условия, когда отказ от сражения стал угрожать им гибелью.

Так в чем же дело? Думаю, что сыграло роль качество человеческого материала. Различные народы имеют разную склонность к предательству. У нас, у русских, эта склонность довольно сильная. Русское холуйство, угодничество, покорность перед силой, хамелеонство и т. д. естественно переходило в соответствующих условиях в предательство.

А героизм?! А Матросов, панфиловцы, оборона Бреста?!. Одно другое не исключает. На одного Матросова приходились тысячи трусов, шкурников, паразитов. Мы победили в войне. Но главным фактором победы, на мой взгляд, был советский социальный строй и сталинское руководство. Благодаря им тот же самый человеческий материал стал важнейшим фактором победы. Сталинское руководство осталось верным стране и идеалам коммунизма. Оно объявило самую беспощадную войну всяким явлениям предательства. Как вы думаете, что случилось бы, если бы сталинское руководство дрогнуло и встало на путь предательства? Очевидно, мы были бы разгромлены уже в 1941 году.

Этот пример красноречиво говорит о том, что для научного объяснения таких грандиозных социальных явлений, как рассматриваемое предательство, необходимо принимать во внимание совокупность факторов в их взаимодействии, а не эти факторы сами по себе и с какой-то одной точки зрения. Склонность советских людей к предательству была замечена организаторами «холодной войны» в самом ее начале (1946 год). Но они же тогда

решили (что было верно!), что русских нельзя победить в «горячей» войне. И ставку на предательство как на важнейший фактор «холодной войны» они сделали, когда для этого сложились подходящие условия, думаю — в начале 80-х годов.

Хрущевизм

Сталинская эпоха завершилась хрущевской десталинизацией. Коснусь лишь одного ее аспекта в связи с нашей темой, на который почти никто не обратил внимания: миллионы сталинистов во главе с самим Хрущевым (а он был сталинским холуем!) молниеносно предали своего вождя Сталина и превратились в активных антисталинистов. Я не помню ни одного случая в те годы, чтобы кто-то публично выразил преданность Сталину и сталинизму. Вся десталинизация в целом прошла как массовое предательство, инициатива которого исходила с высот власти и в которое было вовлечено почти все активное советское население. Она явилась своего рода репетицией к тому роковому всеобщему предательству, которое через тридцать лет будет совершено по инициативе горбачевского и затем ельцинского руководства.

Хрущевское предательство затронуло лишь некоторые аспекты советского общества, оставив без изменения его социальный строй. И потому оно не стало роковым. К тому же зарвавшегося Хрущева остановили и отстранили от власти. Но его деятельность обнаружила уязвимость идейно-морального состояния советского общества и разрушительную мощь советской системы власти, когда ею распоряжаются дураки и авантюристы. Эпидемия предательства по отношению к сталинизму разразилась по команде с вершины власти и молниеносно стала массовой, всеобъемлющей. Массы населения проявили особую покорность вла-

сти, когда власть ослабляла требования к массам, необходимые для сохранения их социальной организации, то есть на пути снижения напряженности исторической битвы за коммунизм. И все это было замечено западными организаторами «холодной войны» и принято в расчет.

Брежневские годы

В брежневские годы порожденная Хрущевым эпидемия предательства была приостановлена и заглушена. Но вирусы этой болезни не были убиты совсем. Они стали быстро размножаться и заражать советский социальный организм по множеству других каналов. Главные из этих каналов — либеральная интеллигентская фронда, диссидентское движение, «самиздат», «тамиздат», эмигрантская волна.

Надо всегда помнить о том, что у нашей страны был могучий враг — западный мир, что шла «холодная война». Наши внутренние предатели формировались этим врагом, поддерживались им, подкупались им. Они ориентировались на этого врага. Не будь его или будь он слабее и менее активным, такой эпидемии предательства не было бы. Ее сумели бы предотвратить.

Западные службы, занятые в «холодной войне», сознательно рассчитывали на предательство. В них работали квалифицированные и осведомленные люди. Они знали о предательствах сталинских лет. Они знали о капитуляции миллионов советских солдат в начале войны 1941—1945 годов. Они знали о десталинизации именно с точки зрения массового предательства. Западные службы прямо ставили своей задачей создание в Советском Союзе «пятой колонны». У них была разработана технология этой работы.

Одним из приемов их работы, например, было выделение особых личностей, особенно в сфере науки, культуры, идеологии. Эти личности противопоставлялись прочей массе их коллег и сослуживцев. Их превозносили в средствах массовой информации на Западе, а прочих унижали, превращали в объект издевательств. Их печатали на Западе, устраивали их выставки, приглашали к себе, платили большие деньги. В силу логики внутренних взаимоотношений первые превращались в вольных или невольных предателей, заражая прочих завистью и духом предательства. Я думаю, что жажда отнять у диссидентов и критиков режима мировую славу, зависть к ним сыграла важную роль в превращении Горбачева в эпохального предателя. Диссиденты получали паблисити на Западе и в пропаганде на Советский Союз, кампании в их защиту, материальные средства. Имело место даже политическое и экономическое давление на советские власти. Для эмигрантов заранее готовились места работы, давались хорошие подачки. Раздувался и национализм. Создавались особые националистические центры и организации. Одним словом, шла многолетняя терпеливая работа по заражению советского общества вирусами антисоветизма и антикоммунизма, по созданию массовой готовности советского населения на предательство эпохального масштаба.

Апогей предательства

Вся эволюция предательства, о которой мы говорили, сконцентрировалась в горбачевско-ельцинском предательстве. Новым здесь было то, что предательство осуществилось как компонент диверсионной операции Запада, завершившей «холодную войну». Горбачев как глава партии и государства снял запрет

на предательство, и подготовленная лавина предательства сокрушила страну.

На ком лежит ответственность за это? Очевидным образом — на высшей власти страны во главе с Горбачевым.

Каковы критерии такой оценки? Чтобы оценить поведение высшей советской власти как предательское или отвергнуть такую оценку, надо, во-первых, исходить из долга власти по отношению к подвластному населению. Этот долг состоит в том, чтобы сохранять и укреплять сложившийся строй, охранять территориальную целостность страны, укреплять и защищать суверенитет страны во всех аспектах ее социальной организации (власти, права, экономики, идеологии, культуры), обеспечивать личную безопасность граждан, охранять систему воспитания и образования, социальные и гражданские права, короче говоря, — все то, что было достигнуто за советские годы и что стало привычным образом жизни населения. Власть знала об этом. Население было уверено в том, что власть будет выполнять свой долг, и доверяло власти. Выполнила власть этот долг или нет? Если нет — почему? Во-вторых, надо выяснить, действовала советская власть самостоятельно или манипулировалась извне, планировалось ее поведение кем-то вне страны или нет, действовала власть в интересах этой внешней силы или нет?

Реальность советской истории после 1985 года такова, что оценка поведения советской власти как предательства по отношению к подвластному населению не вызывает никакого сомнения у объективного наблюдателя. Тут мы имеем классически явный образец предательского поведения. Эта оценка не была высказана какими-то авторитетными силами потому, что таких сил просто не было и нет. Внешние силы, манипулировавшие советской властью, умышленно поощряли предательство, изображая его

в пропаганде в ложной форме добра, а внутри страны не оказалось сил, способных дать оценку власти как предательства и действовать по отношению к власти так, как положено поступать с предателями.

Предательство осталось незамеченным и ненаказанным, потому что инициаторы и руководители предательства вовлекли в ситуацию предательства многие миллионы советских людей, «утопив» свое личное предательство в массовом и сняв с себя тем самым ответственность за него.

Население стало либо сообщником и орудием предательства, либо осталось пассивным (равнодушным) к нему. Большинство вообще не поняло происходившего. А когда начали что-то понимать, предательство уже совершилось. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что советский народ в течение семидесяти лет нес на себе тяжелый груз исторической миссии. Он устал от него. Он воспринял контрреволюционный переворот как освобождение от этого исторического груза и поддержал переворот или, по крайней мере, не стал ему препятствовать, не задумываясь над тем, к каким последствиям приведет это освобождение. Никому в голову тогда не приходила мысль, что советский народ, сбрасывая с себя груз исторической миссии, тем самым капитулировал перед врагом без боя — совершал предательство в отношении самого себя.

Само собой разумеется, в поведении населения сыграл роль и социальный строй нашей страны. Система власти была организована так, что массы подвластного населения были полностью лишены социально-политической инициативы. Последняя была монополией власти. А в рамках самой власти она сосредоточивалась в ее верхах, лишь в ничтожной мере распределяясь по ее иерархическим ступеням. Население было приучено полностью доверять власти. А внутри власти это доверие фокусировалось на

ее верхушку. Людям в голову не приходила мысль, что верхи могут встать на путь предательства. Так что, когда процесс предательства начался, население восприняло его как мероприятие власти, и аспект предательства остался незамеченным.

Внесла свою лепту в подготовку предательства идеология. Как известно, одним из принципов советской идеологии был интернационализм. Он, с одной стороны, перерастал в космополитизм для значительной части населения, в основном образованной, зажиточной и нерусской. Попытки Сталина бороться против космополитизма потерпели неудачу. С другой стороны, интернационализм способствовал тому, что этнически русские в массе своей оказались в Советском Союзе в самом жалком положении. Национальная политика власти фактически оказалась антирусской, осуществлялась в значительной мере за счет русских. Это привело к разрушению и, по крайней мере, к занижению национального самосознания русских — к русской денационализации. А это, в свою очередь, привело к тому, что русский народ оказался равнодушным к предательству диссидентов, эмигрантов, высших руководителей, деятелей культуры (в основном нерусских) и других категорий граждан, настроенных космополитично.

Сыграло ли это предательство решающую роль в крахе советской социальной системы и страны в целом? Если понимать слово «решающая» в том смысле, что не будь этого предательства, то социальный строй Советского Союза и сам Советский Союз уцелели бы и страна избежала бы катастрофы, то, скорее всего, на поставленный вопрос можно ответить утвердительно. Вероятность такого исхода «холодной войны» усиливалась тем обстоятельством, что на последнем этапе войны западная стратегия почти на сто процентов строилась именно в расчете на это предательство. Советская (русская) контрреволюция

произошла в конкретно-исторической форме именно предательства — предательства, навязанного врагами извне, организованного правящей и идеологической элитой страны, поддержанного социально активной частью населения и без боя капитулировавшей прочей массой пассивного населения.

Горбачевско-ельцинское предательство является величайшим предательством в истории человечества по всем его основным параметрам: по составу вовлеченных в него людей, по массовости, по степени сознательности и преднамеренности, по конкретно-историческому содержанию, по социальному уровню, по последствиям для многих стран и народов, по роли в эволюции всего человечества. Так что, если у нас, у русских, украли право на роль первооткрывателей нового, коммунистического пути социальной эволюции человечества, то, казалось бы, нас должны признать чемпионами в сфере предательства. Но я боюсь, что и в этом отношении нас сбросят на уровень марионеток в глобальных операциях хозяев западного мира (глобального сверхобщества), а вождей нашего беспрецедентного эпохального предательства — Горбачева и Ельцина — впишут в историю как интеллектуальных кретинов и моральных подонков, как они того и заслуживают. Ужас нашей русской трагедии удваивается оттого, что она произошла не в героической, возвышенной и жертвенной, а в ублюдочной, трусливой, шкурнической, унизительной и подлой форме. Мы уходим с исторической арены в Небытие не в яростном сражении за жизнь и достоинство великого народа, как это положено в античной трагедии, а целуя ноги топчущего нас и руки поощряющего нас в нашем холуйстве и бросающего нам жалкие подачки бездушного врага. Наша трагедия беспрецедентна и в ее позорности.

Март 1999 г.

РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

Социальная трагедия

Слово «трагедия», как и вся прочая терминология сферы социальных объектов, является многосмысленным и плохо обработанным в качестве научного понятия. В общеразговорном языке оно употребляется обычно для обозначения событий, в которых происходит гибель людей и их объединений. Но не любую гибель такого рода называют трагедией. Если, например, в сражении в войне погибают солдаты, слово «трагедия» тут выглядит неуместным. Чтобы оценить ту или иную гибель людей как трагедию, требуется еще указать переживание ими или какими-то другими людьми этой гибели именно как трагедии. И переживание это должно быть настолько сильным, чтобы перед ним поблекли прочие переживания.

В античном словоупотреблении слово «трагедия» имело более узкий и даже несколько смещенный сравнительно с интуитивным употреблением смысл. В частности, оно предполагало предопределенность гибели тех или иных людей. Предопределяли эту гибель некие высшие силы — боги или неопределенная судьба. Они избирали жертву трагедии, заранее выносили ей смертный приговор, мотивируя его некоей виной избранной жертвы. Трагедия в этом смысле считалась предсказуемой. Предсказывали ее оракулы, пророки и боги. А порою это было ясно самим жертвам с самого начала, и они поступали как обреченные на гибель.

Я здесь буду употреблять слово «трагедия» как социологическое понятие, осуществив экспликацию (уточнение и выявление) некоторого интуитивного его употребления. Оно будет близко к античному смыслу, но не будет совпадать с ним полностью.

Такая экспликация совершенно необходима, если мы хотим понять по существу, что произошло с нашей страной и нашим народом к концу XX века и что их ожидает в наступающем веке.

Трагедия в социологическом смысле (скажем, социальная трагедия) включает в себя следующие основные компоненты: 1) жертву; 2) судью; 3) палача. Все эти компоненты суть люди как социальные существа или объединения людей, рассматриваемые как целое, — все они суть социальные субъекты. Возможно совпадение каких-то двух и даже всех трех компонентов в одном субъекте, — субъект осуждает сам себя или даже наказывает сам себя. Это — логически вырожденные случаи. Но и в них происходит удвоение и даже утроение одного субъекта — он выступает в различных ролях, так что все три компонента так или иначе присутствуют.

Судья социальной трагедии не есть причина исторических событий, являющихся компонентом данной ситуации как трагедии. Он есть именно судья. Его историческая роль состоит в том, чтобы выбрать определенный социальный субъект в качестве жертвы трагедии, оценить какие-то поступки избранной жертвы как преступные (с точки зрения судьи!), то есть установить вину жертвы, вынести приговор и найти его исполнителя, то есть палача.

Понятие вины я здесь употребляю точно так же, как социологическое, а не как моральное и юридическое (хотя оценка упомянутых поступков с моральной и юридической точки зрения не исключается). Оценка поступков социального субъекта как вины предполагает, помимо судьи, также того, в отношении кого жертва трагедии осуждается как виновная. Если при этом два или все три субъекта (виновный, судья и только что упомянутый третий субъект) совмещаются в одном, имеет место удвоение и утроение одного субъекта того же типа, как и упомянутое выше.

В социальной трагедии, повторяю, судья выносит приговор жертве. Палач приводит в исполнение приговор судьи. Судья считает свой приговор оправданным теми или иными соображениями — моральными, юридическими, гуманности, справедливости и т. п. Палач в оправдании не нуждается. Признание жертвой вины не требуется — ее не спрашивают об этом. Если жертва сама кается, она выступает лишь в роли помощника судьи и палача, — и такое случается в конкретной истории.

В трагедийной ситуации судья располагает силами, превосходящими силы жертвы. Он рассчитывает на то, что уцелеет в борьбе с жертвой, отделается ничтожными потерями, не пострадает совсем или даже выгадает. Если задуманная расправа с жертвой не удается, ситуация не становится трагедией.

Классическим примером трагедийной ситуации в рассматриваемом смысле может служить ситуация с Сербией, которую мы можем наблюдать сейчас. Жертва трагедии — Сербия и сербы как народ. Судья — хозяева западного мира, точнее говоря — глобальное сверхобщество, сложившееся как своего рода «надстройка» над национальными государствами Запада. Этот судья усмотрел вину Сербии в некоем преступлении против албанцев в Косове. Палачом в операции по наказанию Сербии являются вооруженные силы США и НАТО. Наказание было спланировано заранее. Мировое общественное мнение обрабатывалось с помощью грандиозных средств массовой дезинформации, чтобы оправдать нападение на Сербию. Агрессия в отношении Сербии имеет целью ликвидацию Сербии как суверенного общества и разрушение сербского народа в качестве суверенного человеческого объединения, лишение его именно качеств народа, то есть убийство его. Еще грандиознее трагедия России и русского народа.

Русская трагедия

Жертвой русской трагедии является Россия и русский народ как целостные социальные объединения. Подчеркиваю: именно как нечто единое целое. Гибель армии не есть гибель каждого солдата по отдельности. Гибель народа не есть гибель каждого человека, принадлежащего к народу. Народ как целое может быть разрушен даже без больших потерь в численности. Гибель страны не обязательно есть уничтожение всего того, что было на ее территории.

Говоря о русском народе, я имею в виду этнически русских и всех тех людей, которые сами идентифицируют себя как русских и разделяют судьбу русского народа. Слово «судьба» употребляется в широком смысле, как слово общеразговорного языка, и в узком смысле, как социологическое понятие. Во втором смысле оно относится не к любому событию в жизни социального субъекта, а к его жизни в целом, которая завершается определенным концом. В этом смысле мы говорим о судьбе Римской империи, династии Романовых, советского коммунизма, Советского Союза, Наполеона, Сталина, Гитлера и т. п. То, кто разделяет судьбу русского народа, переживает ее как свою.

То, что стало происходить в России начиная с 1985 года, есть растянувшаяся во времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа, проявившаяся в его деградации и вымирании. Не все люди на планете переживают эту гибель как трагедию. Для большинства людей это просто событие где-то в чужой стране, для многих это желанное и радостное явление, в особенности для тех, кто заранее планировал эту гибель и активно участвовал в осуществлении этого плана, а также для тех, кто так или иначе выгадал от краха Советского Союза и советского коммунизма и от гибели русского народа.

Лишь некоторая часть людей искренне переживает это как трагедию. К их числу принадлежат те русские люди, которые испытали на себе, наблюдали в своем окружении и осознали тот факт, что происходит именно гибель народа, к которому они принадлежат и судьбу которого переживают как личную гибель. Далеко не все русские таковы. Не исключено, что такие вообще в меньшинстве, а прочие либо рады этому, либо вообще не переживают это событие в том аспекте, в каком некоторые переживают его как трагедию.

Русская трагедия обладает чертами трагедии в античном смысле. Фактор предопределенности ее необычайно силен. О неизбежности ее предупреждали отдельные провидцы. Чувство неотвратимости гибели русского народа уже овладело многими его представителями. Утверждения, будто этого можно было избежать, логически недоказуемы, а эмпирически ложны. Они скорее служат запоздалым раскаянием, самооправданием и самоутешением. Утверждения, будто Россия и не такое видала, будто Россия была и в худшем положении, да выжила, будто Россия возродится и вновь станет великой державой, относятся к той же категории, а чаще — к ни к чему не обязывающей демагогии. Они не имеют действенной силы. Неумолимая и жестокая истина состоит в том, что ничего подобного в истории русского народа не было. Народ гибнет только один раз в своей исторической жизни, как и рождается лишь один раз.

Хотя все народы бывшего Советского Союза оказались в тяжелом положении в результате переворота, произошедшего после 1985 года, но лишь для русского народа это положение оказалось социальной трагедией. Почему именно для него? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить, кто является судьей в русской трагедии и в чем, с точки зрения этого судьи, заключается вина России и русского народа.

Судья в русской трагедии

Роль судьи в русской трагедии играют хозяева западного мира, организационно объединившиеся в глобальное сверхобщество. Я уже упомянул о нем. Поясню конкретнее, что это такое.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов «национальные государства» западного мира, но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто идиллически гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Но это — обычное явление в любых больших объединениях людей. Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует и «национальные государства» все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Процесс интеграции западных стран в единое социальное объединение происходит как «вертикальное» структурирование самих этих стран и всего западного мира в целом. Заключается это структурирование в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным

законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Из них уже сложилось своего рода общество второго уровня или сверхобщество, возвышающееся как «надстройка» над обычными обществами и фактически подчиняющее последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это сверхобщество, используя средства западных обществ («национальных государств»), фактически контролирует более 50 процентов всех мировых ресурсов (по некоторым данным — более 70 процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Так что в отношении него вполне уместно выражение «глобальное сверхобщество».

Это глобальное сверхобщество фактически правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богатеев. Это сверхобщество включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты.

Глобальное сверхобщество уже включает в себя многие десятки миллионов людей. Оно имеет сложную структуру. Эта структура еще не оформилась достаточно отчетливо и почти не изучена научно. Оно не подчиняется правителям отдельных стран Запада. Наоборот, последние так или иначе зависят от него. Оно распоряжается такими огромными ресурсами, какими не располагает все прочее человечество. Правители этого глобального сверхобщества, формирование которого началось после Второй мировой войны, и стали историческим судьей России и русского народа — присвоили себе роль судьи в русской трагедии. Поскольку они вовлекли в свою деятельность в этой роли десятки и даже сотни миллионов людей западного мира, одобривших и поддержавших их в намерении наказать русских за приписанную ими русским некую вину перед человечеством, то их тоже можно включать в объединение западных людей, которое мы называем судьей в русской трагедии.

Историческая вина русских

В чем заключается вина России и русского народа и перед кем, разумеется, вина, с точки зрения судьи русской трагедии? Она заключается в той роли, какую Россия и русский народ сыграли в истории человечества в результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, причем в этой роли, поскольку она коснулась интересов западного мира. Хотя эту роль сыграл Советский Союз и множество населявших его народов, весь мир ассоциировал ее именно с Россией и русскими, поскольку Россия была основной частью Советского Союза, а русские — основной частью советского населения. Именно благодаря им социалистическая (коммунистическая) революция оказалась успешной, а со-

циалистический (коммунистический) социальный строй продержался семьдесят лет.

Рассматриваемая историческая роль России и русского народа воспринималась и переживалась западным миром и его хозяевами во многих аспектах. Назову основные из них. Во-первых, Россия осуществила прорыв в мировом эволюционном процессе, открыв новое направление социальной эволюции, качественно отличное от западного. На этом пути Россия добилась колоссальных успехов. Она нашла решение самых фундаментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути. Она стала реальным коммунистическим конкурентом западному варианту эволюции человечества. Во-вторых, опыт коммунистической России стал заразительным образцом для многочисленных народов планеты. А в результате победы над Германией в войне 1941—1945 годов Советский Союз навязал свой социальный строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Коммунизм стал стремительно распространяться по планете. Соответственно стали сокращаться возможности Запада в отношении колонизации планеты в своих интересах. Над Западом вообще нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели. В-третьих, Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза военного разгрома Запада и победы мирового коммунизма стала выглядеть вполне реальной. Западные люди не один десяток лет жили в страхе перед Советским Союзом (перед «русскими»!). В-четвертых, в самих странах западного мира под влиянием советского («русского») коммунизма усиливалась тенденция к усвоению целого ряда черт коммунизма. Отмечу, наконец, тот факт, что Советский Союз (Россия в первую очередь) за порази-

тельно короткое (с исторической точки зрения) время развил колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал, который напугал Запад не меньше, чем потенциал военный.

Именно под угрозой крепнувшего советского (русского) коммунизма происходила консолидация западного мира и формирование глобального сверхобщества в рассмотренном выше смысле. Это происходило в ходе «холодной войны» западного мира, возглавлявшегося США, против советского блока, возглавлявшегося Советским Союзом. Западная идеология и пропаганда в течение почти полувека создавали и вбивали в головы западных людей образ Советского Союза как «империи зла», советского периода русской истории как «черного провала», советского (коммунистического) социального строя как преступного. Идея преступности коммунизма вообще (и русского коммунизма в первую очередь) и необходимости разрушения его во имя спасения западного мира и западных ценностей стала основной идеей западной идеологии и пропаганды, а также руководящей идеей всех мировых сил, организованных хозяевами западного мира (в конечном итоге — глобальным сверхсообществом) на борьбу против якобы преступного, якобы виновного во всех грехах против человечества русского коммунизма, то есть против России и русского народа как носителей этой «заразы». Были разработаны детальнейшие планы разрушения именно России и русского народа. Как судья русской трагедии, так и палач, приводивший его приговор в исполнение, фактически не отделяли социальный строй России от его носителя.

Судьба России и русского народа была спроектирована деятелями глобального сверхобщества после Второй мировой войны. В этом проекте можно различить два этапа: 1) антисоветский; 2) собственно антирусский.

Антисоветский проект

Антирусский проект был выработан не сразу. Он конкретизировался и коррегировался по мере хода «холодной войны». Сначала он включал только проблему будущего (для тех лет) Советского Союза. Решение ее осуществилось в три этапа. Первый этап — сдерживать активность и влияние Советского Союза в мире, ограничивать его глобальные претензии. Второй этап — дезинтегрировать советский блок и изолировать Советский Союз. И третий этап — дезинтегрировать Советский Союз, разрушить коммунистический социальный строй в странах, образующихся в результате его распада, и навязать им такой социальный строй, какой желателен для хозяев западного мира. Результатом реализации антисоветского проекта возник антирусский проект в собственном смысле слова.

Антирусский проект

Несмотря на распад Советского Союза, Россия еще оставалась сильной страной, во многом — преемницей Советского Союза. Цель глобального западнистского сверхобщества теперь заключалась в том, чтобы добить Россию. Прочие страны бывшего Советского Союза опасности уже не представляли. Это добивание было запланировано в три этапа. На первом из них — разрушив коммунизм, навязать России такую социальную организацию, которая исключила бы возможность возрождения России, подъем ее на уровень великих держав планеты. Осуществить дезинтеграцию России в той или иной подходящей форме. На первых порах, сохраняя Россию как единую страну, способствовать автономии этнических и административных регионов и усилению сепаратис-

тских тенденций в них, раскалывать население на различные этнические группы, слои, классы и т. д., создавать многочисленные враждебные друг другу партии и общественные организации, газеты, журналы и т. п., способствовать связям регионов со странами вне России, минуя центральную власть. Эти и другие явления суть различные аспекты атомизации России. Если появится возможность расчленения России на политическом (государственном) уровне и это окажется целесообразным с точки зрения интересов Запада, осуществлять это незамедлительно.

На втором этапе планировалось разделить проблемы России и проблемы русского народа. В чем тут дело? До сих пор речь шла о территории России, населенной каким-то населением. Теперь же речь пошла о судьбе этнически русского населения. При этом русские рассматриваются фактически как прирожденные (биологические, генетические) носители коммунистической «заразы».

В этом отношении хозяева глобального сверхобщества являются продолжателями дела Гитлера, но на более мощной основе современной науки и в замаскированной под демократию форме.

На этом этапе планируется низведение русских на уровень народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа. Планируется направить русский народ на путь деградации и вымирания вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления. Открыто высказывались планы сокращения русского населения до 50 и даже до 30 миллионов. Тэтчер даже высказала идею, что для освоения региона России в интересах Запада хватило бы и 15 миллионов. Разработан богатый арсенал средств для этого. Недоедание. Разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания. Сокращение рождаемости. Стимулирование детских за-

болеваний, алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности. Планируется «сжатие» русских в сравнительно небольшом пространстве Европейской России. Возможно даже введение закона пропорционального распределения территорий в зависимости от числа людей. Тогда на «законных» основаниях русских просто сгонят в резервации, как индейцев в Северной Америке. Идея таких планов — довести русских до такого состояния, чтобы они не смогли удерживать занимаемую ими территорию, которая стала величайшим соблазном для западного мира. Планируется также замещение русских примитивными (с точки зрения планирующих) народами, способными жить в климатически трудных условиях и имеющими заниженные жизненные претензии сравнительно с русскими, а также растворение русских в среде других народов. Планируется заселение русских городов представителями нерусских народов, противопоставление одних частей русских другим, выделение и денационализация русской элиты, колонизация русских районов представителями западных народов. Предполагается использование русских в будущей войне с Китаем, при этом предполагается пожертвовать как минимум тридцатью миллионами русских.

Исполнение приговора

Рассмотренный проект не остался лишь замыслом и желанием. Он приводился в исполнение. По мере его осуществления он усиливался — аппетит приходит во время еды. Основную его часть можно считать осуществленной: разрушен советский блок, разрушен Советский Союз, разрушен советский коммунизм, России навязан социальный строй, какой хотели хозяева западного мира, Россия направлена на

путь деградации и превращения в зону колонизации для Запада.

Кто приводил и приводит (ибо процесс гибели жертвы русской трагедии еще не завершился) в исполнение смертный приговор России и русским? Во-первых, все те люди, учреждения и организации Запада, которые так или иначе были вовлечены в «холодную войну». Во-вторых, «пятая колонна» Запада в Советском Союзе, включавшая агентов западных шпионских организаций, советских людей, ставших агентами западных секретных служб, диссидентов, националистов, эмигрантов и т. п. В-третьих, предатели из высшего партийного и государственного аппарата, морально разложившиеся представители власти и привилегированных слоев общества. В-четвертых, фрондирующая интеллигенция. В-пятых, разросшаяся и сросшаяся с властью и привилегированными слоями криминальная часть населения страны. В-шестых, массы советских людей, оболваненных западной антисоветской и антикоммунистической пропагандой и ставших оплотом и ударной силой контрреволюционного переворота. Западная армия «холодной войны» умело организовала все эти категории советских людей на разгром советского социального строя и, как следствие, распад всех основ жизни России и русского народа. Тут мы видим случай, о котором я в общей форме говорил выше, — когда сама жертва трагедии становится помощником и исполнителем воли своего палача. И исторический процесс принимает форму социального самоубийства народа, спланированного и спровоцированного внешним убийцей.

Исполнение исторического приговора в отношении России и русского народа растянулось на много лет. Решающим событием этого исторического процесса явился контрреволюционный переворот начала 90-х годов XX столетия — русская контрреволюция.

Завершение русской трагедии

Русская трагедия еще не завершилась. Успешно осуществляется второй этап антирусского проекта. Впереди предстоит третий этап, пожалуй, самый страшный: он касается присутствия русских в истории человечества. Сущность этой части проекта — постепенно искажая и занижая вклад русских в историю человечества, в конце концов исключить из памяти человечества все следы пребывания их в истории вообще, сделать так, как будто никогда такого великого народа на Земле не было. Это «вычеркивание» русских из истории уже практически делается. Причем делается педантично, планомерно, со стопроцентной уверенностью в том, что это делается на благо человечества. Такая фальсификация истории не раз делалась в прошлом. А с современными средствами это — заурядная проблема.

Надо различать два типа фальсификации истории. Первый — непроизвольная, рутинная и подетальная фальсификация, обусловленная самими средствами познания и описания исторических событий, то есть средствами исторической памяти человечества. Второй — преднамеренная, экстраординарная и комплексная фальсификация, обусловленная причинами сугубо социального порядка.

Рассмотрим сначала первую. Оставим в стороне дописьменный (дознаковый) период. Тогда средства памяти были мизерными, потому были мизерными и средства фальсификации того, что помнилось. Обратимся к письменному периоду. Вы все прекрасно знаете, что мы фиксируем события истории в языке. А слово изреченное есть ложь, как гласит старинная мудрость. Нельзя объять необъятное. Мы вынуждены извлекать из необъятной истории мизерные крохи и привносить что-то от себя, чтобы организовать их в целое, — сочинять связные тексты.

Современная информационно-интеллектуальная техника принципиально не меняет положения. Введем некие исторические «атомы» — минимальные исторические события, нерасчленяемые на более мелкие события. Можно подсчитать, что на описание в языке одного года реальной истории такой, какой она была на самом деле, то есть со всем множеством событий, вплоть до минимальных, потребовалось бы использовать все компьютеры планеты, превратив всех людей в компьютерных операторов, и работать днем и ночью непрерывно миллиард лет. И фактически современная интеллектуально-информационная техника служит могучим средством фальсификации истории. Она позволяет утопить в океане фактов научный подход к историческим явлениям. Кроме того, описанием истории занимаются люди, а не боги. Люди воспитаны и образованы определенным образом, занимают определенное положение в обществе, имеют определенные эгоистические цели. Все это влияет на характер обработки информации. Проходит время. Подавляющее большинство событий бесследно исчезает в прошлое, будучи незафиксированным и даже вообще неосознанным. Меняется отношение людей к событиям прошлого. Они начинают рассматриваться и интерпретироваться в ином историческом контексте.

В эволюционном процессе имеют место два рода событий — допороговые и сверхпороговые. Первые не оказывают никакого влияния на характер эволюции, вторые оказывают. Но люди, включая специалистов, не различают их. Более того, они обычно преувеличивают роль допороговых событий и преуменьшают или совсем игнорируют сверхпороговые. Вы сами знаете, как много внимания уделялось и уделяется незначительным личностям (королям, президентам и т. п.) и событиям, а самым важным — почти никакого. И в описании истории это выражает-

ся очень сильно, настолько сильно, что нарушается всякая мера. Если даже допустить, что все описывающие исторические события люди стремятся к истине, результатом их общих усилий является не описание истории такой, какой она была на самом деле, а такой, какой она им представлялась и представляется по прошествии времени. Причем в течение веков по бесчисленным каналам стекается воедино грандиозный поток непроизвольной фальсификации истории. В него вливается к тому же мутный поток умышленного искажения и вранья бесчисленного множества лжецов и мошенников.

Сфальсифицированная картина истории до поры до времени выполняет свою функцию. Но наступает период жизни человечества, когда эта картина оказывается неадекватной этой функции. И тогда люди должны стремиться к некоей «истине». Но есть истина абстрактно-научная. И есть истина конкретно-историческая. Вернее, то, что люди считают или будут считать истиной. Тут слово «истина» путает. Лучше говорить об адекватности представлений о прошлом тем новым потребностям человечества, которые сложились в результате исторического процесса. Эти представления оказываются неадекватными новым потребностям. Возникает потребность привести представления о прошлом в соответствие с настоящим. И эту потребность должно удовлетворить сознательное «исправление» истории. Причем оно должно произойти как грандиозный перелом, более того — как организованная грандиозная операция, как эпохальная фальсификация всей истории человечества. Тут речь идет уже не о фальсификации наблюдаемых исторических событий по отдельности, а о переработке совокупности зафиксированных сведений об исторических событиях, которые уже исчезли в небытие и в принципе не могут наблюдаться. Тут речь идет не об изменении понимания все тех же явлений бытия, а о

приспособлении совокупности знаков, которые когда-то сопоставлялись с явлениями бытия, к потребностям людей жить уже в другой среде. Тут нужны специально обученные люди. Они должны быть организованы так, чтобы совместно создавать согласованную картину прошлого. Они должны фактически придумать прошлое, какое требуется для настоящего, используя наличный материал. Такая фальсификация не раз производилась в прошлом. Например, с утверждением христианства в Европе, с приходом к власти в России династии Романовых, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах. И теперь такая фальсификация запланирована, причем в отношении русских особенно тщательно. Подчеркиваю: вполне сознательно запланировано полное вычеркивание русских как особого великого народа из истории. Вся история человечества будет сфальсифицирована так, чтобы от нас и следа не осталось. Этот процесс уже начался. С нами считались, пока мы были сверхдержавой, когда мы конкурировали с Западом и угрожали ему, когда могли следить за тем, как нас изображали, когда сами могли фальсифицировать их историю в наших целях. А как только рухнул Советский Союз и советский коммунизм, как только начался всеобъемлющий крах России, отношение к нам резко изменилось. Нас стали преподносить в самом ужасающем виде, как дураков, уродов, воров, холуев, бездарностей, преступников и т. д. Из культуры стали упоминать только то, что является охвостьем западной псевдокультуры. Достижения прошлого, еще не так давно потрясавшие мир, стали сознательно замалчиваться и разворовываться. Вступила в силу сознательная и детально разработанная установка низвести нас на уровень самых примитивных народов планеты.

Конечно, трудно поверить, что намерение совсем исключить нас из исторической памяти человече-

ства осуществимо. Ведь искажения истории так или иначе разоблачаются. Разоблачаются, но не любые. Можно разоблачить отдельную ложь. Но когда их миллионы и миллиарды, когда происходит их отбор и комбинирование, когда это делается из года в год, из десятилетия в десятилетие, когда в деле фальсификации заняты миллионы профессионально подготовленных людей, используется баснословная техника и специально разработанные приемы фальсификации, когда миллиарды людей идеологически оболваниваются из поколения в поколение, никаких шансов для преодоления этого мирового потока лжи и восстановления истины не остается.

Не исключено, что через несколько столетий какая-то крупица истины будет открыта. Лишь крупица. И какая? В ней наша история вообще может не отразиться или отразиться в таком виде, что будет неузнаваема. Увы, наиболее вероятный вариант — нас, русских, вообще вычеркнут из истории. Будет так, как будто нас вообще не было. Все сделанное нами разворуют, присвоят, припишут другим, исказят до неузнаваемости. Какие-то следы от нас останутся. И с помощью логических и математических методов, используя интеллектуально-информационную технику, в принципе будет возможно произвести исторические «раскопки» и вычислить, что в XX веке существовал какой-то (именно какой-то!) великий народ, занимавший такую-то территорию и сыгравший огромную историческую роль. Но будет ли сделано официальное признание, что это были русские?

Часть третья

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

В результате горбачевской перестройки, подготовившей контрреволюцию 1991—1993 годов, и деятельности постсоветской власти Россия пережила беспрецедентную в истории человечества социальную катастрофу, была направлена на путь исторической деградации и гибели. Теперь это стало очевидно для подавляющего большинства российского населения. И нет никакой необходимости обосновывать это утверждение. Я хочу здесь коснуться лишь чисто социологического аспекта нынешнего (постсоветского или посткоммунистического) состояния России и ее будущего.

Чтобы понять нынешнее состояние России на научном уровне понимания, необходимо также на научном уровне понять социальный строй (социальную организацию) Советского Союза, социальный строй стран западного мира, социальную сущность «холодной войны» и тот великий перелом в эволюции человечества, который произошел во второй половине XX века. Я очень кратко (в тезисной форме) изложу некоторые важные пункты моего понимания упомянутых явлений.

О великом эволюционном переломе, который произошел в истории человечества во второй половине

XX века, я писал и говорил неоднократно. В двух словах, суть его заключается в следующем. Во-первых, начался переход от эпохи преобладания человеческих объединений (человейников) типа обществ к преобладанию объединений типа сверхобществ. Во-вторых, стали формироваться сложные сверхобщества глобального масштаба и наметилась тенденция к объединению всего человечества в единое глобальное сверхобщество. Исторически первым сверхобществом огромного масштаба был коммунистический Советский Союз. И первой попыткой построения глобального сверхобщества было стремление его к мировой гегемонии. В результате «холодной войны» Советский Союз и советский (русский) коммунизм были разгромлены и инициативу в эволюции человечества захватил западный мир. Он уже в ходе «холодной войны» встал на путь развития в направлении сверхобщества западнистского типа (в отличие от коммунистического) фактически, но еще неявно. На основе победы в «холодной войне» он пошел по этому пути явно, демонстративно заявил свою претензию на мировое господство.

После Второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира — процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу «холодной войны» социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид. В рамках западных стран («национальных государств») сформировались своего рода «надстройки» над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т. д. Из их взаимодействия образовались «надстроечные» объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединение, охватывающее весь западный

мир, скажем — глобальное сверхобщество. Поскольку основной территорией расположения его подразделений стали США и поскольку оно тесно переплелось с «надстроечной» частью сверхобщества самих США, то выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными: стали обозначать и то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается общезападного и глобального сверхобщества.

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различных точек зрения. Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван как глобализация человечества. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества в XXI веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого.

«Холодную войну» против Советского Союза вели не только США, но весь западный мир, организовывавшийся в целое глобальным западнистским сверхобществом, — «Вашингтон» в указанном выше втором смысле. В итоге этой войны Советский Союз был дезинтегрирован, советская (коммунистическая)

социальная организация была разгромлена, в России сложилась постсоветская (посткоммунистическая) социальная организация. Она сложилась в горбачевско-ельцинские годы под влиянием комплекса исторических факторов, главными из которых являются следующие два.

Первый заключается в том, что постсоветская социальная организация в России возникла не путем некоей естественной, внутренней эволюции советского общества, а была насильственно навязана России силами Запада (извне) и «пятой колонны» Запада в России (сверху) в результате капитуляции Советского Союза перед Западом в «холодной войне», то есть в результате западнизации России. При этом России навязывалась не столько реальная социальная организация западного образца, сколько ее идеологически-пропагандистский образ, какой был выгоден победителю с целью разгрома России и удержания ее под своим контролем.

Второй из упомянутых выше факторов заключается в том, что при формировании социальной организации разгромленной России имел силу (и продолжает действовать) объективный социальный закон регенерации, описанный в целом ряде моих работ на эту тему. Закон этот таков: если в человеческом объединении рушится социальная организация и при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его жизни (геополитические условия, какие-то компоненты материальной и духовной культуры, традиции, навыки, преемственность поколений и т. д.), то вновь создаваемая социальная организация оказывается близкой в основных чертах к разрушенной. Так что постсоветская система власти как один из важнейших компонентов социальной организации в целом (наряду с экономической системой, идеологической сферой, сферой культуры и др.) формировалась в России не просто из ничего по за-

падным образцам, но из обломков советской системы и под влиянием ее опыта, который вошел в плоть и кровь российского населения.

В результате действия этих факторов в постсоветской России сложился политический гибрид из воспоминаний о советской системе и ее опыта, с одной стороны, и из идеологически-пропагандистских представлений о западной политической системе, с другой стороны. Получился своего рода политический ублюдок (политическая дворняжка), да и к тому же в значительной степени лишь имитирующий реальную систему власти, практически неспособный должным образом действовать в интересах большинства населения и страны в целом.

В последние годы усилились и стали все более очевидным образом ощущаться негативные последствия процесса глобализации (американизации, западнизации) для значительной части человечества, включая народы самих западных стран. Стала обнажаться сущность этого процесса. Это в сильнейшей степени коснулось и России. Сопротивление насильственной западнизации обнаружило себя уже в первые ее годы в Советском Союзе. Можно констатировать две значительные попытки на этот счет. Первая имела место в августе 1991 года. Она кончилась провалом. В результате был разрушен Советский Союз и началось стремительное разрушение советской (коммунистической) социальной организации. Вторая попытка имела место в октябре 1993 года. Она закончилась кровавой расправой над повстанцами и упрочением в России постсоветского (посткоммунистического) режима во главе с Ельциным. К концу 1999 года назрели условия и потребность в третьей попытке. О ней надо сказать несколько подробнее.

Многие расценивают отречение Ельцина от власти накануне Нового года и назначение на его место Путина как политический переворот. Слово «перево-

рот» весьма неопределенно. Но если при этом иметь в виду значительность события и совокупность обстоятельств, при которых оно произошло (характер Ельцина, его предыдущие намерения, мизерный срок до намеченных выборов президента и т. д.), то это слово представляется тут вполне уместным.

Пусть переворот. Но возникает вопрос: какой именно, в чем его социальная сущность? Ведь не сводится же он к тому, что на место дряхлого и полуживого (практически — невменяемого) Ельцина к власти пришел молодой, энергичный и умный Путин, который якобы будет следовать ельцинской линии, так что можно будет сказать, будто «Путин — это Ельцин сегодня». Именно в таком виде пытаются представить этот переворот западные политики, выдающие желаемое за действительное, а точнее говоря — высказывающие своего рода инструкции новому правителю России.

Чтобы дать объективную оценку переворота, о котором идет речь (буду для краткости называть его путинским), необходимо исходить из того подхода к современной ситуации в мире и в России, который я очень сжато изложил выше. К концу 90-х годов XX века в России назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую власть более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать ее, лишить ее вида, в каком она стала посмешищем во всем мире. Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности. Кто бы ни были организаторы переворота и какими бы ни были их субъективные намерения, этот переворот объективно, в сложившихся в России и на Западе условиях, так или иначе содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для нее последствиям западнизации, американизации

и глобализации. Именно этим, главным образом, объясняется «чудо» путинского рейтинга. Во всяком случае, широкие слои российского населения именно так восприняли путинский переворот и сфокусировали в личности Путина свои потребности и надежды. Этот переворот не был спланирован в Вашингтоне, так я думаю. Путин появился на исторической арене не как креатура Вашингтона. Скорее всего, он «проскочил» по недосмотру, даже по ошибке тех, кто организовывал переворот. Организаторы переворота явно недооценивали личные качества Путина.

Уже сейчас можно констатировать, что путинская власть выражает усиление тенденции постсоветской системы власти России к советскому образцу. И это не просто субъективное желание ее руководителей. Дело тут в том, что в современных условиях и в силу объективных социальных законов организации власти сильная государственная власть, способная справиться с нынешними российскими проблемами, может быть лишь властью такого типа, какая сложилась в советское время в России, причем сложилась независимо от лозунгов марксистского коммунизма и даже вопреки им, сложилась в силу необходимости и по законам власти как таковой.

Но просто сказать, что в путинском перевороте проявился второй из рассмотренных выше факторов (скажем, тенденция к советизации системы власти), мало. Дело в том, что в самой советской системе власти надо различать два периода: сталинский (вождистский) и брежневский (партаппаратский). Уже в горбачевские годы наметилась тенденция возврата к сталинистскому типу власти, что проявилось в стремлении Горбачева к чрезвычайным полномочиям и к возвышению своей власти над партийным аппаратом (отсюда перенос высшей власти из партийного аппарата в надпартийные государственные органы). В нынешних условиях постсоветской России отсут-

ствует партийный аппарат как орган сверхвласти. И тенденция к советизации власти может быть лишь тенденцией к сверхгосударственной власти, причем сталинистского типа. Так называемая «сильная государственная власть» в современных условиях России и контроля со стороны Запада может быть лишь личной властью президента с его личной канцелярией (администрацией) и лично связанными с ним надежными соратниками («номенклатурой»), опирающимися на широкие слои населения, подконтрольные президентской команде средства массовой информации и, само собой разумеется, армию, силы внутреннего порядка и органы государственной безопасности. Не исключено создание массовой партии, связывающей вождя-президента с массами населения (с «народом»). Но такая партия в условиях западнизации не может стать чем-то наподобие КПСС. Она будет служить подсобным средством вождя-президента, станет президентской партией.

Разумеется, этот вариант власти не может быть реализован в открытом, явном и «чистом» (буквальном) виде. Он возможен лишь в тенденции, с какой-то степенью приближения. Но он закономерен. Это значит, что если новая власть на самом деле будет стремиться действовать в интересах самосохранения (выживания) России и российского населения (русского народа в первую очередь), то она в силу социальной необходимости должна будет действовать в рассмотренном духе.

Усиление тенденции к советизации не означает ослабления западнизации. Наоборот, последняя усиливается и будет усиливаться. Не противоречит ли это сказанному выше? Если рассматривать западные страны в привычных понятиях, выработанных применительно к эпохе обществ, противоречие несомненно. Но западный мир уже вступил в эпоху сверхобществ. И в западнистской социальной

организации уже сложилась сверхгосударственная власть, важнейшим компонентом которой является механизм денежного тоталитаризма. Реальный Запад отличается от его идеологического образа. Реальная западнизация означает возникновение в сфере власти сверхгосударственной власти западнистского типа — власти денежного механизма. Это и происходит в России фактически в соответствии с объективными социальными законами. А в сознании большинства россиян это воспринимается как некое уклонение от неких норм бытия. В постсоветской России формируется гибрид советизма и западнизма в сфере власти не как гибрид власти на уровне государственности, а как гибрид на уровне сверхгосударственности. Получается российский вариант западнизма, содержащий в себе компоненты сверхгосударственности советизма.

Нечто подобное происходит и в других сферах российского человейника (по моей терминологии) — в сфере хозяйства, идеологии, культуры, образования и т. д. Российский социальный гибрид формируется как сверхобщество. Путинский политический переворот по своей социальной сущности означает попытку ослабить (если не порвать совсем) путы западнизации своеобразным способом, единственно доступным России в современной реальности, а именно — путем прорыва России на уровень сверхобщества (в сфере власти — на уровень сверхгосударственности). А это — своеобразный протест против той формы западнизации, которую глобальное западнистское сверхобщество стремится навязать России: оно стремится удержать Россию на более низком уровне социальной организации, чем тот, на котором находится оно само.

Насколько успешным может оказаться путинский переворот по своим последствиям? Не следует забывать о втором из рассмотренных факторов.

Этот переворот произошел в условиях западнизации России, в условиях зависимости России от Запада, в условиях заинтересованности Запада в том, чтобы Россия и впредь оставалась под контролем Запада и служила его интересам. Вашингтон недвусмысленно заявил, что ельцинский курс должен соблюдаться. И если это требование не будет выполняться, можно со стопроцентной уверенностью предсказать, что Запад (Вашингтон) будет делать все от него зависящее, чтобы ограничить позитивные последствия путинского переворота для России, скомпрометировать их и свести на нет.

Кроме того, эволюция России под водительством Путина не означает, будто сразу начнутся улучшения, удовлетворяющие надежды масс российского населения. Улучшения возможны, но настолько незначительные, что их пропагандистский эффект будет быстро исчерпан. Для заметных улучшений нужно время, причем время немалое, историческое. А сначала необходимы и неизбежны жертвы. А о тех жертвах, какие пришлось пережить российскому населению при исполнении исторической миссии не столь давнего прошлого, помнят до сих пор. Сомнительно, что россияне вновь окажутся способными на нечто подобное ради сомнительного «светлого будущего». В великой истории ничто не дается даром, без жертв, без усилий. За все надо как-то расплачиваться. Если придется выбирать — великое и светлое будущее ценой усилий ряда поколений, в которое теперь мало кто верит, или жизнь в уже сложившихся формах без таких усилий, — россияне, скорее всего, предпочтут второе. И третья попытка сопротивления западнизации, американизации и глобализации окончится так же плачевно, как и первые две. И формула «Путин — это Ельцин сегодня» тогда окажется реальностью.

Март 2000 г.

Великий эволюционный перелом

Во второй половине XX века произошел великий перелом в социальной эволюции человечества. Он выражается, во-первых, в образовании сверхобществ, то есть объединений более высокого уровня социальной организации, чем привычные нам «национальные государства» Запада — Англия, Франция, Германия, США, Канада и другие. Во-вторых, — в интеграции сверхобществ в сложные комплексы глобального масштаба. Чем отличается сверхобщество от общества, каковы их взаимоотношения, я описал в моих сочинениях, в том числе в недавно выпущенной издательством «Центрполиграф» книге «На пути к сверхобществу». В двух словах: социальная организация сверхобщества, вобрав в себя компоненты социальной организации общества, надстраивает их до сверхгосударственности, сверхплана, сверхэкономики, сверхидеологии и т. д.

Перелом, о котором идет речь, означал коренные изменения в структуре человеческих объединений и их закономерностей, а также человечества в целом. В частности, стихийная социальная эволюция уступила место эволюции планируемой и управляемой. Хотя последствия перелома дают о себе знать во всех важнейших аспектах жизни человечества, зачастую в трагической форме, он остается непонятым и не объясненным наукой. Дело в том, что весь аппарат фундаментальных понятий, утверждений, теорий и концепций социальных исследований утратил смысл и превратился в идеологические пустышки. Тем не менее он владеет умами людей, создавая неодолимые препятствия для постижения фактически нового мира, в котором мы живем. Колоссальный научно-технический прогресс XX столетия оказался вполне

совместимым с расцветом мракобесия и тотальным помутнением умов. Умышленная фальсификация социальных явлений, особенно советской истории, приняла глобальные и эпохальные масштабы. Трудно назвать другое такое противоречие между грандиозностью реальных социальных явлений и интеллектуальным убожеством их творцов и участников, какое можно наблюдать сегодня.

СССР — первое в истории сверхобщество

Историческим новатором в переходе человечества к эпохе сверхобществ стал Советский Союз. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года ознаменовала беспрецедентный в человеческой истории эволюционный прорыв. В нашей стране стало формироваться общество коммунистического типа, аналогичное по эволюционному уровню западным обществам (Англии, Франции, Германии, США и т. д.), и одновременно — общество более высокой, еще не достигнутой Западом степени развития — сверхобщество. Такого уровня объединения на Западе начнут формироваться много десятилетий спустя, причем под влиянием Советского Союза и в смертельной борьбе с ним.

Советский социальный строй, просуществовавший немногим более семидесяти лет, есть исторически первый и классически четкий образец реального коммунизма. Судьба этого опыта оказалась трагичной не только с точки зрения его бытия, но и с точки зрения познания. В советское время его научное понимание стопорилось установками прокоммунистической идеологической апологетики и преследовалось как «клевета» на общественный строй. В постсоветский период его научному изучению препятствуют интересы антикоммунистичес-

кой пропаганды. На Западе коммунизм изображался как «черный провал истории», а сама Россия — как «империя зла». И самой жестокой критике и фальсификации подвергались именно те явления, которые на самом деле свидетельствовали об эволюционном прогрессе человечества.

Формирование коммунистического сверхобщества происходило в Советском Союзе почти в лабораторно-чистой и явной форме: сверхгосударственность в виде КПСС и партийного аппарата, централизованная планово-командная сфера сверхэкономики, всеобъемлющий механизм сверхидеологии и т. д. Гигантская армия теоретиков проглядела этот процесс, а если и замечала его отдельные явления, то либо для прославления, либо для очернения коммунизма.

Лишь в конце «холодной войны» западные теоретики и политики стали догадываться о том, что грандиозные эпохальные достижения Советского Союза (а не «черный провал», как трубила пропаганда!) — результат именно более высокого уровня социальной организации. И потому они направили главный удар своей «пятой колонны» в СССР против явлений социальной организации сверхобщества — против партийного аппарата, планово-командной общественной сверхэкономики, сверхидеологического механизма. Им удалось навязать высшему руководству и интеллектуальной элите СССР взгляд на эти вершины социальной эволюции как на признаки отсталости относительно якобы успехов западной цивилизации. Отсутствие научного понимания реального коммунизма и реального западнизма явилось одной из важнейших причин гибели советского коммунизма.

Разгромив социальную организацию советского сверхобщества, Запад сам устремился в направлении к сверхобществу. Конечно, оно по многим парамет-

рам, хотя бы доминированием сверхэкономики над сверхгосударственностью, отлично от коммунистического. Однако общие законы структурирования сверхобществ применимы и для него.

Крах советского коммунизма

Почему же советское сверхобщество, развившее высочайший уровень социальной организации и добившееся баснословных успехов, потерпело сокрушительный исторический крах? Я детальнейшим образом исследовал эту проблему и изложил результаты анализа в многочисленных публикациях, в частности в книгах «Гибель империи зла» («Гибель русского коммунизма»), «Кризис коммунизма», «На пути к сверхобществу» и «Русский эксперимент». Ограничусь краткими замечаниями.

Всячески насаждается утверждение, будто русский коммунизм рухнул в силу внутренней несостоятельности. Это — циничная ложь. Русский коммунизм был молодым и жизнеспособным социальным образованием, находился в самом начале своего исторического бытия, не изжил себя, не одряхлел внутренне. Он был просто убит. В истории живой материи обычны случаи, когда высокоорганизованные существа становятся жертвами существ с более низким уровнем организации. Если крокодил пожирает обезьяну, это не означает, что он стоит выше ее в эволюционной иерархии. Западный мир одержал победу над СССР в «холодной войне». Но отсюда не следует, будто уровень социальной организации стран Запада превосходил таковой Советского Союза. Запад победил, поскольку во много раз был сильнее советского блока — по числу населения и качеству человеческого материала, по мощи экономики и военного потенциала, по другим жизненно важным факторам. Почти полуве-

ковая «холодная война» вынуждала нашу страну на образ жизни, превышающий ее возможности. В Советском Союзе была создана мощная «пятая колонна» Запада. Назревал общий кризис советской системы, первый в истории специфически коммунистический кризис. Происходили социальные перемены в структуре советского населения. Возникла кризисная ситуация в высших учреждениях системы власти. Короче, сложился комплекс внешних и внутренних факторов, которыми умело воспользовались стратеги и организаторы «холодной войны». Они запланировали и педантично провели серию диверсионных операций огромного масштаба, включающую «проводку во власть» своего человека — М. Горбачева, августовскую «революцию» 1991 года и расстрел советской власти в октябре 1993 года. В результате контрреволюции была просто физически уничтожена советская социальная организация в странах бывшего Советского Союза, в России прежде всего. Последствия общеизвестны.

Постсоветская социальная организация

Об искусственном и преднамеренном обрыве жизни советского сверхобщества свидетельствует и характер социальной организации, установившейся в стране в постсоветские годы. Она сложилась в горбачевско-ельцинский период под влиянием комплекса исторических факторов. Рассмотрим два главных. Первый: нынешняя социальная организация возникла не путем некоей естественной внутренней эволюции советского общества, а насильственно навязана России силами Запада (извне) и «пятой колонны» Запада в России (сверху). При этом насаждается не столько реальный западный формат, сколько его идеологически-пропагандистский образ,

выгодный победителю с целью разгрома России и удержания ее под своим контролем.

Советские и российские реформаторы полностью игнорировали азбучную истину социологии, что западные образцы формировались веками, в конкретных условиях западного мира, в ожесточенной социальной борьбе, в опустошительных войнах, путем огромных усилий, ценой жертв и потерь. Они не универсальны и потому малопригодны в одинаковой мере для всех эпох и народов. А в случаях их относительной и частичной применимости требуется учет всей специфики заимствующих стран. Бездумное копирование неизбежно ведет к разрушительным, порой — к катастрофическим последствиям. Примеров тому история дает в изобилии. Не случайно западнизация стран незападного мира стала мощнейшим орудием Запада в борьбе за мировое господство.

Социальная организация постсоветской России умышленно сконструирована так, чтобы не допустить ее возрождения как социального феномена, способного конкурировать с Западом за доминирование в процессе эволюции человечества, способного препятствовать Западу в его борьбе за мировое господство.

Второй фактор заключается в том, что при формировании новой социальной организации разгромленной России проявился объективный социальный закон регенерации. Суть его в следующем: если разрушается социальная организация, но сохраняется людской материал и основные условия его выживания (геополитические, материально-культурные, традиции и пр.), то вновь создаваемая социальная организация в ряде существенных черт оказывается близкой к разрушенной. Так что избежать влияния уничтоженной советской системы невозможно, как бы ее ни чернили российские реформаторы и их западные манипуляторы.

Сегодня в России сложился социальный гибрид из остатков советской организации, с одной стороны, и искусственных изобретений в соответствии с идеологически-пропагандистскими представлениями о западнизме — с другой. Возник уродливый строй, практически неспособный должным образом действовать в интересах большинства населения и страны в целом, но зато способный направить ее на путь всесторонней деградации, внутренней атомизации, потери суверенитета и мирового престижа. Основная цель западных стратегов «холодной войны» достигнута. Встала задача закрепить результат и использовать Россию в своих новых стратегических планах XXI века.

Русский путь

Хотя социальная организация постсоветской России и представляет собой скороспелый гибрид, его нельзя рассматривать как некое переходное состояние к нормальному, достойному уважения образцу. Почему? Условия в современном мире предполагают только две исторически перспективных и социально полноценных линии развития — коммунистическую и западнистскую. Реставрация коммунистической системы в России исключена на 100 процентов. Нет для этого необходимых условий. Возникнув при уникальном стечении обстоятельств, она могла существовать столетия, но была разрушена, и вернуть Россию в состояние, при котором возможно ее возрождение, не удастся уже никогда. Качественно изменились социальная структура населения страны и его идейное сознание. Отброшена и дискредитирована коммунистическая идеология. Современные условия в мире таковы, что всякая серьезная попытка реставрации коммунизма будет немедленно пресечена военными силами глобального западнистского

сверхобщества. Как показывают элементарные расчеты, сделать с Россией нечто подобное тому, что сделали НАТО и США с Сербией, обойдется в случае надобности дешевле, чем построить современный аэропорт, а времени займет вдесятеро меньше.

Для реставрации коммунизма необходимы и неизбежны жертвы. Но еще не забыто пережитое народом России при исполнении им его исторической миссии не столь давнего прошлого. Сомнительно, что россияне вновь окажутся способны повторить их ради «светлого будущего», в которое теперь мало кто верит. В истории ничто не дается даром. За все надо платить. Если придется выбирать — великое будущее ценой неимоверных усилий ряда поколений или жизнь в уже сложившихся формах без таковых усилий, — россияне, скорее всего, предпочтут последнее.

Построение в условиях России полноценного, а не имитационно-карикатурного западнистского социального строя исключено условиями как нашей страны, так и самого Запада. Не для того Россию разгромили, чтобы включить ее в состав западного сверхобщества как равноценную часть. Ее рушили, чтобы превратить в зону колонизации нового типа, для чего и навязали третий путь, по которому мы уже идем. Нынешний порядок в России и есть реальное ее будущее, по крайней мере на ближайшие десятилетия. Во всяком случае, именно таким оно было спроектировано в западных стратегических центрах. Таким оно проектируется и в нынешних правительственных стратегических учреждениях России.

Эволюция постсоветского строя

Разумеется, какие-то изменения в рамках уже сложившегося постсоветского социального строя будут происходить. Сегодня мы являемся свидетелями и

участниками, пожалуй, самого значительного после расстрела Верховного Совета осенью 1993 года события. Имею в виду отречение Ельцина от власти и назначение на его место Путина. Я считаю это верхушечным политическим переворотом, предрешившим исход президентских выборов.

Этот переворот (для краткости назовем его путинским) — явление неоднозначное, как и вообще все более или менее значительные события советской и российской истории последних десятилетий. Они хамелеонообразны, как их инициаторы и действующие лица. Наверняка президентская клика, выдвигая Путина как доверенного человека, преследовала свои корыстные цели. К концу 90-х годов в широких слоях общества назрели недовольство ельцинским режимом и жизненно важная потребность в повышении эффективности системы власти и управления с точки зрения интересов большинства народа и страны, нормализации ее, лишения вида, в каком она стала посмешищем во всем мире. Эту потребность и реализовал данный переворот. Не важно, кто его организаторы и какими субъективными намерениями они руководствовались, переворот так или иначе содержал в себе элемент сопротивления России гибельным последствиям американизации и глобализации. Вот чем главным образом и объясняется «чудо» путинского рейтинга. Во всяком случае, большинство населения именно так восприняло переход власти, сфокусировав в личности Путина свои чаяния и надежды. Думаю, что переворот не был спланирован в Вашингтоне. Путин появился на исторической арене не как креатура Вашингтона, а скорее «проскочил» по недосмотру, даже по ошибке организаторов переворота.

Произошедшее обнаруживает тенденцию постсоветской системы власти к советскому образцу, поскольку в российских условиях и в силу объективных

социальных законов организации власти сильная государственная администрация, способная справиться с нынешними проблемами, может быть лишь властью советского типа, сложившегося в России независимо от лозунгов марксистского коммунизма и даже вопреки им.

Сказанное выше касается только самоорганизации власти. Но она связана с прочими компонентами социального устройства, прежде всего с экономической и идейной сферами. Тут действует другой объективный общественный закон — закон взаимного соответствия различных элементов социальной организации. Мало того что противоречивость тенденций советизации и западнизации в рамках самой системы власти делает ее в целом неэффективной, то же несоответствие имеет место также между системой власти и другими сферами социальной организации. И путинская администрация немедленно ощутит это при попытке осуществить контроль над экономикой и идейной сферой.

Насколько успешным может оказаться «путинский проект» по своим последствиям? Не следует забывать, что он реализуется в условиях западнизации России, ее зависимости от Запада, заинтересованности последнего в настоящей и будущей подконтрольности России. Вашингтон недвусмысленно заявил, что ельцинский курс должен соблюдаться. И если это требование не будет выполняться, можно с абсолютной уверенностью предсказать, что Запад сделает все возможное для ограничения, компрометации и сведения на нет позитивных последствий путинского переворота для России.

Означает ли усиление тенденций к советизации ослабление западнизации? Нет, наоборот, последняя усиливается и будет усиливаться. Вывод звучит противоречиво, если рассматривать западные страны в шаблонных понятиях, выработанных применительно

к эпохе обществ. Но мир вступил в эпоху сверхобществ, и в западнистской социальной организации уже сложилась сверхвласть с важнейшим компонентом в виде механизма денежного тоталитаризма. А поскольку российский гибрид советизма и западнизма в сфере власти формируется как гибрид на уровне сверхвласти, его обязательной частью также должен быть денежный механизм. У нас он пока принимает уродливые формы, воспринимаемые как отклонение от неких норм. Но это восприятие преходяще. Россиянам придется примириться и с этим «благом» новой эпохи.

Нечто подобное происходит и в сфере хозяйства, идеологии, образования, культуры и т. д. Российский постсоветский социальный гибрид развивается как сверхобщество в рамках западнизма, но с неистребимым наследием советизма. Это и есть тот особый, «третий» путь, по которому пошла Россия после антикоммунистической контрреволюции 1991—1993 годов и с которого она вряд ли свернет в обозримом будущем. Историческая роль, которую в силу необходимости придется сыграть Путину, заключается, по всей вероятности, в закреплении результатов горбачевско-ельцинской контрреволюции и некоторой нормализации условий жизни российского населения в заданных пределах. Насколько это удастся — пока судить трудно. Несомненно одно: в России сейчас просто нет сил для выхода за очерченные рамки решительно и открыто, с вызовом по отношению к Западу.

Июль 2000 г.

ФЕНОМЕН ПУТИНА

С приходом В.В. Путина к высшей власти в нашей стране начался новый период. Он ожидался как значительный перелом в жизни страны еще в ельцинс-

кие годы. И надо признать, что ожидания с этой точки зрения оправдались: начавшийся период действительно обещает стать значительным. Значительным не в том смысле, что он непременно принесет какие-то блага россиянам, а в том смысле, что должны произойти важные события в эволюции страны. И я в этой статье хочу высказать некоторые соображения на этот счет.

Закат ельцинизма

В истории разрушения советского (коммунистического) и возникновения постсоветского (посткоммунистического) социального строя в нашей стране уже можно констатировать три периода, символизируемые именами Горбачева, Ельцина и Путина. Я буду их называть соответственно горбачевским, ельцинским и путинским. В горбачевский период начался процесс разрушения советского социального строя и были подготовлены условия для антисоветского (антикоммунистического) переворота. Этот переворот произошел в ельцинский период. Он начался в августе 1991-го и завершился в октябре 1993 года расстрелом Верховного Совета (Белого дома). К концу 90-х годов ельцинский режим сыграл свою историческую роль, а именно — возглавил и мобилизовал российское население на разгром советской (коммунистической) социальной организации, на создание постсоветской социальной организации по западным образцам и под диктовку сил Запада, на низведение России с уровня великой мировой державы на уровень зоны колонизации для Запада. Приведя Россию в состояние всесторонней социальной катастрофы, этот режим полностью изжил себя. Он стал угрозой самим «завоеваниям» антикоммунистического переворота и

западнизации страны. Он осточертел не только большинству россиян, но даже своим западным вдохновителям и манипуляторам.

Ожидание перелома

Естественно, должен был появиться человек, который возглавил бы назревший переход России к постельцинскому этапу социальной эволюции. Такой этап ожидался подавляющим большинством российского населения. Ожидался и такой человек. Различные категории россиян различно представляли ожидаемый период, различные надежды возлагали на ожидаемого человека. Объединяло всех одно: само состояние ожидания. И такой человек появился: это — В.В. Путин. Появление именно Путина не было фатальным. Эту роль мог сыграть кто-то другой. Насколько мне известно, для большинства россиян появление именно Путина было неожиданностью. И тем более это было неожиданностью для Запада. Во всяком случае, я почти со стопроцентной уверенностью могу утверждать, что Вашингтон не планировал на российский «престол» именно Путина. Я думаю, что Путин «проскочил» по недосмотру Вашингтона. Даже поверхностное наблюдение международной политической суеты обнаруживало известную растерянность на Западе в связи с появлением Путина.

Но кто бы ни стал преемником Ельцина, можно было с большой степенью уверенности предвидеть социальную роль, которую предстояло сыграть ему: закрепить основные результаты антикоммунистического переворота горбачевско-ельцинского периода, завершить формирование постсоветской социальной организации, преодолеть вопиющие дефекты ельцинского режима, нормализовать условия жизни

российского населения в рамках новой социальной организации, нормализовать положение постсоветской России в глобальном сообществе. Разумеется, от того, какая именно конкретная личность могла возглавить решение упомянутых проблем, многое зависит. Россияне на своей шкуре испытали то, какую огромную разрушительную роль сыграли в истории России такие личности, как Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар, Козырев и другие известные деятели прошедшего горбачевско-ельцинского периода. И теперь вопрос в том, кто окажется на вершине российской власти, приобрел в сознании россиян судьбоносное значение.

«Кремль» и «семья»

Путин появился на высотах политической жизни России как ставленник «семьи» (ельцинской клики), как ставленник «Кремля». Это бесспорно. Но кто, делающий политическую карьеру, не бывает на каком-то ее этапе чьим-нибудь ставленником?! Горбачева вытянул из провинции в Москву Андропов, а на пост Генсека его выдвинул Громыко. Ельцина выдвигал сам Горбачев и Лигачев. Наполеон был ставленником членов Директории. А как Ельцин обошелся с Горбачевым?! Как Наполеон обошелся с теми, ставленником кого он был?! Путин был профессиональным работником аппарата власти («аппаратчиком»). Естественно, он с кем-то работал, кто-то его поддерживал, кто-то оценивал его как работника. По всей вероятности, он был достаточно хорошим работником, иначе он такую профессиональную карьеру вряд ли сделал бы. Естественно, стоявшая у власти «семья» преследовала свои интересы, выдвигая Путина. Было бы нелепо, если бы она выдвинула человека, который

априори стал бы действовать во вред ей. Но она выдвигала его на высокий пост, рассчитывая на то, что он справится с обязанностями на этом посту. И она на этот счет не ошиблась. Она выдвигала Путина как своего человека. Но то, какую роль предстояло ему сыграть, это зависело уже от обстоятельств, неподконтрольных «семье».

Хочу обратить внимание на то, что выражения «семья» и «Кремль» употреблялись как синонимы. А между тем тут совпадение лишь частичное. Слово «Кремль» обозначает подразделение в системе власти, а слово «семья» обозначает конкретную группу лиц, захвативших в свои руки это подразделение власти. «Семья» немыслима без Ельцина и близких ему людей. «Кремль» же был до «семьи» и остался после того, как ставленник «семьи» Путин выставил ее оттуда. Путин был выдвинут «семьей» на роль главы правительства, а затем — на роль главы «Кремля» как высшего органа власти, а не на роль главы «семьи». И именно это его положение в сложившихся условиях обусловило его роль выразителя национальных интересов России, а не эгоистических интересов «семьи».

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство возвышения Путина. Он появился на высотах власти не как «избранник народа», а как профессиональный чиновник, делавший успешную служебную карьеру, — как узкопрофессиональный «аппаратчик», а не как руководитель широкого профиля. Выборы лишь узаконили его положение на вершине власти. На пути к высшей власти это происхождение Путина сработало в его пользу: он резко отличился своим поведением от прочих кандидатов в президенты. Но у многих возникало сомнение: на высшем уровне власти доминирующей является политическая стратегия, требующая опыта и способностей руководителя широкого профиля.

Взлет популярности

Путин появился на политической арене, когда эпоха популизма, благодаря которому Ельцин оказался и долго держался на вершине власти, прошла. Рейтинг Путина стал стремительно расти, хотя средства массовой информации не очень-то старались раздувать Путина и даже отчасти пакостили. Главный фактор, определивший необычный рост популярности Путина, заключался в том состоянии, в каком оказалось большинство россиян самых различных социальных категорий ко времени его выдвижения, и в его умонастроениях. Недовольство ельцинским режимом достигло высшего уровня. На первый план вышла настоятельная потребность в наведении элементарного порядка во всех сферах общественной жизни и прежде всего потребность во власти, способной навести такой порядок. Именно в сильной власти массы населения увидели ключ к спасению России. Жажда и ожидание спасителя овладели умами и чувствами десятков миллионов россиян. Российское население разделилось на меньшинство, которое вполне устраивало положение, сложившееся благодаря ельцинскому режиму, и большинство, которое было не удовлетворено ельцинским режимом, так или иначе страдало от него и жаждало перемен, видя путь к ним в сильной власти. Что это такое, на этот счет ясного представления не было. Сильная власть представлялась не в какой-то определенной организации всей системы власти, а лишь в другой личности, символизирующей некую «сильную власть».

Все известные личности на политической арене России, претендовавшие на высшую власть, либо порядком надоели широким кругам населения, либо были недостаточно популярны, либо вообще не вызывали доверия. Никто не тянул на роль потенциаль-

ного спасителя гибнущей России. Путин появился в числе претендентов на пост президента как человек новый. В сознании масс он не был непосредственным виновником их бед. Он не нес личной ответственности за данное состояние России. Попытки как-то «раскопать» его деятельность в аппарате власти личностей, как-то скомпрометировавших себя, успеха не имели и не могли иметь. Путин, повторяю, сделал карьеру не как политик, а как профессиональный аппаратчик с довольно узкой специализацией, не проходивший выборных массовых процедур, не восседавший в президиумах заседаний, короче говоря — за кулисами опостылевшей всем публичной активности, можно сказать — как «работяга». Те качества, которые у него выработались при этом, сработали явно в его пользу, когда он волею судьбы был вытолкнут на роль руководителя широкого профиля. Он резко выделился из множества претендентов на высший пост в системе власти своим обычным поведением. А главное — он совершал поступки по правилам власти, в то время как прочие лишь говорили о власти. Он имел возможность на такие поступки, поскольку уже находился у реальной власти. Тут несущественны масштабы и важность поступков с какой-то иной точки зрения. Важно то, что люди заметили сразу в поведении Путина наличие некоей субстанции власти, способность властвовать. В его конкурентах такая субстанция власти не ощущалась совсем или ощущалась в ничтожной мере. Что бы они ни говорили и какие бы позы ни принимали, ввести в заблуждение миллионы зрителей и слушателей на этот счет было невозможно. Тут средства массовой информации, в особенности телевидение, оказали плохую услугу конкурентам Путина. Они все просто стушевались на его фоне, хотя он почти ничего особенного не делал. Пожалуй, тут слово «хотя» неуместно. Следует сказать, что именно его

заниженная публичная активность и дала такой эффект.

Повторяю и подчеркиваю, ибо это очень важно для понимания ситуации: Путин уже обладал реальной властью и демонстрировал, на что он фактически способен, тогда как его конкуренты воспринимались как правители с негативным опытом или как говоруны на тему о власти. Все говорили о спасении России, много обещали, хвастались своими заслугами, способностями, знаниями. Путин говорил мало, почти ничего не обещал, был скромен. Зато поступал так, что создавался образ делового человека и потенциального спасителя России. Страдающее большинство россиян сфокусировало в личности Путина свои желания и надежды. Они не понимали (и в принципе не способны понять) того, что между намерением удовлетворить потребности (надежды, чаяния) людей и конкретным путем осуществления этого намерения, как говорится, дистанция огромного размера.

Политический переворот

К концу 1999 года популярность Путина достигла зенита. И по законам явлений такого рода она не могла слишком долго удержаться на этом уровне, она должна снижаться, что бы ни предпринимал человек в таком положении. Популярность есть массовое явление, есть состояние сознания масс. Я думаю, что к этому времени в «семье» сложился круг людей, которые поняли это. Они поняли, что ко времени официальных выборов президента ситуация в стране и в мире для ставленника «семьи» и для самой «семьи» может оказаться неблагоприятной. В России и на Западе были достаточно серьезные силы, действовавшие против Путина. Они надеялись внести свои коррективы в предвыборный процесс. И возможности у

них для этого были вполне реальные. Во всяком случае, полной уверенности в том, что ставленник «семьи» станет президентом, если выборы произойдут в намеченный срок, не было. Понимая это, упомянутые люди из ельцинской клики пошли на операцию, результатом которой явилось отстранение Ельцина от власти и назначение Путина исполняющим обязанности президента. На мой взгляд, операция эта была проведена умно и своевременно. Отстранение Ельцина прошло как добровольный уход от власти, причем убедительно мотивированный и долгожданный для большинства россиян. Законность формально была соблюдена, а от нее и требуется именно формальность, и не более того. Придираться было не к чему. Да и некому. Многие были ошеломлены, что вполне понятно.

Что бы тогда ни происходило за кулисами «Кремля» и что бы ни утверждали по этому поводу политики, политологи и журналисты, с социологической точки зрения рассмотренная операция была именно политическим переворотом, причем верхушечным. Употребляя выражение «политический переворот», я не вкладываю в него никакого негативного смысла. В наше время и в условиях постсоветской России политический переворот не обязательно есть нечто противозаконное и негативное. История человечества второй половины XX века породила множество новых социальных феноменов, которые еще только предстоит изучить социологам. Рассмотренный переворот принадлежит к их числу. Во всяком случае, никаких оснований для ухода Ельцина с поста президента всего за несколько месяцев до официальных выборов не было, кроме упомянутых выше опасений. Ссылки на состояние здоровья Ельцина лишены смысла, поскольку оно никогда не препятствовало исполнению той роли, какую ему навязали обстоятельства прошедшего периода.

Рассмотренный политический переворот предопределил исход официальных выборов. Выборы лишь узаконили фактическое положение в системе власти, сложившееся в результате переворота. Тогда исход выборов ни у кого не вызывал сомнения. Ведущие политики тогда пустили в оборот совершенно бессмысленное выражение «безальтернативные выборы», хотя в выборах участвовало множество кандидатов, среди которых был вполне серьезный конкурент Путина — Зюганов, как это было и в выборах 1996 года.

Социальная сущность переворота

Путинский политический переворот есть явление неоднозначное, как и вообще все более или менее значительные события российской истории последних десятилетий. Напоминаю, что Путин появился на высшем уровне российской власти как ставленник «семьи», которая была ненавистна широким слоям российского населения. И при этом он волею обстоятельств, не зависящих от «семьи», стал выразителем интересов и надежд именно этих слоев населения. Напоминаю, что к концу 90-х годов в широких слоях населения назрело недовольство ельцинским режимом такого уровня, что мысль о конце ельцинского периода стала всеобщей, чем-то само собой разумеющимся. Назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую систему власти и управления более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать ее, лишить ее вида, в каком она стала посмешищем во всем мире. Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализа-

ции этой потребности. Кто бы ни был организатором переворота и какими бы ни были субъективные намерения этих людей, этот переворот в сложившихся условиях России так или иначе содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для нее последствиям деятельности ельцинского режима, то есть последствиям западнизации России. Именно этим объясняется главным образом «чудо» взлета путинского рейтинга и того, что он был избран уже в первом круге. Именно так большинство россиян восприняло путинский переворот, придав ему определенный социальный смысл — смысл попытки сопротивления России насильственной западнизации и сопротивления превращению России в зону колонизации для глобального западнистского сверхобщества. Я считаю это третьей попыткой такого рода. Первой попыткой был «путч» в августе 1991 года, второй — восстание Верховного Совета в конце сентября — начале октября 1993 года.

Не следует забывать о том, что путинский переворот произошел в условиях, когда уже произошел разгром советской социальной организации и на ее месте стала складываться постсоветская организация, то есть в условиях фактически происходящей западнизации России, в условиях зависимости России от Запада, в условиях заинтересованности Запада в том, чтобы Россия и впредь оставалась в этом положении. Ельцинский курс эволюции России должен сохраняться, и Путин был допущен к власти, чтобы сохранить его и упрочить. Таким образом, третья попытка России высвободиться из пут западнизации и зависимости от Запада изначально содержит в себе противоречие: она заключена в рамки самой необходимости западнизации России и интеграции ее в глобальное сверхобщество, в котором доминирует Запад.

Одно дело — путь к власти, и другое дело — деятельность после прихода к власти. Эта деятельность зависит уже от других факторов, чем те, которые предопределили победу на выборах. Одно дело — желания и надежды масс людей, ставшие основой успеха на пути к власти, и другое дело — конкретный способ их удовлетворения в сложившихся условиях. С первых же шагов деятельности в качестве главы новой власти Путину пришлось столкнуться с сопротивлением со стороны тех, в интересах кого, казалось бы, был совершен политический переворот. Я имею в виду конфликты, связанные с олигархами, с Советом Федерации, со средствами массовой информации и другие. И они не случайны. Они неизбежны. Не эти, так какие-то другие.

При всех обстоятельствах Президент России вынужден осуществлять мероприятия, без которых невозможно решение назревших проблем исторического выживания России, в рамках совокупности объективно данных факторов. Основные из этих факторов суть природные условия, человеческий материал, сложившееся состояние страны, взаимоотношения с внешним миром (с Западом — в первую очередь) и наличная социальная организация страны. На последний из упомянутых факторов надо обратить особое внимание. От него в наибольшей степени зависит успех исторической миссии Путина. Он вынужден укрепить и усовершенствовать его. Но именно он является главным препятствием на пути к этому. Тут имеет место объективное историческое противоречие, преодоление которого может стать делом длительной и трудной исторической эпохи — путинской эпохи.

Постсоветский социальный строй

Коротко о постсоветском социальном строе (социальной организации), с которым приходится считаться Президенту. Этот строй сложился не путем некоей естественной эволюции советского общества, а был искусственно и насильственно навязан России силами Запада и силами внутренней контрреволюции в результате капитуляции Советского Союза в «холодной войне» с Западом, разгрома советского (коммунистического) социального строя и насильственной западнизации. При этом России навязывался не столько реальный социальный строй западного образца, сколько его идеологически-пропагандистский образ, какой был выгоден победителю с целью разгрома России и удержания ее под своим контролем. Этот постсоветский строй был умышленно сконструирован так, чтобы не допустить возрождения России как мировой сверхдержавы, способной конкурировать с Западом в борьбе за мировое господство. При этом западный образец навязывался не западному, а российскому народу, насаждался не в западных, а в российских условиях, навязывался населению с опытом жизни в рамках советской социальной организации. Так что избежать влияния разрушенной советской социальной организации было невозможно, как бы ее ни очерняли российские реформаторы и их западные манипуляторы.

В результате в постсоветской России в ельцинские годы сложился социальный гибрид из остатков советской социальной организации, с одной стороны, и искусственных изобретений в соответствии с пропагандистскими представлениями о западной социальной организации, с другой стороны. Получился социальный строй, практически не способный должным образом действовать в интересах большинства населения страны и в интересах страны в целом, но

зато способный направить страну на путь всесторонней деградации, внутренней атомизации, потери суверенитета и мирового престижа. Основная цель стратегов «холодной войны» была тем самым достигнута. Перед ними встала задача закрепить достигнутый результат и использовать Россию в своих новых стратегических планах наступающего нового столетия.

Русский путь

Хотя социальная организация постсоветской России и представляет собой социальный гибрид, на скорую руку сконструированный российскими реформаторами, он не является неким переходным состоянием к какому-то другому полноценному (чистопородному) образцу. К какому? Условия в современном мире таковы, что мыслимы только два исторически перспективных и социально полноценных образца — коммунистический и западнистский. Реставрация коммунистической социальной организации в России исключена. Для этого нет необходимых условий. Но если бы даже была какая-то возможность для этого, это вряд ли позволило бы преодолеть то состояние, в каком оказалась Россия в результате разгрома коммунистического строя в горбачевско-ельцинские годы. Если сейчас у России и есть какой-то шанс выкарабкаться из этого катастрофального состояния, то это возможно не на пути возвращения назад, к коммунизму, а на пути движения вперед — на пути западнизации. Мне кажется, что Президент Путин понимает это.

Многие усматривают в деятельности путинской власти тенденцию к советизации. Какие-то основания для этого есть. Но суть дела тут вовсе не в том, будто Путин стремится к советским образцам. Суть

дела глубже и серьезнее. Суть дела в том, что в современных условиях в России и в мире и в силу объективных социальных законов организации власти сильная система власти, способная справиться с нынешними российскими проблемами, может быть лишь властью, похожей на ту, какая имела место в советский период.

Такая тенденция к советизации вовсе не означает ослабления западнизации. Наоборот, последняя усиливается и будет усиливаться. Не заключено ли в этом логическое противоречие? Все зависит от того, как понимать западнизацию. Ее можно понимать и внедрять по-разному. Есть поверхностное копирование западной социальной организации в том виде, как ее изображают в идеологии и пропаганде («капитализм», «демократия», «плюрализм», «свободный рынок» и т. п.). И есть развитие страны в том направлении, в каком на самом деле эволюционирует современный западный мир после Второй мировой войны. Реальный социальный строй стран западного мира отличается от того, как он изображается в идеологии и пропаганде на Западе (да и в России), не меньше, чем реальный советский строй (реальный коммунизм) — от коммунизма идеологического.

Если всерьез начать действовать в интересах подъема России во всех аспектах ее социальной организации (в сфере власти, экономики, идеологии, культуры и т. д.), то кто бы ни взялся за это (коммунисты или антикоммунисты, западнисты или антизападнисты), они так или иначе будут вынуждены совершать действия, за которые одни будут их обвинять в стремлении реставрировать коммунизм, а другие — в стремлении насаждать западнизм. И не без оснований. Но это будет происходить не в силу каких-то идеологических пристрастий, а в силу объективных социальных законов организации власти, экономики и других сфер современных

больших человеческих образований. Эти законы универсальны. Например, стремление Президента Путина создать строгую вертикальную структуру власти не есть реставрация советизма, в чем его обвиняют. Это — общий закон, имеющий силу не только для коммунистических, но и для западнистских стран. Различны лишь формы проявления этого закона в зависимости от различия условий этих стран. С другой стороны, попытки Президента урегулировать ситуацию в отношении «олигархов» ошибочно рассматривать как атаку на западнизацию. Я тут усматриваю скорее стремление укрепления именно западнизации, но в тех ее формах, какие можно наблюдать в нормальных условиях реальных западных стран.

Если уж западнизация России, то в том направлении, в каком фактически эволюционирует западный мир. И чем стремительнее, тем лучше. Не просто плестись в хвосте у Запада, а проявлять творческую инициативу. Россия уже сыграла однажды роль новатора эволюционного процесса — в советский период. Сейчас Россия в таком состоянии, что насущная необходимость выживания, возможно, вновь вынудит нас на историческое новаторство. Опередить врага именно на том пути, на какой он нас вынудил и по какому он идет сам, — кто знает, может быть, в этом и состоит наш единственный шанс выживания.

Но чтобы этот шанс использовать, необходимо серьезное научное исследование основных социальных феноменов современности — коммунизма, западнизма, сверхобщества, западнизации, глобализации. Для этого нужна качественно новая социальная теория, какой еще нет в науке. Россия и в этом отношении может выступить новатором.

Август 2000 г.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Я несколько лет назад говорил и считаю, что правильно говорил, и настаиваю на этом: с окончанием «холодной войны» не закончилась война Запада против России — она вступила в новую фазу. Я назвал эту фазу «теплой» войной. И сейчас мы в России имеем «теплую» войну Запада против нашей страны.

«Теплая» война характеризуется тем, что в ней к методам «войны холодной» присоединяются методы «горячей» войны. Причем в современных условиях они обретают новые формы. В том числе — формы диверсий, когда и не распознаешь, что это именно диверсия, а не несчастный случай.

Что касается происшедшего с подводной лодкой «Курск», то тут у меня никаких сомнений нет. Это как раз классический пример «теплой» войны — тех самых методов, о которых я только что сказал.

В результате разгрома и капитуляции Советского Союза, разрушения нашей социальной системы силам Запада и прозападным силам внутри России удалось направить нашу страну на путь гибели. И по такому пути она движется начиная с горбачевско-ельцинских времен.

Были две попытки сопротивления этому. Первая — август 1991-го, она кончилась провалом. Вторая — сентябрь—октябрь 1993-го, тоже провал. Теперь, я считаю, время третьей попытки сопротивления заданному движению страны к исторической гибели, и я связываю эту попытку в значительной мере с приходом нового президента.

Ситуация в стране очень сложная. Оценивать в ней тот или иной шаг — за либо против — крайне непросто. Запутанная ситуация до предела, и чтобы как следует разобраться, нужен сложный социологический анализ.

В результате своего анализа я сегодня прихожу к следующему выводу. Сейчас в России действуют основные силы. Есть силы Запада, которые стремятся сохранить в стране вот это состояние хаоса, разрухи и деградации. Кем они представлены, я думаю, очевидно. И это не только вполне определенные партии — это рассредоточено по всей стране. Часто затрагивает и людей других партий, проходит через души отдельных лиц.

Вторая сила — это сила сопротивления. Она преследует и отстаивает национальные интересы России. Она стремится ослабить зависимость России от Запада, остановить процесс деградации и гибели. Относится ли к этой силе новый президент? Я бы сказал — да. Конечно, я вовсе не считаю правление Путина безупречным. Многое мне в нем, как и другим, не нравится — при желании мог бы писать статьи с разгромной критикой его. Но я делать этого пока не буду. Потому что в основном, на мой взгляд, Путин все-таки тяготеет к силам сопротивления, а в чем-то, может быть, даже олицетворяет их. Значит, я считаю, его в этом надо поддерживать.

Ну и третья сила. Или силы, поскольку это разные организации, учреждения, лица. В целом их сложившаяся ситуация устраивает. Они вроде бы склоняются к тому, чтобы отстаивать национальные интересы России, но вместе с тем часто ведут себя так, что это на руку разрушителям. Существование таких сил в сложных катастрофических ситуациях неизбежно.

Такое разделение, о котором я говорю, можно проследить везде и во всем. И в системе власти, и в экономике, и в сфере идеологии, в духовной сфере.

Такова ситуация. Те круги на Западе, те стратеги, которые манипулируют процессами у нас, пытаются их контролировать и определенным образом направлять, они отдают себе отчет в том, что происходит в России. Думаю, Путин остается чужим человеком

для Запада. Как я говорю, он проскочил по недосмотру. Он не креатура Запада, и могу утверждать (хорошо бы Путин услышал меня!): что бы вдруг он ни предпринял, дабы Западу понравиться, там его за своего не примут.

А «теплая» война Запада против нас, которую он ведет достаточно умно и глубоко, усиливается. Я не политик и не политолог. Мне часто говорят: «А вы докажите!» Но для меня доказательством является ход исторического процесса. Это высшее доказательство! И людям, не погрязшим полностью в политическом болоте, это должно быть очевидно.

Ясно, что вот сейчас развернулась целая кампания по дискредитации Президента, по дискредитации русской армии, флота и вообще всего лучшего, что еще осталось в России. Я читаю западные газеты, слежу, как это происходит у нас. И знаете, я потрясен! Всё пытаются взвалить на нас же, на наши вооруженные силы, на командование армии и флота. Но ведь если в России что-то и сохранилось достаточно высокого морального и интеллектуального уровня, так именно армия, военно-морской флот, военно-промышленный комплекс. Именно это сейчас и пытаются окончательно дискредитировать, добить.

Я слушал выступление Руцкого. Как он, русский офицер, может такое говорить! Я сам бывший офицер Советской, русской армии, и если бы сохранилась традиция дуэли, вызвал бы его на дуэль.

И с Останкинской башней, и с «Курском» все переворачивают с ног на голову. Хотят внушить, что чуть ли не недоделки, допущенные при советской власти, привели к пожару в Останкине. Какая чепуха! Да тому архитектору и тем советским строителям памятник золотой надо поставить. Ведь несмотря на то, как чудовищно эта башня использовалась в последнее десятилетие, как из нее технически выжима-

лось все возможное и невозможное, сколько она выдержала! И даже такой огромной силы пожар не свалил ее.

А «Курск»? Это же чудо современной военной техники. Потому его и уничтожили — я уверен, правду об этом мы не скоро узнаем, если вообще узнаем когда-нибудь.

Да, война Запада и прозападных сил против национального сопротивления в России усиливается и будет усиливаться. Не случайно появление вдобавок к так называемому «Союзу правых сил» и прочим подобным еще «конструктивной оппозиции» Березовского. С точки зрения интеллектуальной это смехотворное явление, но социальная его суть серьезна, и относиться к такого рода действиям надо серьезно.

Происходит консолидация антирусских, антинациональных, прозападных сил! Пришло время, чтобы и силы, которые по-настоящему заинтересованы в выживании России как суверенного государства, тоже консолидировались. Быстрее, энергичнее, в новых каких-то формах. Это, на мой взгляд, важнейшая сегодня задача!

Полнее при этом патриотическим силам надо использовать, во всю мощь тот колоссальный интеллектуальный потенциал, который еще сохранился в стране. Сейчас к вершинам власти, насколько я вижу, по-прежнему устремляются далеко не лучшие люди. А те, кто представляет истинный, интеллектуальный капитал, остаются не у дел. Но они ведь не способны расталкивать кого-то локтями. Они не для этого вырастали, учились и работали всю жизнь.

Я подчеркиваю: Россия интеллектуально и сейчас располагает мощнейшим людским ресурсом. Уверен, если его как следует, умело и разумно использовать, это поможет стране даже из того состояния, куда ее отбросили, снова вырваться вперед.

Нам дается сегодня, может быть, последний шанс, чтобы остановить силы разрушения. Нам надо этот шанс непременно и сполна использовать!

Сентябрь 2000 г.

ВПЕРЕД, НА ПРОРЫВ!

В истории разрушения советского (коммунистического) социального строя и в возникновении на его месте постсоветского (посткоммунистического) социального строя можно уже констатировать три периода, символизируемые именами Горбачева, Ельцина и Путина. Я и буду их называть соответственно горбачевским, ельцинским и путинским. Употребление этих названий вовсе не означает, будто, по мнению автора статьи, упомянутые периоды явились результатом чисто субъективных вымыслов и усилий символизирующих их личностей. Ни в коем случае! Я не отрицаю того, что эти личности сыграли определенную роль в силу своих личных качеств и намерений. Но я придерживаюсь той банальной истины, что имелись достаточно серьезные исторические обстоятельства, обусловившие рассматриваемые периоды и вытолкнувшие символизирующие их личности на определенную роль в них. Я рассматривал эти обстоятельства в многочисленных публикациях и публичных выступлениях, в том числе в книгах «Горбачевизм» (1988), «Кризис коммунизма» (1990), «Русский эксперимент» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Глобальное сверхобщество и Россия» (2000). В этой статье, кратко упомянув о двух первых периодах, я буду рассматривать третий, только что начавшийся период русской истории, который символизируется, естественно, именем Президента В.В. Путина, причем буду рассматривать исключительно с социологической точки зрения.

Горбачевский период

В горбачевский период завершилась «холодная война». Распался советский (коммунистический) блок. В странах Восточной Европы был разрушен коммунистический социальный строй. Советский Союз капитулировал перед Западом. В нем разразился всеобъемлющий (системный) кризис, принявший форму перестройки. Высшее советское руководство подпало под влияние сил Запада. В стране сложилась мощная «пятая колонна» Запада. По инициативе сверху и под давлением со стороны Запада (извне) началось интенсивное разрушение советской системы власти. Кризис стал переходить в распад всех социальных основ страны. Запоздалая попытка остановить этот процесс, принявшая форму «путча» в августе 1991 года, фактически сыграла провокационную роль. Ее результатом явился распад Советского Союза и антикоммунистический (антисоветский) социальный переворот. Этот переворот был подготовлен в горбачевские годы антисоветскими (антикоммунистическими) силами, сложившимися в стране. Подготовлен под руководством горбачевской клики, манипулируемой силами Запада. Он был осуществлен как диверсионная операция сил Запада. Осуществлен как заключительная операция «холодной войны». Запад одержал величайшую в его истории победу.

Ельцинский период

В ельцинский период произошел антикоммунистический переворот в России. Он начался в августе 1991 года и завершился в октябре 1993 года расстрелом Верховного Совета (Белого дома). Был разгромлен советский (коммунистический) социальный

строй и на его месте был наспех сляпан постсоветский строй. Скажу кратко о том, что из себя представляет этот строй.

Постсоветский социальный строй сложился под влиянием комплекса исторических факторов, главными среди которых являются следующие два.

Первый фактор заключается в том, что постсоветский строй возник не путем некоей естественной, внутренней эволюции советского общества, а был насильственно навязан России силами Запада (извне) и «пятой колонны» Запада в России (сверху) в результате капитуляции Советского Союза перед Западом в «холодной войне» — как средство насильственной западнизации России. При этом России навязывался не столько реальный социальный строй западного образца, сколько его идеологически-пропагандистский образ, какой был выгоден победителю с целью разгрома России и удержания ее под своим контролем и использования ее в своих интересах. Этот строй был умышленно сконструирован так, чтобы не допустить возрождения России как мировой державы, способной конкурировать с Западом в борьбе за мировое господство.

В результате в постсоветской России сложился социальный гибрид из остатков советской социальной организации, с одной стороны, и искусственных изобретений в соответствии с идеологически-пропагандистскими представлениями о западной социальной системе — с другой. Получился социальный строй, практически неспособный должным образом действовать в интересах большинства населения страны и в интересах страны в целом, но зато способный направить страну на путь всеобщей деградации, внутренней атомизации, потери суверенитета и мирового престижа. Основная цель западных стратегов «холодной войны» была достигнута. Перед ними встала задача закрепить полученный результат и использовать

Россию в своих новых стратегических планах нового столетия.

Второй из упомянутых выше факторов заключается в том, что при формировании новой социальной организации разгромленной России действовал объективный социальный закон регенерации: если в человеческом объединении разрушается его социальная организация, но при этом сохраняется человеческий материал и основные условия его выживания (геополитические условия, материальная культура, традиции, духовная культура и т. д.), то вновь создаваемая социальная организация оказывается в ряде существенных черт близкой к разрушенной. Западный образец навязывался не западному, а российскому народу, насаждался не в западных, а в российских условиях, навязывался населению с опытом жизни в рамках советской социальной организации. Так что избежать влияния разрушенной советской социальной системы было невозможно, как бы ее ни очерняли российские реформаторы и их западные манипуляторы.

Закат ельцинизма

Ельцинский режим сыграл свою историческую роль — возглавил и мобилизовал российское население на разгром советской (коммунистической) социальной организации, на создание новой (постсоветской) социальной организации по западным образцам и под диктовку Запада и на низведение России с уровня великой мировой державы на уровень зоны колонизации для Запада. В силу объективных законов социальной эволюции он полностью изжил себя, стал угрозой самим «завоеваниям» западнизации России. Он осточертел не только большинству россиян, но даже своим западным покровителям и манипуляторам.

Естественно, должен был появиться человек, который возглавил бы назревший переход России к постельцинскому периоду социальной эволюции, сущность которого можно определить так: закрепление результатов контрреволюции горбачевско-ельцинского периода, завершение формирования постсоветской социальной организации, преодоление вопиющих дефектов ельцинского режима и нормализация условий жизни населения в рамках новой организации. И такой человек появился: это — В.В. Путин. Появление его не было фатальным. Эту роль мог сыграть кто-то другой. Но сущность роли была бы той же самой.

Путин появился на высотах политической жизни России не как избранник «народа», а как чиновник, делавший успешную служебную карьеру, и как ставленник «семьи» («Кремля», ельцинской клики). Это бесспорно. Но кто, делающий политическую карьеру, не становится на каком-то ее этапе чьим-нибудь ставленником?! Горбачева вытянул из провинции в ЦК КПСС Андропов. Ельцина выдвигали Горбачев и даже Лигачев. Наполеон был ставленником членов Директории. А как он обошелся с ними! Путин профессионально работал в системе власти. Естественно, он на кого-то работал и кто-то его поддерживал. Путин был хорошим работником, иначе он профессиональную карьеру не сделал бы. Естественно, «семья» выдвигала Путина, преследуя свои интересы. Было бы нелепо, если бы она выдвинула того, кто априори стал бы действовать во вред ей. Но она выдвигала его на ответственный пост, рассчитывая на то, что он справится с обязанностями на этом посту. И, судя по поведению Путина, она в этом отношении не ошиблась. «Семья» выдвигала Путина как своего человека, но то, какую роль ему предстояло сыграть, зависело от обстоятельств, неподконтрольных «семье».

Выражения «Кремль» и «семья» употребляются как синонимы. А между тем тут совпадение лишь частичное. Первое обозначает определенное подразделение в системе власти, а второе — конкретную группу лиц, захвативших в свои руки это подразделение власти. «Семья» немыслима без Ельцина и близких ему людей, «Кремль» был до «семьи» и остался после того, как «семью» оттуда выставили. Путин был выдвинут «семьей» на роль главы правительства, а затем — на роль главы «Кремля» как высшего органа власти, но не на роль главы «семьи». И именно это его новое положение, а не эгоистические интересы «семьи» вынудило его играть роль выразителя национальных интересов России, а в сложившихся условиях — оказывать сопротивление Западу.

Спаситель России

Рейтинг Путина с появлением его на арене высшей политики стал стремительно расти. Справедливости ради надо признать, что средства массовой информации не очень-то старались на этот счет и даже отчасти пакостили. Главный фактор, определивший рост популярности Путина, заключается в том состоянии, в каком оказалась основная масса россиян ко времени его выдвижения, и в ее умонастроениях. Нет надобности описывать их, это общеизвестно. Недовольство ельцинским режимом достигло высочайшего уровня в самых различных слоях населения и в самых различных аспектах их жизни. На первый план вышла настоятельная потребность в наведении элементарного общественного порядка, потребность во власти, способной навести в стране такой порядок. Жажда и ожидание спасителя овладели умами и чувствами десятков миллионов россиян. Российское население раздели-

лось на тех, кого вполне устраивало положение, сложившееся в стране благодаря ельцинскому режиму, и на тех, кто так или иначе страдал от него и жаждал перемен, видя путь к ним в сильной власти. А такая сильная власть представлялась не в другой системе власти, а в другой личности.

Все известные личности на политической арене России, претендовавшие на высшую власть, либо порядком надоели широким кругам населения, либо были недостаточно известны и популярны, либо вообще не вызывали доверия. Никто не тянул на роль потенциального спасителя гибнущей России. Путин появился на этой арене как человек новый, в сознании масс не связанный с виновниками бед. Он сделал служебную карьеру как профессиональный аппаратчик с довольно узкой специализацией, не проходивший выборных процедур, не восседавший в президиумах собраний, короче говоря — за кулисами публичной активности. Те качества, которые у него выработались при этом, сработали в его пользу, когда он был вытолкнут на роль руководителя. Он резко выделился из прочей массы претендентов на высший пост в системе власти по поведению: он совершал поступки по правилам власти, в то время как прочие лишь говорили о власти. Он имел возможность на такие поступки, поскольку уже находился у власти. Тут несущественна масштабность и важность поступков с какой-то иной точки зрения. Важно то, что люди реагировали на них именно как на показатели способности правителя властвовать, что и требовалось. Повторяю и подчеркиваю, Путин уже обладал властью и демонстрировал, на что он способен, тогда как его конкуренты воспринимались как правители с негативным опытом или как говоруны на тему о власти. Все говорили о спасении России. Путин говорил мало, зато действовал так, что создавался

образ потенциального спасителя России. Страдающее большинство российского населения сфокусировало в личности Путина свои желания и надежды.

Политический переворот

К концу 1999 года популярность Путина достигла зенита. Я думаю, что в «семье» к этому времени уже сложился круг людей, понимавших, что рост популярности Путина недолговечен, что через некоторое время она начнет снижаться, и ко времени официальных выборов президента ситуация в стране для ставленника «семьи» и для самой «семьи» будет весьма неблагоприятной. В России и на Западе были достаточно серьезные силы, действовавшие против Путина. Они рассчитывали внести свои коррективы в предвыборный процесс. И возможности у них для этого были вполне реальные. Во всяком случае, уверенности в том, что ставленник «семьи» станет президентом, если выборы произойдут в намеченный срок, не было. Понимая это, упомянутые люди «семьи» пошли на операцию, результатом которой явилось отстранение Ельцина от власти и назначение Путина исполняющим обязанности президента. Операция эта, на мой взгляд, была проведена блестяще. Выбран подходящий момент. Отстранение Ельцина прошло как добровольный уход от власти, причем убедительно мотивированный. Формально законность была соблюдена. Придираться было не к чему. Да и некому.

Но что бы ни происходило тогда за кулисами власти и что бы ни утверждали по этому поводу политологи, политики и журналисты, с социологической точки зрения рассмотренная операция была политическим переворотом. В наше время и в условиях

постсоветской России политический переворот не обязательно есть нечто противозаконное. Во всяком случае, никаких оснований для ухода Ельцина с поста президента всего за несколько месяцев до официальных выборов не было, кроме указанных выше опасений.

Рассмотренный политический переворот предопределил исход официальных выборов. Выборы лишь узаконили результат переворота. Тогда исход выборов не вызывал ни у кого сомнения. Подавляющее большинство россиян отнеслось к перевороту более чем одобрительно.

Историческое отступление

Произошедший в горбачевско-ельцинские годы антикоммунистический (антисоветский) переворот напомнил мне события начала войны 1941—1945 годов против гитлеровской Германии. Тогда целые полки, дивизии и даже армии без боя сдавались врагу. Но в конце концов мы все-таки опомнились. Была оборона Москвы, была Сталинградская битва, был штурм Берлина и многое другое. Была победа над сильнейшей в истории армией врагов в величайшей в истории войне. Было возвышение нашей страны на уровень одной из двух сверхдержав планеты. Иначе обстояло дело в горбачевско-ельцинские годы. Один за другим были без боя сданы все бастионы коммунизма. Ожидавшийся «новый Сталинград» не состоялся ни в августе 1991 года и ни в октябре 1993 года.

Неужели не состоится третья попытка?!

Я вспомнил один из эпизодов первых дней войны 1941—1945 годов. Наша армия отступала. Немцы отрезали и окружили группу из нескольких сот человек. Немцев было раз в пять больше. Вооружены они были неизмеримо лучше. Русские были измотаны, голодны,

деморализованы. Немцы через рупоры объявили, что русские обречены, что основные силы ушли далеко на Восток и выручать окруженных не будут, и предложили окруженным русским сдаваться. Часть окруженных решила, что положение действительно безнадежно, что они обречены, что нужно сдаваться. Они бросили оружие и пошли сдаваться. Немцы перебили их всех. Оставшиеся решили, что положение действительно безнадежно, что они обречены, но именно поэтому они должны сражаться до последнего. Они подобрали брошенное капитулянтами оружие. Безымянный командир скомандовал: «Вперед, на прорыв!» И они бросились в атаку, на прорыв. Большинство из них пало в неравном бою. Но кое-кто прорвался. Так неужели сейчас в нашей огромной стране не наберется достаточно большое число мужественных людей, готовых свершить нечто подобное в нынешней ситуации в России?! Неужели не найдутся вожди, способные повести их в такую атаку?! И можно ли надеяться на то, что путинский переворот будет началом такой атаки?!

Третья попытка

Путинский политический переворот есть явление неоднозначное, как и вообще все более или менее значительные события советской и российской истории последних десятилетий. Они хамелеонообразны, как и их инициаторы и участники. К концу 90-х годов в широких слоях населения назрели недовольство ельцинским режимом и жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую систему власти и управления более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать ее, лишить ее вида, в каком она стала посмешищем во всем мире.

Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности.

Кто бы ни были организаторы переворота и какими бы ни были их субъективные намерения, этот переворот объективно, в сложившихся в России и на Западе условиях, так или иначе содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для нее последствиям западнизации (американизации и глобализации). Именно этим главным образом объясняется «чудо» путинского рейтинга. Во всяком случае, широкие слои российского населения именно так восприняли путинский переворот и сфокусировали в личности Путина свои потребности и надежды. Этот переворот не был спланирован в Вашингтоне, так я думаю. Путин появился на исторической арене не как креатура Вашингтона. Скорее всего, он «проскочил» по недосмотру, даже по ошибке тех, кто организовывал переворот.

Избрание В.В. Путина президентом России в первом круге есть не просто личный успех конкретной личности. Это — событие большой исторической важности. На мой взгляд, это — самое значительное социальное событие в жизни постсоветской России. Я расцениваю его как третью попытку сопротивления России насильственной западнизации и превращения ее в зону колонизации со стороны глобального западнистского сверхобщества (глобализации). Первой попыткой я считаю «путч» в августе 1991 года, второй — восстание Верховного Совета в конце сентября — начале октября 1993 года. В этом состоит социальная сущность события, независимо от того, какими были и какими являются субъективные намерения активных участников его.

Но не следует забывать о том, что путинский переворот произошел в условиях западнизации России, в условиях зависимости России от Запада, в услови-

ях заинтересованности Запада в том, чтобы Россия и впредь оставалась под контролем Запада и служила его интересам. Вашингтон недвусмысленно заявил, что ельцинский курс должен соблюдаться. И если это требование не будет выполняться, можно со стопроцентной уверенностью предсказать, что Запад (Вашингтон) будет делать все от него зависящее, чтобы ограничить позитивные последствия путинского переворота для России, скомпрометировать их и свести на нет.

Таким образом, третья попытка России высвободиться из пут западнизации и глобализации изначально содержит в себе противоречие: она заключена в рамки самой необходимости западнизации и глобализации.

У власти

Одно дело — путь к власти, и другое дело — деятельность по достижении власти. Эта деятельность зависит уже от других факторов, чем те, которые предопределили победу на выборах. Одно дело — желания и надежды масс людей, ставшие основой успеха на пути к власти, и другое дело — конкретный путь их удовлетворения в сложившихся условиях.

Исторический путь Путина начался с курьеза: ставленник «семьи», ненавистной широким слоям населения, стал выразителем интересов этих слоев. И с первых же шагов его деятельности в качестве главы новой власти ему пришлось иметь дело с другим курьезом: с сопротивлением тех, в интересах кого, казалось бы, был совершен политический переворот. Я имею в виду конфликты, связанные с финансовыми олигархами, с Советом Федерации, со средствами массовой информации и др. С социологической точки зрения в этих явлениях, однако,

нет ничего курьезного. Они-то как раз закономерны, поскольку они суть проявления закономерностей в конкретной реальности, которых можно избежать на словах, но не на деле.

При всех обстоятельствах президент страны вынужден исполнять свои обязанности главы системы власти, имеющей свои объективные социальные законы, неподвластные воле президента, и должен это делать в рамках совокупности объективно данных факторов. Основные из этих факторов суть природные условия страны, человеческий материал, сложившееся до избрания президента состояние страны (власти, экономики, идеологии, культуры и т. д.), наличная социальная организация, взаимоотношения с внешним миром (с Западом — в первую очередь).

Путинская власть обнаруживает тяготение постсоветской системы власти к советскому образцу, поскольку в российских условиях и в силу объективных социальных законов организации власти сильная государственная власть, способная справиться с нынешними российскими проблемами, может быть лишь властью такого типа, какая сложилась в советское время в России, причем сложилась независимо от лозунгов марксистского коммунизма и даже вопреки им, сложилась в силу необходимости и по законам власти как таковой.

Сказанное выше касается только самоорганизации власти. Но это имеет место не изолированно, а в связи с прочими компонентами социальной организации, и прежде всего — в связи с экономической и идейной сферами. Тут действует другой объективный социальный закон — закон взаимного соответствия различных компонентов социальной организации. Не говоря уж о том, что в рамках самой системы власти имеет место несоответствие тенденций советизации и западнизации (демократизации), делающее систему в целом неэффективной, такое несоответствие имеет

место также между системой власти и другими сферами социальной организации. При попытке осуществить контроль над экономической и идейной сферами новая власть немедленно ощутила это.

Усиление тенденции к советизации не означает ослабления западнизации. Наоборот, последняя усиливается и будет усиливаться. Не противоречит ли это сказанному выше? Если рассматривать западные страны в привычных понятиях, выработанных применительно к эпохе обществ, противоречие несомненно. Но западный мир уже вступил в эпоху сверхобществ. И в западнистской социальной организации уже сложилась сверхвласть, важнейшим компонентом которой является механизм денежного тоталитаризма. Российский гибрид советизма и западнизма формируется в сфере власти как гибрид на уровне сверхвласти, необходимой частью которой является денежный механизм. В России он пока принимает уродливые формы (как и механизм власти политической!), воспринимаемые как уклонение от неких норм. Но это состояние преходяще. Россиянам придется примириться и с этим «благом» постсоветской эпохи, как они уже примирились с президентской властью.

Нечто подобное происходит и в других сферах России — в идеологии, образовании, культуре и т. д. Российский постсоветский социальный гибрид формируется как сверхобщество в рамках западнизма, но с неистребимым наследием советизма. Это и есть тот особый, третий путь, по которому пошла Россия после антикоммунистической контрреволюции 1991—1993 годов и с которого она вряд ли свернет в обозримом будущем. Историческая роль, которую в силу необходимости придется сыграть Путину, заключается, по всей вероятности, в том, чтобы закрепить результаты горбачевско-ельцинской контрреволюции и несколько нормализовать условия жизни российского населения в этих рамках. В какой мере это удастся

на деле, пока судить трудно. Несомненно одно: в России сейчас просто нет сил для того, чтобы выйти за эти рамки решительно и открыто, с вызовом по отношению к Западу.

Вперед, на прорыв!

Хотя социальная организация постсоветской России и представляет собой социальный гибрид, на скорую руку сконструированный российскими реформаторами, он не является неким переходным состоянием к какому-то нормальному, достойному уважения образцу. К какому? Условия в современном мире таковы, что мыслимы только два исторически перспективных и социально нормальных (полноценных) образца — коммунистический и западнистский. Реставрация коммунистической социальной организации в России исключена на 100 процентов. Для этого нет необходимых условий. Возникнув при уникальном стечении обстоятельств, она могла существовать столетия. Но она разрушена. Вернуть Россию в состояние, при котором было бы возможно ее возрождение, не удастся уже никогда. Качественно изменились социальная структура населения страны и его идейное состояние. Отброшена и дискредитирована коммунистическая идеология. Она стала неадекватной современным условиям в мире. Эти условия таковы, что всякая серьезная попытка реставрации коммунизма будет немедленно пресечена военными силами глобального западнистского сверхобщества.

Для реставрации коммунизма необходимы и неизбежны жертвы. А о тех жертвах, какие пришлось пережить российскому населению при исполнении исторической миссии не столь давнего прошлого, помнят до сих пор. Маловероятно, что россияне вновь окажутся способными на нечто подобное ради

сомнительного «светлого будущего». В великой истории ничто не дается даром, без жертв, без усилий. За все надо как-то расплачиваться. Если придется выбирать — великое и светлое будущее ценой неимоверных усилий ряда поколений, в которое теперь мало кто верит, или жизнь в уже сложившихся формах без таковых усилий, — россияне, скорее всего, предпочтут последнее.

Я всегда считал и считаю, что советский (коммунистический) период истории России был вершиной ее социальных и глобальных достижений. Тем не менее я убежден, что в современных условиях в России и на планете выбраться из нынешнего катастрофального состояния путем реставрации советского коммунизма невозможно. И с этой реальностью надо считаться. Но если бы даже была какая-то возможность реставрировать коммунизм, это вряд ли позволило бы преодолеть то состояние России, в котором мы находимся. Если у России сейчас и есть какой-то шанс выкарабкаться из этого катастрофального состояния, то это возможно не на пути возвращения назад, к коммунизму, а на пути движения вперед — на пути западнизации.

Но западнизацию можно понимать и внедрять поразному. Есть западнизация и западнизация. Есть поверхностное копирование западной социальной организации в том виде, как ее изображают в идеологии и пропаганде («капитализм», «демократия», «свободный рынок», «плюрализм» и т. п.). И есть развитие страны в том направлении, в каком на самом деле эволюционирует современный (после Второй мировой войны) западный мир. Реальный социальный строй западного мира отличается от того, как он изображается в идеологии и пропаганде на Западе (да и в России), не меньше, чем реальный советский строй (реальный коммунизм) — от коммунизма идеологического.

Если всерьез начать действовать в интересах подъема России во всех аспектах ее социальной организации, то кто бы ни взялся за это (коммунисты или антикоммунисты, западнисты или антизападнисты), они будут вынуждены поступать так, что одни будут обвинять их в стремлении реставрировать коммунизм, а другие — в стремлении насаждать западнизм. И не без оснований. Но не в силу каких-то идеологических пристрастий, а в силу объективных социальных законов организации власти, экономики и других сфер общества. Эти законы универсальны. Например, попытки президента В.В. Путина установить вертикальную структуру государственной администрации не есть реставрация советизма, в чем его обвиняют. Это — общий закон организации власти, имеющий силу не только для коммунистических, но и для западных стран.

Если уж западнизация России, то в том направлении, в каком эволюционирует фактически западный мир. И чем стремительнее, тем лучше. И не просто плестись в хвосте у Запада, а проявлять творческую инициативу. Россия однажды уже сыграла роль новатора эволюционного процесса — в советский период. Сейчас Россия в таком состоянии, что, может быть, насущная необходимость выживания вновь вынудит нас на историческое новаторство. Опередить врага именно на том пути, на какой он нас вынудил и по какому он идет сам, — может быть, в этом и состоит наш единственный шанс выживания.

Но чтобы использовать этот шанс, необходимо серьезное научное исследование основных феноменов современности — коммунизма, западнизма, перехода человечества на уровень сверхобщества, образования глобального сверхобщества и процессов западнизации и глобализации. Для этого нужна новая социальная теория, такой еще нет в науке. Россия и в этом отношении может выступить новатором. Без

такой теории российская власть не может обрести уверенности в своей деятельности — выработать социально-политическую стратегию и настойчиво проводить ее в своей повседневной работе. Я уж не говорю о важности такой теории для воспитания масс и подготовки специалистов, которым предстоит титанический труд по спасению России.

Я убежден в том, что выработка идеологии возрождения России на основе новой научной теории, о которой я говорил, есть столь же необходимое условие исторического выживания России как великой державы, как и создание сильной и дееспособной системы власти и современного прогрессивного бизнеса, ориентирующегося на национальные интересы России и на высшие достижения западной культуры бизнеса.

Сентябрь 2000 г.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Субъективные и объективные факторы

Свойства человеческого объединения, его социальная организация, образ жизни входящих в него людей и его историческая эволюция определяются множеством факторов. Их можно разделить на субъективные и объективные. К числу субъективных факторов я отношу интеллектуальное, психологическое, моральное, культурное и идеологическое состояние членов объединения и объединения в целом, то есть все то, что образует менталитетный аспект (аспект сознания) человеческого объединения и его членов. К числу объективных факторов я отношу прочие факторы, которые возникают, существуют и действуют независимо от того, какими конкретными чертами обладают факторы субъективные, и независимо от

того, осознаются они членами объединения или нет, считаются с ними члены объединения в своей деятельности или нет. Это, например, природные условия страны, положение в окружающем мире, социальные законы.

Объективные и субъективные факторы действуют совместно, так что обычно трудно установить, какие из них и в какой мере повинны в тех или иных явлениях жизни. Например, можно создать управляющий орган объединения в строгом соответствии с объективными условиями страны и с объективными законами социальной организации системы власти и управления. Но если его укомплектовать некомпетентными специалистами, дураками и жуликами, то он будет работать плохо. И разобраться, кто тут виноват, не так-то просто, поскольку «судьи» сами подвержены действию субъективных факторов. История нашей страны необычайно богата негативным опытом, когда на социальную систему сваливали то, в чем повинны были качества занятых в ней людей, и, наоборот, на людей сваливали дефекты социальной системы.

Менталитетная сфера

Нет надобности доказывать, что субъективные факторы играют огромную роль в образовании, жизни и эволюции человеческих объединений (скажем — человейников). В современных человейниках большое число людей профессионально имеют дело с этими факторами, то есть занимаются формированием менталитета членов человейника, воспитанием, образованием, развлечением, снабжением «пищей» для сознания, управлением путем воздействия на сознание и т. д. Эти люди специально готовятся для исполнения своих функций, живут за их счет, както организуются, короче говоря — образуют особую

сферу человейника — менталитетную. Эта сфера наряду со сферами власти, управления, права и экономики является одной из важнейших частей социальной организации человейников.

В менталитетную сферу входят работники учебных заведений, исследовательских центров, средств массовой информации, религиозных организаций, издательств, творческих профессий и т. д. Они рассеяны по человейнику, работая в разнообразных учреждениях, организациях и предприятиях. Но они так или иначе вступают в различные связи и отношения, образуют связный компонент социальной организации. В коммунистических странах он был явным образом организован в единое целое благодаря идеологическому механизму, осуществлявшему контроль за всей сферой. В западных странах такой явной формальной связи нет. Тем не менее внимательный наблюдатель и там может заметить скрытую за внешним хаосом внутреннюю организованность.

Менталитетная сфера в современных человейниках огромна. По числу занятых в ней людей и по размерам потребляемых ею ресурсов она вполне сопоставима со сферой власти и управления. И это — не прихоть, а жизненная необходимость. Человейник в современных условиях не может существовать на достаточно высоком уровне развития и охранять свой суверенитет без высокоразвитой и сильной менталитетной сферы, — обстоятельство, которое не мешало бы принимать во внимание нынешним правителям и хозяевам России.

Недоумение

В горбачевско-ельцинские годы в России произошел антикоммунистический переворот эпохального масштаба, определивший направление эволюции че-

ловечества по крайней мере на несколько десятилетий. Он породил недоумение в умах миллионов людей самых различных категорий во всех странах мира. Особенно сильное недоумение вызвала та поразительная быстрота и легкость, с которой это произошло. Называли это «бархатной революцией». Переворот был неожиданным даже для тех, кто ранее говорил о неизбежном крахе коммунизма и активно трудился над тем, чтобы он рухнул. Грозный исторический враг Запада, угрожавший стать «светлым будущим» для всего человечества, включая страны Запада, буквально в считанные дни как будто испарился. Причем без выстрелов, без взрывов бомб, без грома пушек, без баррикад, без единой жертвы со стороны Запада. Действительно, есть от чего недоумевать!

Аналогичные недоумения возникали и ранее, когда Советский Союз добивался успехов вопреки тому, что враги и недоброжелатели предрекали провалы и поражения. Недоумевали даже доброжелатели, сомневавшиеся в возможности успехов. Эти недоумения явились следствием того, что не принимались во внимание субъективные факторы или они оценивались ложно. А между тем как в подъеме Советского Союза и в его поразительных достижениях, так и в его упадке, провалах и не менее поразительной гибели его социального строя решающую роль сыграли именно факторы субъективные.

Русский коммунистический эксперимент

Русский (советский) коммунистический эксперимент интересен тем, что впервые в истории человечества субъективные факторы сыграли качественно новую роль — роль в возникновении направления в эволюционном процессе человечества, отличном от того, в каком шел западный мир. И первой акцией

эпохального масштаба в этом процессе явился тот факт, что русская революция 1917 года превратилась в социалистическую (коммунистическую). Без марксистской идеологии, без партии революционеров, убежденных в коммунистических идеалах, без миллионов людей, готовых пойти на любые жертвы ради результатов коммунистической революции, коммунистическая социальная организация в Советском Союзе не появилась бы на исторической арене. Без колоссальной просветительской деятельности советской власти, без всеобъемлющей идеологической обработки населения, без советской системы образования и науки Советский Союз не выстоял бы в необычайно трудных условиях, не одержал бы победу в самой грандиозной войне против самого сильного врага в истории, не стал бы в поразительно короткие сроки второй сверхдержавой планеты.

В результате Октябрьской революции 1917 года в России (в Советском Союзе) сложился человейник более высокого уровня социальной организации, чем общество, а именно — сверхобщество. Первое в истории сверхобщество глобального масштаба и с претензией на мировую гегемонию. Это означало, что произошло изменение самого типа эволюционного процесса: стихийный эволюционный процесс уступал место проектируемому и сознательно направляемому — управляемому. При этом качественно менялась и роль субъективных факторов. Организация менталитетной сферы становилась одним из важнейших компонентов социальной организации советского сверхобщества вообще, употребляя марксистскую терминологию — становилась важнейшей частью самого базиса человейника. Этого не поняли тогда сами строители русского коммунизма и советские теоретики. Да и сейчас это важнейшее явление социальной эволюции человечества остается непонятым.

Гибель русского коммунизма

В гибели русского коммунизма повинен сложный комплекс как внутренних, так и внешних факторов. И решающими в этом комплексе были факторы субъективные, ибо русский коммунизм погиб насильственной смертью в самом начале своего исторического пути. Он был убит, потому что оказался слишком опасным и заразительным для человечества конкурентом социальному строю западного мира. Он был умышленно разрушен в результате антикоммунистического переворота. Я здесь скажу кратко о некоторых из субъективных факторов, сохранивших актуальное значение и в наше постсоветское время.

В комплексе внешних факторов главным было то, что сразу же после окончания победоносной для Советского Союза войны с Германией началась война западного мира, возглавлявшегося США, против Советского Союза. Война особого типа, получившая название «холодной». Она получила это название потому, что главным объектом атак была менталитетная сфера Советского Союза и стран советского блока, то есть факторы именно субъективные. И главным оружием в ней были средства воздействия на сознание людей советского блока — средства идеологические, пропагандистские, культурные, коммуникационные, информационные. Использовались и другие средства — политические, дипломатические, экономические, военные, разведывательные, диверсионные. Но главными были средства менталитетные. Поскольку в них ядро и организующую основу образовывали средства идеологически-пропагандистские, их для краткости называли идеологическими (так поступим мы и здесь). Характерный пример к сказанному: средства войны в традиционном смысле к концу войны и после нее развились до высочайшего уровня (достаточно назвать ядерное оружие),

но в «холодной войне» они играли роль средств устрашения, то есть как фактор субъективный.

Обычно при объяснении того, почему война Запада против советского коммунистического блока приняла вид войны «холодной», а не «горячей» (какими были войны прошлого), приводят фразу какого-то западного инициатора «холодной войны», будто русские непобедимы в обычной войне, и потому надо вести войну идеологическую. Эта фраза не имеет никакого научного смысла, ибо русских не раз побеждали и в обычных войнах. Дело тут гораздо серьезнее, глубже. Западные стратеги и теоретики поняли, что мировой коммунизм, возглавлявшийся Советским Союзом, привнес в эволюцию человечества новое направление, угрожавшее самому существованию западного направления, западной цивилизации, причем направление, социальную основу которого образовывали факторы именно субъективные. Тут военная победа казалась не только сомнительной. Она не решала главную задачу: нанесение смертельного удара по идеологии коммунизма, по его системе ценностей, по его морали и психологии, по его культуре, короче говоря — по субъективному аспекту мирового коммунизма.

Это понимали тогда и советские руководители. Еще живущие остатки советских людей старших поколений помнят о том, что с советской стороны шли на всестороннее мирное сосуществование двух непримиримых социальных систем, кроме идеологической сферы (под идеологическими явлениями понимались все явления менталитетной сферы, так или иначе связанные с идеологией и подконтрольные ей). Принимались самые жесткие меры против идеологической экспансии Запада в Советский Союз (вспомните о «железном занавесе»), вызывавшие недовольство в кругах фрондирующей интеллигенции и ставшие объектом особенно сильных нападок со сто-

роны антисоветской пропаганды. И как бы мы теперь ни оценивали действия обеих сторон в те годы, бесспорно одно: шла настоящая, грандиозная, беспрецедентная война двух миров. Война не на живот, а на смерть. Но война нового типа, в которой как объекты, так и средства атак были факторы субъективные.

«Холодная война» длилась почти полвека. Она не сразу приняла тот размах, какой можно было видеть к моменту краха Советского Союза и русского коммунизма. Не сразу определились и ее исторические цели. Она сама изобреталась и совершенствовалась по мере нарастания мощи ее средств и обнаружения потенций противников. Среди множества обстоятельств, определивших этот процесс, следует назвать колоссальный прогресс средств коммуникации и распространения информации. Без этого «холодная война» была бы просто невозможна в таком качестве, в каком мы ее пережили. Эти средства сделали просто неэффективными защитные меры советских властей. Плюс к тому неслыханное ранее расширение контактов между Западом и Советским Союзом сделало «железный занавес» легко проницаемым для западных влияний на советских людей и в конце концов бессмысленным.

В комплексе внутренних субъективных факторов, сыгравших роковую роль в крахе русского коммунизма, главным было то, что Советский Союз оказался в крайне невыгодном (с точки зрения идеологической войны!) положении. Наметился идеологический кризис — предвестник надвигавшегося системного кризиса — первого в истории коммунистического кризиса. На Западе начался экономический подъем и расцвет демократии вместо предрекавшегося марксистами краха капитализма. Советский Союз явно отставал от Запада в смысле материального благополучия и прочих благ. Марксизм с его идеями эконо-

мики как базиса общества и материального изобилия («по потребности») попался в свою собственную ловушку. Советские люди стали видеть земной рай на Западе. Вину за невозможность иметь у себя западные блага стали возлагать на коммунистическую систему. Западная идеологическая пропаганда, проникая по многочисленным каналам в Советский Союз, неуклонно и систематично производила разрушающее воздействие на менталитет советских людей. Особенно сильному разлагающему влиянию подверглись высшие привилегированные круги и творческая интеллигенция.

Марксистская идеология, сыграв колоссальную созидательную роль в рождении и становлении коммунистической социальной организации в Советском Союзе, стала в послевоенные годы утрачивать позитивную и наращивать негативную роль. Становилась очевидной для всех ее неадекватность новой социальной реальности в стране. Она стала предметом для насмешек. Советские идеологические власти стали проявлять некоторую терпимость к идеям, выходящим за рамки марксизма. Но делалось это в отношении идей западной идеологии, но не в отношении научного понимания советской реальности и социальных явлений вообще. В этом отношении марксизм стал главным препятствием на пути научного подхода к новой реальности, что послужило одним из факторов кризиса и краха русского коммунизма. В частности, навязав правителям и теоретикам убеждение об экономике как о базисе общества и о примате ее над прочими компонентами социальной организации, марксизм полностью дезориентировал их в той ситуации, которая стала складываться в стране и в мире в послевоенные годы. Надо заметить, что и после краха коммунизма эта ложная идея прочно владеет умами деятелей постсоветской России.

Одним словом, еще до того, как в горбачевско-ельцинские годы произошел политический антикоммунистический переворот, в «холодной войне» наметился явный перелом в пользу Запада. Запад навязывал советским людям систему ценностей, которая вроде бы подкреплялась опытом жизни процветающего Запада. Советская идеологическая машина навязывала систему ценностей, явно неадекватных опыту жизни миллионов людей, уже зараженных западными идеями. За полвека «холодной войны» в стране сложилась ситуация, благоприятная для «пятой колонны» Запада и антикоммунистического переворота. В стране почти не осталось людей, готовых сражаться за идеалы коммунизма. Перед тем как произошла политическая капитуляция Советского Союза перед Западом, произошла более глубокая идеологическая капитуляция. И произошло это постепенно, почти незаметно для миллионов советских людей, — фактор, между прочим, тоже субъективный. Политический переворот и политическая (а вслед за ней и экономическая) капитуляция явились неизбежным следствием капитуляции идеологической. Политический переворот прошел как «бархатная революция», поскольку он лишь завершил многолетнюю работу по разрыхлению и разрушению реального фундамента советского коммунистического сверхобщества.

Посткоммунистическая Россия

В словесном океане наших дней о субъективных факторах говорится в последнюю очередь, мельком, в общих выражениях, как о чем-то второстепенном. А не то они вообще игнорируются. Душами россиян овладели мысли об экономике, деньгах, рынке, политике, власти, управлении, законодательстве и т. п. Говорится обо всем этом так, что эти явления вы-

ступают, с одной стороны, как обезличенные сверхчеловеческие субстанции, а с другой стороны — как продукты субъективного произвола неких злоумышленников. Внимание к менталитетной сфере является ничтожным в сравнении с вниманием к другим сферам. Вкладываемые в нее средства мизерны и неуклонно сокращаются. Основная масса профессионально занятых в ней людей живет на грани нищеты и даже на нищенском уровне. Происходит неуклонная деградация всех субъективных факторов, то есть деградация основного материала, из которого строится человеческое объединение, — человеческого материала. В таких условиях любые мероприятия в системе власти и экономики не могут принести желаемое возрождение и подъем России, — из социального навоза, в который превращается человеческий материал России, общественный небоскреб не построишь.

Отдельные явления подъема и процветания субъективных факторов не только не препятствуют общей тенденции к деградации менталитетного аспекта России, а, наоборот, укрепляют и усиливают ее. Они суть средства разрушения остатков достижений менталитетной сферы советского периода.

Проходят годы жизни России (и других частей бывшего Советского Союза) с постсоветской социальной системой, а обещанный западной и прозападной пропагандой земной капиталистически-демократический рай так и не наступает. Всесторонняя деградация России продолжается. Сваливать вину за это на «проклятое коммунистическое прошлое» стало очевидной нелепостью. И вновь нарастает недоумение. В чем тут дело? Демократии навалом. Десятки (если не сотни) политических партий — такое западным странам и не снилось. Свобода слова даже

на Западе воспринимается как чрезмерная. Капитализма столько, что на Западе о таком давно позабыли. А процветания не предвидится. Бредовыми разговорами, будто демократии и капитализма у нас еще мало, теперь вряд ли кого убедишь, кроме явных жуликов, проходимцев и врагов, которым место на скамье подсудимых и за решеткой.

Недоумение, о котором идет речь, неизбежно, если не принимать во внимание субъективные факторы. Эти факторы больше всего пострадали в результате «холодной войны» и антикоммунистического переворота, ибо именно против них были направлены и до сих пор направлены основные усилия Запада и прозападных сил разрушения в России («пятой колонны» Запада). Не просто разгромить систему власти и экономику — этого мало для победы Запада! — а изменить радикальным образом всю субъективную ориентацию россиян и России в целом настолько, чтобы навеки исключить в их сознании даже мысль о ее возрождении и подъеме на уровень мировой державы.

Раздувание в России экономического аспекта не является результатом некоего недомыслия или некоей заботы о благополучии россиян. Наоборот, это — вполне продуманная в соответствующих кругах и центрах Запада установка на дальнейшее разрушение и закабаление России. С приходом В.В. Путина к высшей власти несколько усилилось внимание к аспекту власти и управления сравнительно с прошлыми годами. И посмотрите, как на это сразу прореагировали силы разрушения! В этом усмотрели угрозу неким завоеваниям демократии, угрозу свободе слова, угрозу реставрации тоталитаризма и даже коммунизма. Почему? Да потому что это некоторый шаг в сторону национальных интересов России и снижения буйства экономической анархии. Так какой же вой поднимется, если в России поймут наконец-то,

что основное внимание должно уделяться еще более важным и фундаментальным проблемам — проблемам человеческого материала страны, и в первую очередь — факторам субъективным. Те силы Запада, которые направляли свои удары по субъективным факторам нашей страны, по ее менталитетному аспекту в течение многих десятков лет, знали и понимали, что они делали. И теперь они прекрасно понимают то, что любые усилия российских властей и социально активной части населения в сферах управления и хозяйства не дадут желаемого возрождения страны и подъема ее на уровень ведущих стран планеты, если не будет как следует организована менталитетная сфера страны и не будет осуществлено радикальное оздоровление всего менталитетного аспекта российского человейника.

Сентябрь 2000 г.

БОМБА ЗАПАДНИЗАЦИИ

Западнизация

Слово «западнизация» употреблялось в смысле влияния стран западного мира (западной цивилизации) на незападные народы и страны, в смысле заимствования этими народами и странами достижений западной цивилизации. После Второй мировой войны возник социальный феномен, который я стал называть западнизацией. До этого мне такое употребление слова «западнизация» не встречалось. Западнизация в этом новом смысле (в моем понимании) есть покорение странами Запада (западным миром) незападных стран и народов путем навязывания им западной социальной организации (я называю ее западнизмом), западной системы ценностей, западной

культуры и западного образа жизни. Подчеркиваю: это — новая форма колонизации западным миром народов и стран незападных миров, в которой основным оружием является именно навязывание западнизма со всеми его проявлениями. Используются и другие средства — политические, дипломатические, экономические, культурные, диверсионные и военные. Но главным является именно соблазнение благами (реальными и воображаемыми) западной цивилизации и навязывание их незападным жертвам всеми доступными средствами. Среди этих средств главными являются те, которые стали называть средствами массовой информации (СМИ).

СМИ

Выражение «средства массовой информации» (СМИ) является довольно неопределенным, как и вообще терминология сферы социальных явлений. Оно употребляется как выражение общеразговорного языка, а не как научное понятие, хотя оно и фигурирует в текстах, претендующих на научность. К числу СМИ обычно относят радио, телевидение, газеты, журналы и вообще все то, что рассчитано на массовое менталитетное потребление. Но если вы возьмете всю менталитетную сферу, весь объем менталитетного производства и потребления и все аспекты воздействия этой сферы на поведение людей, то вы увидите, что такое словоупотребление является неадекватным масштабам и реальной роли феномена, о котором идет речь.

Надо различать массовость потребителей продукции СМИ и массовость потребляемой ими продукции. Тут полного совпадения нет. Бывает так, что продукция не принадлежит к продукции СМИ (в общеразговорном смысле), а распространяется много-

миллионными тиражами, и продукция СМИ имеет ничтожно малую сферу сбыта. И слово «информация» при этом является довольно неопределенным. Можно ли относить к информации дезинформацию, которая в реальных СМИ занимает места не меньше, чем то, что принято считать информацией. К тому же то, что считается информацией, не ограничивается неким беспристрастным набором суждений. Последние воздействуют на эмоции людей, имеют целью побуждать их к определенному поведению, которое желательно производителям и распространителям такой информации.

Одним словом, чтобы достаточно определенно и однозначно рассуждать на темы о СМИ, необходимо уточнение понятий «массовый», «информация» и выражения «СМИ» в целом. Математическое понятие информации является чисто количественным, в нем не принимается во внимание эмоционально-волевой и содержательный (смысловой) аспект, а общеразговорное словоупотребление не удовлетворяет элементарным критериям логики. Тут требуются понятия социологические.

Социальная роль СМИ

Считается, что СМИ суть некая «четвертая власть». СМИ действительно власть, но не сами по себе (не четвертая), а лишь как механизм (средство) третьей власти, а именно — той власти, которая управляет людьми путем формирования их сознания и воздействия на их сознание, то есть механизм идеологической сферы. В современных человеческих объединениях они играют роль, подобную роли церкви и религии в определенного вида обществах.

СМИ обладают огромной силой воздействия на людей, но не сами по себе, а лишь постольку, по-

скольку существуют и функционируют совместно с другими компонентами социальной организации человеческих объединений, — совместно с политической властью, с экономическими факторами, с системой образования, с силами внутреннего порядка, с правовой системой и с вооруженными силами. Ликвидируйте вооруженные силы США и НАТО и мощь финансового механизма Запада, как в течение нескольких лет (если не месяцев) СМИ, навязывающие всему человечеству западнизацию и американизацию, потеряют нынешнюю власть над умами и чувствами народов незападного мира.

Недавно в какой-то статье мне встретилось утверждение, будто в событиях в Югославии, в результате которых был устранен от власти Милошевич, все сделали СМИ, и будто это могло быть достигнуто и без предыдущих бомбежек. Это абсурдное утверждение. Без бомбежек не было бы массовых демонстраций, не было бы и таких выборов. СМИ тут сработали лишь постольку, поскольку за спиной оппозиции стоят мощные силы США и НАТО, поскольку оппозиционеры сыграли роль «пятой колонны» сил Запада. И если нечто подобное будет устроено благодаря СМИ в Белоруссии, то сила СМИ будет лишь инструментом потенциального присутствия сил более серьезных, чем сила слов.

Бомба западнизации

О том, что в России была взорвана бомба западнизации, я сказал много лет назад, в самом начале взрыва. Я употребил слово «бомба» при этом не в переносном, а в буквальном смысле, — как социологическое понятие. Подобно тому как «холодная война», перешедшая в «теплую», является войной в буквальном смысле, но войной нового социально-

го типа, так о бомбе в данном случае речь идет как об оружии войны, но как о бомбе нового типа.

Ситуация с бомбой западнизации сходна с той, какая имела место с атомной бомбой, сброшенной американцами на Японию в конце Второй мировой войны. На сей раз почти полвека шла «холодная война», в которой главным оружием были средства идеологии и пропаганды, а их техническим аппаратом — средства СМИ. Они опирались на другие силы, включая вооруженные. Без последних «холодная война» была бы просто немыслимой. «Холодная война» перешла в «теплую», в которой к средствам «холодной» присоединились такие: создание «пятой колонны» и массовых движений и оппозиций, организация диверсионных операций большого масштаба, подкуп, очаги военных действий в привычном смысле и другие. Благодаря СМИ в Советском Союзе и в обособившейся после его распада России был нанесен колоссальный ущерб менталитетной сфере, то есть идеологическому, психологическому и моральному состоянию советского (российского) населения. Я уже в самом начале горбачевского правления констатировал начало идеологического и морально-психологического кризиса в нашей стране. Тем самым готовились условия для бомбы западнизации. Но их еще было недостаточно для взрыва. Более того, взрыв можно было предотвратить.

Западные стратеги «холодной» и затем «теплой» войны стали помышлять о том, чтобы взорвать в Советском Союзе бомбу западнизации лишь после того, как им удалась первая в «теплой» войне диверсионная операция — проведение на «советский престол» своего человека — Горбачева. Западные СМИ сыграли роль важнейшего компонента бомбы западнизации в Советском Союзе и в России лишь благодаря тому, что в горбачевско-ельцинские годы Запад осуществил руками самих советских (русских) людей

антикоммунистический социальный переворот. В результате этого переворота была разрушена советская (коммунистическая) социальная организация в России и на место ее была насильственно российскими реформаторами, манипулируемыми силами Запада, навязана постсоветская (посткоммунистическая). Лишь на этой основе произошел взрыв бомбы западнизации. Взрывчатое вещество для нее образовали российские реформаторы и вся масса населения, вовлеченная ими в массовое социальное помешательство, включая массовое предательство.

Последствия начавшейся эпидемии западнизации общеизвестны. Мне нет надобности говорить о них. Замечу лишь то, что самый большой урон был нанесен не системе власти и не хозяйственной сфере, а третьей основной сфере страны — менталитетной (идеологическая, психологическая, моральная). Наступило состояние идейно-психологически-морального беспредела. И СМИ постсоветской России основательно поработали, чтобы привести российское население в такое состояние. И сейчас они всячески поддерживают его, ибо оно вполне соответствует интересам Запада.

Замечу, что ошибочно рассматривать «холодную войну» как войну информационную. Само слово «информационная» тут дезориентирует. Оно снимает оценку информации с точки зрения значения истинности и роли в поведении людей, как я уже сказал выше. Главным в этой войне было не столько информирование людей о чем-то, сколько обработка психики масс в нужном духе, то есть технология дезинформации, обмана, развращения, соблазна, подкупа, разрушения системы ценностей, вовлечения в деструктивные движения и т. д. Это была война, в которой так или иначе участвовали все средства воюющих стран, но в которой на первый план вышли факторы субъективные.

Ошибочно также думать, будто в Советском Союзе недооценили роль менталитетных средств (включая информационные) и будто Запад в этом отношении превзошел его и потому добился победы. Фактически Советский Союз на первом этапе «холодной войны» весьма успешно применял эти средства, опережая Запад. Коммунизм тогда наступал. Угроза коммунизма как будущего всего человечества казалась реальной для большинства населения планеты. Перелом произошел лишь во второй половине «холодной войны». Исход ее в пользу Запада определился общим перевесом сил Запада, назреванием кризиса советского общества — первого в истории специфически коммунистического кризиса, а также комплексом субъективных факторов Советского Союза, включая фактор идеологически-пропагандистской агрессии со стороны Запада.

Возможен ли реванш?

Ни о каком реванше и речи быть не может до тех пор, пока в стране не возникнет идеология и психология реванша и пока они не овладеют подавляющим большинством социально активного населения страны. А для этого никаких условий в России нет. И они не предвидятся в обозримом будущем. Для выработки такой идеологии необходимо беспощадно объективное, научное понимание советского периода нашей истории, причин краха русского коммунизма, реального социального строя западных стран (западнизма), эволюционного перелома в социальной эволюции человечества во второй половине XX века, сущности западнизации и глобализации, постсоветской социальной организации России и ее перспектив и прочих важнейших социальных феноменов современности и тенденции их эволюции в будущем.

Ничего подобного на официально признанном уровне нет и не предвидится. Более того, ощущается панический страх истины. Человечество все более погружается в трясину нового интеллектуального мракобесия. В России доминирует идеология и психология капитуляции перед западнизацией и устремленность в идеализированное дореволюционное прошлое.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации является характерным примером на этот счет. В ней отсутствует конкретная оценка фактического состояния менталитетной сферы России и характеристика конкретных причин такого состояния. Отсутствует характеристика новой социальной организации России, совершенно необходимая для решения только что упомянутых задач. Ни слова о том, откуда конкретно исходит информационная опасность для России, кто является ее врагом в этом отношении, в чем конкретно заключается опасность, каковы методы информационной агрессии в Россию и т. д. Содержание доктрины ограничивается общими разговорами о необходимости внутреннего юридического нормирования России в плане СМИ и их функционирования. Даже если допустить, что работа СМИ будет отрегулирована наилучшим образом, то в рамках такой доктрины нисколько не решается проблема фактической «информационной» (идеологической, менталитетной) безопасности, ибо остаются нисколько не затронутыми причины, приведшие Россию в состояние менталитетной разрухи, и тот факт, что главная опасность исходит с Запада и прозападных сил в России.

Идеология и психология реванша есть лишь одно из необходимых условий для реванша за проигранную битву с Западом. Другие условия таковы. Социальная организация более высокого уровня, чем западная. Россия это преимущество утратила, а ны-

нешняя социальная организация способна самое большее несколько замедлить или на время приостановить эволюционную деградацию России. Ослабление и даже распад глобального западного сверхобщества, что исключено. Это сверхобщество — новое образование. Думаю, что XXI век будет веком его побед в борьбе за мировую гегемонию. России, как говорится, не до жиру, быть бы живу. Скорее всего, она будет вынуждаться к интеграции в это глобальное сверхобщество, причем далеко не на первых ролях. Насколько Россия способна оказать сопротивление этой тенденции и отстоять свой суверенитет, зависит от многих обстоятельств. Но при всех вариантах это не будет реванш. Это понятие вообще утратило смысл. Эволюция человечества изменила направление. Надо думать о каком-то новом, необычном потоке для русской истории.

Октябрь 2000 г.

РУССКИЙ ПУТЬ И ПУТЬ РОССИИ

Русский путь

Выражение «русский путь» двусмысленно. В одном смысле оно является социологическим понятием, обозначающим оригинальный творческий вклад России и русского народа в социальную эволюцию человечества. Такой вклад был сделан в результате Октябрьской революции 1917 года: народы России открыли коммунистическое направление социальной эволюции, отличное от западноевропейского и всех других, в течение семидесяти лет боровшееся за доминирующую роль в эволюции человечества и оставившее неизгладимый след в ней. Оно стало

образцом для подражания многим народам планеты. Этот вклад России и русского народа в социальную эволюцию человечества заслуживает того, чтобы быть названным их именем — заслуживает названия «русский путь».

Путь России

Русский путь в рассмотренном выше смысле был прерван в России в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Но жизнь России и русского народа продолжается. В отношении нового постсоветского (посткоммунистического) периода русской истории понятие «русский путь» в рассмотренном смысле уже неуместно. Тут уместно более скромное выражение «путь России», не претендующее на роль социологического понятия. В этом смысле любой народ имеет свой особый исторический путь независимо от того, делает он при этом какой-то творческий вклад в социальную эволюцию человечества или нет.

Каким путем пойдет Россия? В прошлом веке поэт сказал: «Умом Россию не понять». Сказал чушь, простительную для поэта. Но чушь пришлась по душе иностранцам и самим русским. И вот второе столетие ее повторяют те и другие, особенно интеллектуалы и политики. Повторяют с таким видом, будто приобщаются к некоей высшей мудрости. Но все зависит от того, каким умом понимать. Тем умом, каким Россию не понять, не поймешь даже чукчей, а не то что русских. Мне больше импонируют слова другого поэта: «Давно пора, едрена мать, умом Россию понимать!» Думаю, что сейчас в России наступило такое время, когда было бы полезно попробовать понять ее именно умом, а не каким-то другим местом человеческого тела.

Россия уже выбрала свой исторический путь. Вернее, его для нее выбрали громившие ее силы Запада и российские реформаторы, руками которых осуществлялся и продолжает осуществляться погром. И Россия покорно по этому пути пошла. Нельзя сказать, что пошла охотно, с энтузиазмом. Если такой и был в начале этого нового пути, то теперь он испарился. И Россия плетется по пути, на который ее пихнули, огрызаясь на погонщиков, брыкаясь и чертыхаясь. Плетется, не рассчитывая на другой путь и утешая себя поэтической нелепостью, будто ее умом понять нельзя. И будто эта умонепостижимость есть свидетельство ее скрытой силы, сложности, возвышенности, превосходства над насильниками и погонщиками.

Что собой представляет новый, постсоветский (посткоммунистический) эволюционный путь России? Почему Россия пошла именно таким, а не каким-то другим путем? Что ее на самом деле ожидает на этом пути? Может ли она изменить его? Способна ли она на этом пути сделать новый оригинальный вклад в социальную эволюцию человечества, сопоставимый по масштабам и по мировому резонансу с тем, что мы вправе называть русским путем в рассмотренном выше смысле, то есть с разгромленным русским (советским) коммунизмом? По этим проблемам мне неоднократно приходилось высказываться в моих публикациях. Здесь я хочу коснуться их с точки зрения эволюции постсоветской России в обозримом будущем.

Факторы социальной эволюции

Человеческие объединения, к числу которых относится Россия, я для краткости называю человейниками. Я не употребляю тут привычное слово «об-

щество», поскольку известные общества являются лишь частными случаями и определенной ступенью в социальной эволюции человейников. Существовали человейники, которые я называю предобществами. И уже существовали и существуют сверхобщества, которые становятся доминирующей формой человейников, — наступает эпоха сверхобществ.

Чтобы судить об эволюции человейника в будущем на достаточно высоком уровне обоснованности, необходимо изучить его настоящее на научном уровне, ибо будущее в данном случае есть реализация потенций и тенденций настоящего. Надо знать, кроме этого, объективные законы социальной эволюции человейников. Сказанное целиком и полностью относится к прогнозированию будущего исторического пути России.

То состояние, в котором сейчас находится Россия, явилось результатом стечения множества исторических обстоятельств. При этом решающую роль сыграли следующие: капитуляция Советского Союза в «холодной войне» с Западом, антикоммунистический переворот в горбачевско-ельцинские годы, распад Советского Союза и насильственная западнизация под диктовку сил Запада. Сваливать дефекты этого состояния на советские годы, на советский (коммунистический) строй и даже на сталинизм — значит самым бесстыдным образом фальсифицировать историю. В реальности же если страна еще как-то существует, то это благодаря сделанному и накопленному в советский период. С точки зрения научного подхода к прогнозированию будущего России уход дальше в прошлую историю страны и ссылки на всякого рода явления прошлого человечества лишь создают препятствия на пути решения интересующих нас проблем и даже вообще исключают это решение. Нас интересует историческая судьба вполне конкретного социального

феномена — российского человейника в том его реальном состоянии, какое мы можем видеть сегодня, а не праздные рассуждения по подходящему поводу.

Дальнейший реальный (а не воображаемый и желательный) исторический путь России уже определяется и будет определяться в обозримом будущем комплексом реально существующих и достаточно устойчивых факторов, основные из которых, на мой взгляд, суть следующие: 1) человеческий материал и имеющиеся в его распоряжении материальные средства (материя человейника); 2) социальная организация (строй, система) человеческого материала; 3) отношения человейника с другими человейниками (его положение в социальной среде). Эти факторы тесно связаны. Но в интересах познания их следует рассмотреть по отдельности.

Материя российского человейника

В каком состоянии находится этот фактор, общеизвестно. На эту тему печатаются многочисленные книги и статьи, ведутся регулярные телевизионные передачи. Всякого рода комиссии и исследовательские организации публикуют отчеты о фактическом состоянии всех аспектов жизни страны. Так что нет надобности добавлять что-то к этой информации. Ограничусь замечаниями, нужными для целей статьи.

Состояние человеческого материала и тех материальных и интеллектуальных средств, которыми он распоряжается, является не просто плохим, оно является катастрофическим в полном смысле слова. Оно стало всеобъемлющим. Страна находится в стадии неуклонного упадка, деградации. Почему это произошло? Повторяю, сваливать вину за это на советское (коммунистическое) прошлое есть циничная идеологическая ложь. Это сделано умышленно и искусствен-

но советскими и российскими реформаторами, манипулируемыми силами Запада. Это произошло как неизбежное следствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Именно в этом и заключается историческая роль этого переворота, задуманного, спровоцированного и направляемого силами Запада.

Констатируя факт рассматриваемой катастрофы, российские мыслители, как правило, делают при этом ультраоптимистические выводы: мол, Россия, несмотря ни на что, располагает колоссальными интеллектуальными и творческими потенциями, а с точки зрения природных богатств мы, как говорится, «впереди планеты всей», так что мы (Россия) поднимемся, воспрянем, займем положение великой мировой державы и т. п. При этом обходятся молчанием или топятся в безответственном словоблудии проблемы: как эти потенции и богатства уже используются и что необходимо для того, чтобы Россия за их счет действительно поднялась на высоты достижений мировой цивилизации.

Социальная организация постсоветской России

Вторым из упомянутых выше основных факторов социальной эволюции постсоветской России является социальная организация российского человейника. Ее образуют деловые ячейки, органы власти и управления, органы внутреннего порядка, правовая сфера, вооруженные силы, экономика, идеология, культура и другие компоненты. Для каждого из этих компонентов и для их взаимоотношений в целостной организации имеют силу определенные социальные законы (правила структурирования и функционирования). Некоторые из них описаны в специальной литературе. Однако единая теория, удовлетворяющая

критериям логики и методологии научного подхода к социальным объектам, до сих пор отсутствует. Отсутствует такая теория реального коммунизма и современного реального западнизма, а также теория социальной эволюции, отражающая эволюционный перелом в истории человечества, произошедший после Второй мировой войны.

Если упомянутые выше правила социальной организации нарушаются, то социальная организация плохо выполняет свои функции в человейнике, что ведет к кризисам и даже к краху человейника. Мы в России испытали это на своей шкуре со страшной силой. После разгрома советской (коммунистической) социальной организации в России на скорую руку была сляпана постсоветская социальная организация с нарушением всех социальных законов. Получился социальный урод, ставший одним из важнейших факторов исторической деградации России. Кто знает, может быть, со временем именно этот урод будет оценен как оригинальный вклад России в эволюцию человечества и удостоится названия «русский путь». Но избави Боже от такого исторического «творчества»!

Решающую роль в формировании постсоветской социальной организации в России сыграли следующие факторы. Во-первых, стране насильственным образом навязывались элементы социальной организации западных стран, особенно США, по моей терминологии — элементы западнизма. При этом они навязывались не в том виде, в каком они существуют в реальном западном мире в наше время, то есть не на основе объективно научного исследования современного состояния социальной организации западнизма, а в том виде, как западнизм изображался в западной идеологии и пропаганде. Во-вторых, это навязывание происходило в условиях, когда советская социальная организация еще в значительной мере сохранялась, хотя и в изуродованном виде, ког-

да сохранялся человеческий материал России, накопленный опыт, накопленная в советские годы материальная и «духовная» культура и т. д. Так что постсоветская социальная организация стала формироваться как гибрид западнизма и коммунизма, которые при этом не были поняты научно (о реальном коммунизме реформаторы имели точно так же идеологически ложные представления).

При такой насильственной и дилетантской гибридизации были нарушены законы соответствия различных сфер социальной организации друг другу, различных компонентов внутри каждой сферы друг другу и социальной организации в целом прочему телу человейника. Получилась социальная структура из разнотипных и в принципе несовместимых частей, неизбежно порождающая бесчисленные и неустранимые конфликтные ситуации, не способная обеспечить прогресс российского человейника, какой необходим для его исторического выживания в условиях современного состояния человечества, зато способного сохранять процесс деградации страны.

Помимо противоестественного соединения черт западнизма и коммунизма, творцы постсоветской социальной организации игнорировали также тот факт, что советская Россия имела более высокий уровень социальной организации, чем западные страны: она была сверхобществом, тогда как западные страны находились с этой точки зрения на уровне общества. Запад отставал в отношении социальной организации от Советского Союза более чем на полвека. Он лишь после Второй мировой войны встал на путь эволюции в направлении к сверхобществу, причем в значительной мере под влиянием советского опыта.

В постсоветском гибриде скрещивались элементы западнистского общества и советского сверхобщества, о социальных закономерностях которого не имели понятия советские и затем российские реформаторы,

разгромившие советский (русский) коммунизм и стремящиеся навязать России социальную организацию более низкого эволюционного уровня — организацию западнистского общества, которую стали преодолевать сами западные страны вслед за Советским Союзом.

Уже сейчас можно констатировать как факт множество несоответствий (причем конфликтных!) в постсоветской социальной организации. На микроуровне это — несовместимость деловых ячеек (предприятий, учреждений и т. д.) остатков коммунизма и приобретений западнизма. В системе власти и управления это — несовместимость сверхвласти денежного механизма, порождаемой эволюцией западнизма к сверхобществу, и сверхгосударственности, порождаемой тенденцией к советизации (несовместимость финансовой олигархии и «Кремля»). Здесь же имеет место несовместимость демократии уровня западнистского общества («парламента», многопартийности, гласности и т. д.) и всевластия сверхгосударственности уровня сверхобщества («Кремля», администрации президента, потребности и попыток создания «партии власти» и т. д.). В менталитетной сфере — несоответствие светской идеологии, необходимой для современного уровня науки, технологии, культуры и социальной активности, и религиозной идеологии, толкающей население в состояние мракобесия далекого прошлого. Список несоответствий можно продолжить.

Социальная среда России

В социальную среду России (в геополитическое окружение) в наше время входит все человечество. Но решающую для эволюции России роль в нем играет феномен по имени «Запад».

В западной и прозападной российской идеологии и пропаганде существование Запада как единого социального объединения игнорируется, замалчивается или отрицается. Признается лишь факт существования США, Англии, Франции, Германии и других западных стран и их союзов. А между тем после Второй мировой войны начался грандиозный эволюционный перелом в истории человечества, одним из важнейших компонентов которого стала интеграция стран западного мира в новое социальное целое. В рамках западного мира над западными странами сложилось своего рода общество второго уровня, сверхобщество. Зоной его жизнедеятельности стал весь западный мир. В него вошли компоненты западных стран (люди, их объединения, предприятия, учреждения, организации и т. д.), вступившие в самые разнообразные отношения между собой. Образовалось наднациональное объединение, которое сосредоточило под своим контролем более 50 процентов ресурсов стран Запада и стало доминирующим фактором жизни самих западных стран. В него вошли десятки тысяч коммерческих предприятий и десятки тысяч некоммерческих организаций. Сфера их жизнедеятельности охватила всю планету.

Рассмотренное сверхобщество стало интегрирующим фактором для всего Запада. Поскольку инициатива исходила из США, поскольку основные компоненты этого сверхобщества сосредоточились в США, оно срослось с последними так, что для поверхностных наблюдателей США стали воплощением его. Но США, став метрополией для него, стали также и зоной его жизнедеятельности наряду с прочими западными странами. Так что выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными — стали обозначениями США как особого «национального государства» и обозначениями сверхобщества, выросшего в западном мире.

Западное сверхобщество складывалось в ходе «холодной войны» и стимулировалось ею. Вместе с тем сама «холодная война» становилась со временем делом не просто США, а именно сверхобщества, о котором говорилось выше, то есть делом общезападным. С окончанием «холодной войны» борьба Запада против Советского Союза не прекратилась. Она перешла в стадию, которую я называю «теплой» войной. Последняя сохраняет в себе свойства «холодной войны», присоединяя к ним новые и внося коррективы в стратегию, тактику и цели «холодной войны» в соответствии с изменившимися условиями.

«Холодная война»

Назвать точную дату начала «холодной войны» невозможно, ибо это был длительный процесс, зародившийся еще в ходе Второй мировой войны и остававшийся неявным и аморфным какое-то время после ее окончания. Так что можно сказать, что она началась вскоре после окончания Второй мировой войны. И постепенно она переросла в мировую войну. Ее театром стала вся планета. По числу вовлеченных в нее и так или иначе затронутых в ней людей, по масштабам используемых в ней ресурсов и по последствиям она намного превзошла обе «горячие» мировые войны. Противниками в ней были, с одной стороны, западный мир, возглавлявшийся США, и, с другой стороны, коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. Главным объектом атак со стороны западного мира был советский блок и Советский Союз. Потому в пропаганде «холодную войну» сводили обычно к конфронтации между США и СССР. По своим последствиям для истории человечества исход «холодной войны» неизмеримо превосходит таковые обеих «горячих» мировых войн, вместе взятых.

Цели, методы и соотношение сил «холодной войны» не были неизменными. Они менялись по мере расширения и углубления ее. Инициатива исходила со стороны Запада. У Советского Союза не было для этого сил, его позиция была оборонительной. Но со временем инициатива перешла к нему. Перевес переходил на его сторону. Оборона стала переходить в наступление. Успехи вскружили голову лидерам советского блока. Их действия превысили возможности их стран, что стало одним из факторов перелома в ходе войны и конечного поражения советского блока.

Организаторы «холодной войны» не имели изначальной целью то, что сейчас можно видеть в странах бывшего Советского Союза и советского блока. Они тогда и мечтать не смели о таких результатах войны. Их изначальной целью было ограничить мировое влияние советского коммунизма, остановить его расползание по планете, ослабить Советский Союз. Советский Союз наращивал мощь, становился все более грозным противником Запада. Угроза коммунизма как «светлого будущего всего человечества» казалась все более реальной.

В «холодной войне» использовались все средства, какими располагали противники. Но надо различать потенциальное и актуальное использование. Атомное оружие сыграло роль огромную, но лишь потенциально, как средство сдерживания и угрозы, как подсобное средство для главного оружия, которое использовалось актуально, а именно — оружия идеологии, пропаганды, информации, дезинформации. Со стороны Запада главными средствами «холодной войны» были средства воздействия на сознание советских людей — дискредитация советской социальной системы и советского образа жизни, разжигание национальной розни, поддержка всякого рода протестов, прославление социального строя и образа

жизни стран Запада, соблазнение советских людей реальными и мнимыми благами Запада. Осуществлялось это через средства массовой информации, через агентов влияния, путем заброски антисоветской литературы, путем расширения туризма, культурного обмена и т. д.

К началу 80-х годов перелом в ходе «холодной войны» в пользу Запада стал очевидным. Естественно, западные стратеги внесли коррективы как в цели войны, так и в средства ее ведения. В частности, намерение разрушить советский блок в Европе дополнилось решением разрушить коммунистический социальный строй в странах советского блока. Что касается самого Советского Союза, то произошло перемещение центра тяжести антисоветской деятельности с диссидентского движения на «Кремль». Диссидентское движение фактически исчерпало себя, зато открывалась реальная возможность захвата под свое влияние «Кремля» и дальнейшее ослабление Советского Союза сверху, усилиями самой советской высшей власти. Не могу сказать, планировался ли уже тогда Горбачев на «советский престол» или нет. Мне о таком плане стало известно только в 1984 году. Но такой перелом в западной стратегии уже тогда наметился. И он оправдал себя: напомню читателю, что развал Советского Союза и разрушение коммунистического социального строя в странах бывшего Советского Союза осуществлены были руками не диссидентов, а представителями высшей власти под руководством «Кремля». Диссиденты сыграли свою роль в антикоммунистическом перевороте в России, но не столь значительную, как принято думать.

Запад одержал в «холодной войне» величайшую в его истории победу. Но его борьба против мирового коммунизма не прекратилась. Был завершен лишь первый этап. Может быть, решающий, но не после-

дний. Оставался коммунистический Китай. В каком бы жалком состоянии ни оказалась Россия и другие регионы бывшего Советского Союза, в них еще были живы остатки коммунизма. Еще жили остатки недобитого коммунизма в Югославии. Во всяком случае, западные стратеги не считали борьбу законченной. Более того, ситуация в побежденных странах и в мире складывалась так, что возникла потребность в продолжении и даже усилении борьбы. И возможности для этого тоже усилились.

«Теплая» война

Точно так же невозможно назвать точную дату перехода «холодной войны» в «теплую». В западной и прозападной российской пропаганде ни о какой «теплой» войне и речи нет и быть не может — она просто замалчивается, поскольку публичное отрицание ее означало бы неявное ее признание. А «холодная война» считается законченной. Самое большее, что тут публично признается, это — некие пережитки ее и угроза возобновления.

Переход к «теплой» войне был постепенный и до поры до времени скрытный, растянувшийся на несколько лет. Он начался уже в конце «холодной войны». А отдельные его идеи возникали в мозгу западных стратегов и ранее. Но они приобрели актуально действенное значение позднее. На мой взгляд, первой крупной операцией перехода к «теплой» войне послужило проведение на «советский престол» (так выразился один из сотрудников секретных служб Запада) Горбачева. А события августа 1991 года были уже в полной мере операцией «теплой» войны.

Что нового внесла «теплая» война западного сверхобщества против Советского Союза и затем

России в цели и методы «холодной войны»? Углубились и расширились ее цели. Целями войны стали следующие:

1) разрушить коммунистический социальный строй в России — осуществить антикоммунистический переворот; 2) навязать России социальный строй западного образца — западнизировать Россию; 3) превратить Россию в зависимую от западного сверхобщества территорию, использовать ее в своих интересах — осуществить ее глобализацию. Для достижения этих целей методы «холодной войны» оказались недостаточными. Потребовались дополнительные средства. Основные из них суть следующие: 1) создавать агентуру не только влияния на умонастроения людей, но и агентуру действия, — создавать «пятую колонну» Запада из российских граждан, занимающих достаточно важное положение в системе власти, в хозяйстве, в культуре и других сферах России; 2) объединять большие массы людей на активные действия, неподконтрольные властям и направляемые в интересах Запада; 3) осуществлять крупномасштабные диверсионные операции руками российских граждан, но управляемые западной агентурой или манипулируемые со стороны служб Запада; 4) создавать очаги «горячих» войн внутри страны, поддерживая их всеми необходимыми средствами, а в случае надобности не останавливаться перед военным вмешательством.

Доказывать сказанное ссылками на какие-то секретные или опубликованные документы на этот счет нет надобности, поскольку все это можно с полной очевидностью наблюдать в практической деятельности Запада в конкретной России. Возведение Горбачева на вершину власти в Советском Союзе, деятельность горбачевцев по разрушению аппарата КПСС, перестройка, августовская рево-

люция 1991 года, расстрел Белого дома в октябре 1993 года, развал Советского Союза, разгром советской социальной организации, грабительская приватизация, чеченские события и т. д. — все это было эпизодами «теплой» войны. И она еще далеко не закончилась.

Будущий путь России

Будущее России уже родилось. Основные события, предопределившие его, уже произошли в горбачевско-ельцинские годы. Основные факторы социальной эволюции России в наступившую эпоху уже сформировались в главных чертах. И чтобы прогнозировать будущее России, надо исследовать суммарный эффект этих факторов на уровне научного подхода к социальным явлениям, а не на уровне обывательского мышления, идеологических и пропагандистских концепций и бредовых измышлений всякого рода гадателей.

Будущее России родилось в том (и только в этом!) смысле, что определились социальные (описываемые в понятиях социологии) рамки дальнейшего исторического пути России, направление, характер ее социальной эволюции. А в этих рамках, в этом направлении возможны, конечно, различные варианты, непредвиденные явления, случайности, зигзаги, попятные движения.

Можно констатировать как факт, что реальной угрозы реставрации коммунистического социального строя в России нет. То, что в средствах массовой информации преподносится как угроза и даже как попытки реставрации коммунизма, суть чисто пропагандистские измышления или идеологическая интерпретация как коммунистических таких явлений, которые свойственны и некоммунистическим

социальным системам, включая западнистскую. Коммунистический социальный строй в современной России не может быть восстановлен парламентским путем, поскольку парламент слишком слаб, а большинство парламентариев суть продукт постсоветской системы. Что бы они ни говорили по поводу существующего строя, он их уже устраивает лично. Они голосовать за коммунизм не будут. А для революционного коммунистического переворота никаких условий нет. И вряд ли они появятся в обозримом будущем. Даже самая значительная коммунистическая партия (КПРФ) этот путь исключает. К тому же не следует забывать о Западе. В случае реальной угрозы коммунистического переворота Запад поддержит неизбежную контрреволюцию со стороны правящего режима, а если потребуется — пойдет на прямую военную интервенцию. Поколение, ностальгирующее по советскому периоду, вымирает. А новое поколение, пришедшее на арену активной социальной жизни после антикоммунистического переворота, о коммунизме даже не думает вообще.

И ожидания реставрации коммунистической социальной организации в России по воле власти лишены каких бы то ни было оснований. Можно за несколько лет сконструировать систему власти, подобную советской. Можно лет за пять—десять экономике придать подобие советской. Но для реального коммунизма этого мало. Нужно еще менталитетный аспект российского человейника привести в коммунистическое состояние и создать коммунистическую сферу, способную поддерживать менталитет миллионов людей в этом состоянии. А на это нужны условия, которые сейчас в мире немыслимы, и усилия миллионов людей, находящихся у власти и верящих в идеалы коммунизма, причем усилия в ряде поколений.

Путинский период

В 2000 году начался новый период постсоветской истории, который, по всей вероятности, будет назван по имени нового президента путинским. Я неоднократно высказывался на эту тему. Не буду повторяться. Замечу лишь следующее. Историческая роль нового Президента В.В. Путина заключается не в том, чтобы осуществить какие-то радикальные социальные преобразования — такие преобразования просто невозможны в силу сложившихся в России и в мире условий, — а в том, чтобы укрепить (легитимировать) результаты горбачевско-ельцинского периода, нормализовать жизнь России на этой основе, сделать что-то возможное в интересах России, по возможности улучшить положение населения страны и повысить статус России в мировом сообществе. Похоже на то, что это соответствует личным намерениям Президента и его пониманию реальности. Это соответствует также интересам большинства граждан России. Исполнение этой роли — не такое уж легкое дело. На этом пути неизбежна острая социальная борьба, конфликты, протесты, одним словом — рутинная историческая жизнь России в сложнейших условиях российской и мировой эволюции. На этом пути возможны варианты, о которых я упомянул выше. Какой вариант реализуется фактически, трудно предсказать. Но можно назвать (не предсказать, а констатировать как факт!) границы, за которые он не может выйти.

Границы пути России

Россия, как и всякое человеческое образование большого масштаба (скажем — человейник), есть социальный организм, тело которого на микроуровне состоит из деловых ячеек (клеточек). Они разнооб-

разны. Их можно классифицировать по множеству признаков. Здесь для нас важно отметить то, что их варианты заключены в пределах между частными и государственными. Почти все теоретики и политические мыслители склоняются к тому, что в России должна сохраняться «многоукладная экономика» (обобщая — деловая сфера вообще). Но при этом многоукладность понимается абстрактно. Специфические условия рождения и существования «многоукладности» в России игнорируются. А между тем есть разные типы многоукладности. Одно дело — многоукладность в западной социальной системе (а она там имеет место!), и другое — в коммунистической (и в ней она имела место!). И третье дело — многоукладность в постсоветской системе в том ее виде, как она складывается реально. Тут один уклад существует и может существовать лишь как нечто подобное клеточкам коммунизма, а другой — клеточкам западнизма. И соединение их в одном организме противоестественно. Оно тут подобно тому, как если бы вы попытались скрестить акулу с дельфином. В природе такое исключено. В социальной жизни возможно насильственным образом соединять их в едином человейнике. Но может ли такой человейник рассчитывать на эволюционный успех?!

Возьмем систему власти и управления. Она структурируется в нескольких измерениях одновременно. В одном из них имеет место разделение власти между «парламентом» и «Кремлем». Первый тяготеет к демократии такого типа, как в западных странах, второй — к диктатуре такого типа, какая была в коммунистических странах. Первая тенденция есть явное подражание Западу и стремление укрепиться за счет услужения ему. Вторая тенденция вовсе не означает стремления вернуться к советской власти, она диктуется общими социальными законами организации власти в условиях социальной катастрофы. Но неза-

висимо от субъективных умонастроений, тут неизбежна тенденция к советизации, несовместимая с тенденцией к западнизации. Аналогично возникает противостояние тенденций к централизации власти (на федеративном уровне) и к сепаратизму (на региональном уровне). И как бы ни договаривались стороны, устранение одних конфликтов будет порождать другие, ибо и в этих разрезах имеет место ситуация скрещивания акулы и дельфина. И еще более острая ситуация складывается в третьем измерении — в борьбе за то, какой вид примет сверхвласть российского человейника. Тут точно так же имеют место две тенденции — к политической власти сверхгосударства во главе с «Кремлем» и к власти денежного тоталитаризма во главе с сверхэкономическим механизмом.

Анализ всех компонентов постсоветской социальной организации России обнаруживает, что суммарный эффект их эволюции может дать вариант, заключенный между двумя крайностями. Что это за крайности? Установить их особого труда не представляет. По законам соответствия (корреляции) компонентов социального организма имеем такую картину. Усиление парламента идет в ущерб «Кремлю», и наоборот. Усиление федеративного уровня идет в ущерб региональному, и наоборот. Усиление политической власти идет в ущерб финансовой, и наоборот. Усиление частного предпринимательства идет в ущерб государственному, и наоборот. Аналогично в отношении прочих явлений организации российского человейника. Подчеркиваю, не вообще, а именно в конкретных условиях постсоветской России. Очевидно, что взаимодействие одной группы тенденций (частного предпринимательства, парламентаризма, регионализма, финансового механизма и т. д.) способствует одной суммарной крайности, а других (государственного предпринимательства, «Кремля», централизма, политической

власти и т. д.) — другой. Первую я называю советизированным западнизмом, вторую — западнизированным советизмом. Эти крайности суть не западнизм и соответственно не коммунизм, ибо, как уже было сказано выше, реставрация коммунизма исключена, но избавиться от него настолько, чтобы полностью уподобиться западным странам, невозможно. Это — крайности в рамках уже существующего постсоветского социального гибрида.

Ближе к какой из рассмотренных крайностей будет эволюционировать постсоветская Россия, это зависит от социальной среды ее, и прежде всего — от глобального западного сверхобщества, а также от внутренней способности материи российского человейника к сохранению своего суверенитета по отношению к этой среде.

Россия и глобальное сверхобщество

Стремление президента Путина к тому, чтобы Россия стала процветающей суверенной державой, достаточно независимой в своей жизнедеятельности от мирового окружения, и прежде всего — от Запада, не вызывает сомнения. Об этом говорит как его внутренняя, так и внешнеполитическая активность. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Успех деятельности главы постсоветской России зависит в гораздо большей мере от объективных обстоятельств, чем от личных намерений. Мы видели, что внутри страны уже заданы эволюционные границы, попытки выйти за пределы которых обречены на провал. Имеются ограничения и во внешней активности, предопределяющие направления пути России.

Не следует забывать о том, что Советский Союз капитулировал перед Западом в «холодной войне», что результатом капитуляции явился антикоммунисти-

ческий переворот и разгром советской социальной организации, что началась «теплая» война и интенсивная западнизация России, что постсоветский строй возник под давлением Запада и поддерживается со стороны Запада, что все те российские граждане, которые сейчас составляют самую социально активную часть населения, стали таковыми благодаря произошедшим в стране переменам и с благословения Запада и т. д. И что бы российские правители ни предпринимали в отношениях с Китаем, Индией и другими незападными странами, Россия просто всем ходом постсоветской истории обречена на западнизацию и на интеграцию в зону доминирования западного глобального сверхобщества. В России уже сложились слои населения, которые достаточно сильны, чтобы поддерживать установку на западнизацию. Расширяются и углубляются как деловые, так и личные связи россиян со странами Запада. Россия фактически интенсивно западнизируется. А Запад достаточно силен, чтобы принуждать ее поступать так, как это нужно в его интересах. Он способен использовать любые средства принуждения, включая военные. Способность же России к отпору сейчас сравнительно невелика и фактически неуклонно сокращается. Одним словом, переориентировать Россию на сближение с незападными странами в ущерб прозападной ориентации практически невозможно уже сейчас. И тем более это невозможно в обозримом будущем, поскольку материя российского человейника вступила в нисходящую эпоху своей эволюции.

Нисходящая ветвь эволюции

Широко распространено мнение, будто в России наступило состояние своего рода подъема. Многие активные и видные представители политических,

деловых, культурных и идеологических кругов ведут себя так, будто на самом деле наступает эпоха всестороннего подъема, оживления, оптимизма и надежд, будто эпоха депрессии, уныния, пессимизма и безнадежности отступает в прошлое. Трудно сказать, в каких пропорциях тут перемешано желаемое и действительное, театральное и реальное, недомыслие и намеренный обман. Но даже на уровне просто здравого смысла должно быть очевидно, что подъем в каком-то одном аспекте многостороннего процесса не означает подъема в процессе в целом. Если принять во внимание все важнейшие аспекты жизни страны и если фиксировать изменения в достаточно большой период времени (за последние пятнадцать лет), а не за последний год-два, то не останется никаких сомнений относительно того, что тенденция к упадку является устойчивой и долговременной. Для такого утверждения имеются достаточно серьезные основания. Назову некоторые из них. Упадок идет по многим линиям. Если каждую линию взять по отдельности, то кажется, что упадок по ней можно остановить и сделать так, чтобы начался подъем. Такое можно сделать по нескольким линиям. Но когда одновременно упадок идет по десяткам и даже по сотням линий, то в стране просто не найдется сил не то чтобы охватить их все, а даже для того, чтобы как-то замедлить и ослабить суммарный упадок. Далее, в современных условиях на планете для эволюционного подъема требуется все больше материальных и интеллектуальных средств и усилий. Но именно в этом отношении в России идет процесс противоположный. Имеющиеся потенции и богатства либо остаются неиспользуемыми, либо используются именно как факторы упадка. Например, Россия является самой богатой обладательницей природных богатств. А как они используются?! Россия все бо-

лее превращается в сырьевую базу для Запада. А как используются интеллектуальные и творческие ресурсы России?! Я не знаю другого большого народа в мире, который так холуйствовал бы перед всем западным и был бы так враждебен к своим гениям, которые могли бы стать национальной гордостью и точками роста именно социального прогресса. И даже вспышка русского национализма в последнее десятилетие имеет результатом ориентацию России не в будущее, а в прошлое.

Но мало сказать, что в России имеет место упадок. Тут имеет место нечто более серьезное, а именно — нисходящая ветвь социальной эволюции. А в этом случае имеет силу социальный закон, который я называю законом зеркальности. Суть его, коротко говоря, состоит в следующем. Когда говорят об отражении явлений реальности в сознании, то обычно прибегают к сравнению с отражением предметов в зеркале. При этом игнорируют то, что отражение предметов в зеркале, будучи похоже на отражаемое, является вместе с тем искаженным, зеркально «перевернутым». На нисходящей ветви эволюции действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют именно как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот. Российские властители и реформаторы стремятся действовать так, как положено действовать для успеха, но их усилия, которые могли бы принести успех в восходящей ветви эволюции, теперь, в ситуации эволюционного упадка, дают результаты противоположные. Получается на деле лишь имитация подъема, успеха. Например, действия, которые по замыслу должны были бы привести к подъему экономики, создают видимость подъема, а по сути ведут к упадку и разрушению страны. Действия по укреплению власти ведут к ее

ослаблению в качестве органа целостности и сохранности страны как единого целого. На деле получается, что чем больше успехов на поверхности эволюционного потока, тем дальше страна от реального возрождения и ближе к исторической гибели. Такой эффект неизбежен, поскольку для страны было выбрано губительное направление социальной эволюции, а именно — ее направили по нисходящей ветви эволюционного процесса.

Рассмотренная выше зеркальность имеет объяснение в том, что в процессах социальной эволюции определяющую роль играет сознательно-волевая деятельность людей. Люди осознают (отражают в своем сознании) какие-то явления прошлого и используют прошлый опыт в своей деятельности в настоящем, ориентированном на будущее. Поскольку они осознают прошлую восходящую ветвь эволюции, а действуют в нисходящей ветви, их деятельность помимо их воли оказывается не точной, а перевернутой копией прошлого. Неудивительно, что, делая вроде бы то же самое, что с успехом делали предшественники, копировщики получают противоположные результаты.

Принимая во внимание сказанное выше, можно сделать предположение, что Россия будет эволюционировать ближе к той из рассмотренных выше крайностей, которую я назвал советизированным западнизмом. На этом пути Россия вряд ли может рассчитывать на роль, сопоставимую с той, какую она играла в мире и в истории человечества в советские годы. И тем более она не может рассчитывать на вклад в социальную эволюцию человечества, сопоставимый по масштабам и по влиянию на социальный прогресс с советским (русским) коммунизмом.

Ноябрь 2000 г.

КРАХ ИДЕОЛОГИИ

Здесь излагается еще не опубликованная публичная лекция о крахе советской идеологии. Делается это в форме диалога двух персонажей книги.

В поисках великой идеи

— У нас явно пытаются создать систему власти, подобную советской. Как вы думаете, удастся это?

— Без идеологии вряд ли.

— Ее уже ищут. Вся думающая Россия ищет.

— Ищет, но найдет ли? Наши правители представляют себе дело так. Теоретики должны нахмурить лоб и открыть Идею. Сообщить ее высшему руководству. Последнее от своего имени выступит с ней перед всем народом. Услышав Идею, народ единодушно проникнется ею и начнет вести себя так, как призывают правители. Немедленно начнется стремительное возрождение России. Потекут рапорты об успехах. Начальству — слава, почести, награды. Мир потрясен. Россия во главе всей Евразии, а то и всего человечества... Главное — открыть эту проклятую Великую Идею! Чего мыслители мешкают?! Российский интеллектуальный рынок завален предложениями? Это все не то! Нужно что-то такое, чтобы начальство и весь народ сразу затрепетали. При этом никому не приходит в голову мысль, что Великая Идея была давно открыта, больше ста лет владела умами миллионов людей, на семьдесят лет избавила русских от правдоискательства и была единодушно выброшена на свалку истории.

— И теперь мы так же единодушно ищем для нее наш национальный эрзац! Как вы думаете, найдем?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала выяснить, почему и как мы отреклись от марксизма.

— Это принципиально важно?

— Конечно. Посудите сами! Без марксизма у нас не возник бы коммунистический социальный строй.

— Кое-кто считает, что мог бы.

— Не будем гадать с «бы». Есть социальные законы и объективные условия. Социальный строй по определению понятий вообще создается в результате сознательно-волевой деятельности определенной части человеческого объединения. А люди, взявшие власть в нашей стране после революции 1917 года, были марксистами. Революция проходила под лозунгами марксистов. И строилось новое общество с этими лозунгами. Это — исторический факт. Марксизм стал основой советской государственной идеологии. И, наконец, засилие марксизма стало одной из причин кризиса и краха советского коммунизма. Так что просто отбросить марксизм, как это делают сейчас, — значит на много лет назад отбросить понимание социальных явлений вообще и современных в особенности.

— Но ведь марксизм, как вы сами утверждали, не наука, а идеология!

— Верно! Но он вырос на основе каких-то научных знаний. И сам имел научные амбиции и вкрапления. К тому же марксизм — не просто идеология, а великая идеология, включавшая в сферу своего внимания все значительные социальные явления XIX—XX веков.

Два аспекта марксизма

— В марксизме надо различать два аспекта: 1) претензию на науку и попытки научного подхода к социальным явлениям; 2) идеологию, рассчитанную на

широкие массы, на влияние на эти массы, на возбуждение их на значительные действия (на преобразование социального строя). Идеологический аспект оказался сильнее, подчинил себе аспект научный, так что в целом получился идеологический феномен.

— В целом. Хотя какие-то фрагменты выходили за рамки идеологии.

— Да. Кроме того, идеология — не вздор. И марксизм — идеология особого рода. Идеология эпохальная, владевшая умами миллионов людей больше столетия и до сих пор еще владеет в той или иной форме, в основном — неявно. И по содержанию марксизм сложился так, что на пути к научному пониманию всех фундаментальных проблем бытия, включая социальные, вам придется так или иначе иметь дело с марксистским решением этих проблем. Если хотите выработать научное решение этих проблем, марксизм надо преодолеть путем серьезной критики и предложения лучшего решения, а не путем отбрасывания. Отбрасывание само отбросит вас далеко назад даже по сравнению с марксизмом. И вам придется опять барахтаться в трясине идеологии. Западной идеологии, которая еще более далека от науки, чем марксизм. Так и происходит сейчас с российскими мыслителями. Они воображают, будто свободны в своем словотворчестве. А фактически барахтаются в трясине дилетантизма, невежества, бесконтрольного и ненаказуемого словоблудия, отбросов западной идеологии.

— Но ведь научный и идеологический аспекты марксизма не противоречат друг другу?

— Как раз наоборот. Тут заключено коренное противоречие марксизма. В своем научном устремлении марксизм ориентировался на экономику как на базис общества и на стихийный (естественно-исторический) процесс эволюции, происходящий по объективным законам независимо от воли и созна-

ния людей. В своем же идеологическом устремлении марксизм ориентировался на проектируемый и управляемый аспект эволюции и на активную сознательно-волевую деятельность людей — на захват власти и использование ее для сознательных преобразований общества.

— Но марксисты полагали, что субъективная деятельность тут будет соответствовать объективной закономерности!

— Это они так думали. Но на деле получилось другое. На деле теория, претендующая на научность, была подогнана под потребности субъективных намерений. В результате теория оказалась не научной, а идеологической. Научный аспект оказался по его содержанию (по понятиям и утверждениям) идеологическим. Объективные социальные законы были выдуманы так, чтобы они «подтверждали» субъективные намерения. То, что в них было научного, было отобрано и обработано так, что научность испарилась.

Идеологическое учение и механизм

— Что такое идеология?

— Обычно, говоря об идеологии, имеют в виду лишь идеи, учения и т. п. Но это — лишь один компонент более сложного социального феномена, а именно — идеологической сферы общества. Другой компонент — идеологический механизм, то есть совокупность людей, организаций и учреждений, профессионально занятых идеологической обработкой сознания людей, разработкой идеологических учений, охраной их, вдалбливанием их в головы людей. Без этого механизма идеологические учения ничто. Согласно марксизму, идеи, овладевая массами, становятся материальной силой. Это верно. Но чтобы идеи овладели массами, нужны люди, которые их

вносят в массы и вбивают в головы людей, — нужен идеологический механизм. Идеи христианства давно были бы забыты, если бы не церковь. Идеологические учения суть лишь средства, с помощью которых идеологический механизм выполняет свою функцию в обществе — такую обработку сознания людей, чтобы члены общества могли ориентироваться в окружающей среде и сохранять общество своей жизнедеятельностью, а также манипулирование (управление) людьми путем воздействия на их сознание.

— С религиозной идеологией такой механизм очевиден: церковь. В Советском Союзе он был тоже очевиден и обнажен — явная часть партийного аппарата и партийных организаций, всякие просветительские и пропагандистские организации и т. д. А на Западе?

— В дореволюционной России была государственная религия и церковь. В Советском Союзе их заменила нерелигиозная государственная идеология (марксизм) и единый государственный идеологический механизм. Это — пример монистической идеологической сферы. В западных странах идеологическая сфера плюралистическая. Она мощнее советской и сложнее по структуре.

Наука и идеология

— Вы считаете, что идеология не наука, что и марксизм не был и не является наукой. В чем их различие?

— В целях, в средствах создания и использования, в отношении к реальности и т. д. Цель науки — познание реальности, цель идеологии — формирование менталитета людей и управление ими. Результаты науки формулируются в особом профессиональном языке, удовлетворяющем критериям логики и методологии науки. Для усвоения их нужна длительная про-

фессиональная подготовка. Они либо истинны (доказуемы или подтверждаются реальностью), либо ложны (опровергаются) и т. д. Идеология предназначена для всех, не требуется узкопрофессиональное образование для ее усвоения. Терминология и утверждения идеологии не отвечают критериям логики. Они не истинны и не ложны сами по себе, без дополнительных истолкований. Они характеризуются не понятиями истинности и ложности, а степенью эффективности воздействия на людей и степенью адекватности состоянию сознания людей в конкретных условиях их жизни.

— Неужели в марксизме нет ничего научного?!

— Конечно, марксистских текстов написаны миллионы страниц. И в них можно отыскать много отдельных утверждений, взятых из науки и выглядящих как научные. Но мы должны взять это явление в целом и подвергнуть исследованию его фундаментальные понятия и утверждения, а также итоговые утверждения, предназначенные для сознания реальных людей и их деятельности.

— Согласен. Возьмем несколько примеров для ясности. Возьмем хотя бы исходные понятия марксистской философии — понятия материи и сознания, исходное утверждение о первичности материи и вторичности сознания. Что в них ненаучного?!

— Понятия материи и сознания считаются предельно общими. А если это так, они должны совпадать по объему, то есть по множеству обозначаемых ими объектов. Это означает, что они обозначают одно и то же, то есть что материя и сознание суть одно и то же. А если они не одно и то же, они не совпадают по объему. Это означает, что понятия материи и сознания не являются предельно общими. Можно ввести более общее по отношению к ним понятие.

— Но это же мелочи!

— Для идеологии — мелочи, для науки — основа. А как понимается сознание? Как особая идеальная, нематериальная субстанция. Во-первых, слово «субстанция» фактически употребляется как более общее, чем «материя» и «сознание». Во-вторых, чем по сути дела это отличается от религиозного понимания нематериального духа?!

— Сознание есть свойство материи. И заключается оно в отражении материального. Оно вторично.

— Тут столько логических несуразностей, что нужен целый том, чтобы это показать. Есть определенная логическая техника построения понятий и оперирования ими. Марксисты полностью игнорируют ее. Сказать о сознании, что оно есть идеальное отражение материи, — значит сказать нечто невразумительное. Это не ложно и не истинно. Это идеологическая бессмыслица, которую люди легко запоминают, но не понимают с научной точки зрения. А что такое материя?

— Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях.

— По правилам логики, слово «материя» есть определяемое понятие, а выражение «объективная реальность, данная нам в ощущениях» — определяющая часть. Смысл понятий определяющей части должен быть известен до определения. Значит, понятия «объективная реальность» и «ощущения» логически более фундаментальные, чем «материя». Так?

— Так.

— Теперь вспомните, как появилось это определение? Ленин критиковал субъективных идеалистов, исходивших из ощущений. А что делает сам? Определяет материю через ощущения. О чем это говорит?

— О том, что классики марксизма были логически безграмотны и пороли чушь.

— Верно. Вспомните теперь марксистский ответ на «основной вопрос философии»: материя первич-

на, сознание вторично; сознание есть отражение материи; противоставление сознания и материи имеет смысл лишь в рамках «основного вопроса» философии. Запомните это! Обратимся к марксистскому «материалистическому пониманию истории». Оно рассматривается как распространение общего философского материализма на человеческое общество. Если строго придерживаться именно философского материализма, то самое большее, что должно было дать его распространение на сферу человеческой истории, — это рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности, существующей вне сознания теоретиков и независимо от него, и рассмотрение сочинений этих теоретиков как отражения этой реальности. Но такой «материалистический» подход был обычным делом почти для всех, кто думал на темы истории и человеческого общества. Это было всеобщей банальностью. Марксизм сделал нечто большее, чем признание этой банальности: он явления самой человеческой истории разделил на материальные и идеальные, что ровным счетом ничего общего не имеет с философским материализмом.

— Я не замечал эту несуразность.

— Никто не замечал. Или не хотели замечать. В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа производства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все «надстройки», включая государственные учреждения. При этом игнорируется начисто тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства «идеальных» явлений не меньше, чем в надстроечных.

— Ясно. Ни о какой логике тут и речи быть не может.

— А это и есть один из признаков того, что марксистская концепция есть идеологическое явление, а не научное. Она лишь наукообразна. Возьмем теперь итоговые утверждения марксизма, предназначенные для действий! Вспомним учение об отношении базиса и надстроек. Экономика — базис. Государство, право и идеология — надстройки. Меняется базис и как следствие меняются надстройки и т. д. Эти «истины» оскомину набили. Вспомните лозунг диктатуры пролетариата! Вспомните идеи отмирания государства и денег, ликвидации классов и т. п.! Государство в советском обществе не отмерло, а усилилось. Деньги остались как необходимое средство организации экономики. Возникли новые социальные категории вместо помещиков и капиталистов. Социальное и экономическое неравенство не исчезло, а лишь изменило формы. Пролетариат оказался сокращающимся классом, никакой его диктатуры не получилось. И отношение между экономикой и государством в советском обществе оказалось противоположным тому, о чем говорилось в марксизме. И западный капитализм не рухнул. Одним словом, марксизм в его «сверхнаучных» выводах оказался неадекватным реальности. И советским марксистам приходилось лезть из кожи, чтобы как-то примирить марксизм с советской реальностью.

Марксизм как государственная идеология

— Почему марксизм стал государственной идеологией Советского Союза?

— Новое общество, которое стало формироваться в Советском Союзе, по самой своей сущности нуждалось в единой организующей идеологии. Без нее оно не могло сложиться вообще. Православие для этого не годилось. Оно было отброшено вместе с ца-

ризмом. Нужна была новая великая идеология. А откуда было ее взять? Заново изобрести? На это не было времени и сил. К тому же великая идеология имеет свои законы. На создание ее нужно время и благоприятные условия. Новая идеология могла появиться только из наличного материала. И он был под рукой: это — марксизм. В нем содержалось то, что требовалось условиями послереволюционной России и целями тех, кто совершил революцию и начал строить новую социальную организацию.

— Можно считать, что тут имела место историческая случайность?

— Слово «случайность» неоднозначно. Если случайностью считать то, что не вытекает из абстрактных законов социальной эволюции, то тут имела место случайность. А если иметь в виду конкретную историческую обусловленность, то это не было слу́чайностью. Вспомните, более полувека сотни (если не тысячи) российских революционеров и мыслящих людей формировались как марксисты. Именно марксисты внесли в революционное движение в России лозунги ликвидации частной собственности на средства производства, ликвидации классов помещиков и капиталистов, диктатуры пролетариата и т. д. Революционеры, руководствовавшиеся марксистскими лозунгами, взяли власть и осуществили социалистическую революцию. Они мобилизовали массы на осуществление этих лозунгов. Что-то получилось, что-то нет. То, что получилось, сыграло решающую роль и вышло на первый план. Это было записано в пользу марксизма.

— Если бы не было марксизма и если бы революционеры не прошли школу марксизма, то русская революция не переросла бы в социалистическую и российский коммунистический (социалистический) социальный строй не возник бы?

— Думаю, что так. После революции, когда возникла потребность в идейном воспитании масс, мар-

ксизм имелся в готовом виде, был известен, был (как казалось) проверен на практике. И на первых порах он сыграл огромную организующую и просветительскую роль. Быстро сложился аппарат идеологов из марксистски воспитанных и образованных людей. И марксизм стал их профессией и социальной функцией.

— Он сохранялся этим аппаратом и навязывался им обществу!

— Да. Подобно тому как христианство сохранялось и навязывалось людям церковной организацией. Марксизм давал армии идеологов удобную терминологию, множество подходящих фраз, общие идеи, способ приспособления этих идей к потребностям общества, знак принадлежности к касте посвященных в некие премудрости, готовность служить власти и неплохо обеспечивать себя жизненными благами. Марксизм сохранялся и работал как идеология благодаря этому идеологическому механизму, созданному новой системой власти и поддерживаемому ею. Он стал насильственно насаждаться массам населения, как это было ранее с православием. Причем в марксистских текстах было сказано так много всяческих фраз, что идеологи могли приспосабливать его к любым ситуациям, выбирая нужные слова и давая им подходящие интерпретации. Подготовка таких профессиональных идеологов оказалась легким делом. Самые посредственные болтуны быстро приобретали видимость и статус мыслителей. И этого было достаточно.

— И в таком состоянии марксизм мог держаться и далее?

— Он, конечно, как-то модифицировался, применяясь к реальным переменам в стране и в мире. Но основы его сохранялись. Он в этом состоянии мог жить сколько угодно. Но при том условии, что должна была сохраняться советская система власти и идеологический механизм.

— А что давал он массам населения?

— Каким бы он ни был, он свою функцию в советском обществе выполнял до поры до времени удовлетворительно. Он привносил в массы организующее начало, цели, систему ценностей. Он учил людей определенной ориентации в окружающем мире.

Крах марксизма

— Почему он так быстро рухнул после 1985 года?

— Во-первых, он не сразу рухнул. Тут имела место длительная эволюция. Она прошла несколько этапов. Первый этап — классический марксизм (Маркс, Энгельс). С ним были знакомы немногие русские марксисты, бывавшие на Западе. Второй этап — проникновение марксизма в Россию в форме ленинизма. Тут марксизм приспособился к новой эпохе. Произошло его текстуальное упрощение. Третий этап — сталинизм. То, что известно как ленинизм, было фактически приспособлением его к советским условиям. Правильнее называть это сталинизмом. Произошло предельное упрощение его с расчетом на многомиллионные массы — вульгаризация марксизма. Четвертый этап — постсталинское время. Мы поговорим о нем дальше. И последний этап — разрушение советской системы власти и идеологического механизма. Марксизм, ослабленный и дискредитированный в послесталинский период, был просто отменен в качестве государственной идеологии, и его в этой роли некому было защищать. А идеи сами себя защищать не могут.

— Это во-первых. А во-вторых?

— Во-вторых, крах марксизма был подготовлен всей послевоенной (послесталинской) эволюцией страны. Я не буду рассматривать то, что происходило с марксизмом на Западе. Это, конечно, оказало влияние на положение с марксизмом у нас. Но главны-

ми тут были внутренние факторы. Назову некоторые из них (из числа главных). Прежде всего происходило нарастание неадекватности марксистского учения той реальности, которая формировалась. Реальный коммунизм превращал в бессмыслицы и в объект насмешек многие положения марксизма, которые идеология раздувала и которые были всем известны с детства. Идеологическая картина советского общества стала восприниматься людьми как вопиющая ложь, как жульническая маскировка неприглядной реальности. Деморализующий эффект от этого оказался сильным не потому, что люди осознали недостатки реального коммунизма (они стали привычными), а потому, что реальность не оправдала обещания идеологов и руководителей страны.

— К этому добавилась официальная критика сталинизма.

— В хрущевские годы и первые годы брежневского правления началась всесторонняя критика сталинизма во всех слоях советского общества. Эта критика постепенно переросла в критику советского коммунистического строя вообще. Крайним проявлением этой эпидемии явилось диссидентское движение, «самиздат» и «тамиздат». Критике подверглась и сталинская «вульгаризация» идеологии, которая постепенно переросла в пренебрежительное отношение к идеологии вообще. Даже в кругах самих идеологов и партийных деятелей, занятых в идеологии, стали стыдиться апеллировать к идеологии и ссылаться на нее. В область идеологии устремились толпы всякого рода «теоретиков», то есть неудачников, графоманов и карьеристов из различных наук, которые буквально заполонили идеологию модными идейками и словечками. И все это делалось под соусом творческого развития марксизма. Причем сами эти творцы в своих узких кругах издевались над развиваемым ими марксизмом. Они воображали, будто делают духовную ре-

волюцию, лишь в силу необходимости прикрываясь интересами марксизма. На самом деле они ничего другого, кроме безудержного словоблудия, производить не могли. Однако они наносили ущерб идеологии, имея за это награды и похвалы.

— Какую роль в крахе марксизма в России сыграл Запад?

— Наконец, фактор Запада. В Советском Союзе прилагались титанические усилия к тому, чтобы выработать у советских людей иммунитет по отношению к влиянию Запада.

— Оно считалось тлетворным.

— Оно и было таким на самом деле. Ведь шла идеологическая война. Война нового типа. Запад обрушил на советское общество мощнейший поток информации (скорее, дезинформации) о жизни на Западе, западной культуры (скорее, массовой псевдокультуры), идеологии, пропаганды западного образа жизни и критики образа жизни советского. И надо сказать, что он нашел тут благоприятную ситуацию. Советский идеологический аппарат оказался не в состоянии ему противостоять. Никакие усилия советской контрпропаганды и карательных органов (в том числе глушение западных радиостанций и аресты) не могли остановить это наступление Запада на души советских людей. Последние, в особенности образованные и привилегированные слои, испытали такое влияние Запада, какого до сих пор не знала не только советская, но и досоветская русская история. Оказалось, что советские люди не имели защитного иммунитета против такого влияния.

— Запад стал для нас величайшим соблазном.

— Западная антисоветская пропаганда и сами советские люди, клюнувшие на нее, игнорировали различие конкретных условий Запада и Советского Союза, сравнивали их жизненный уровень просто по схеме: у них так (хорошо), а у нас — так (хуже). И на

вопрос «почему?» ответ видели там, куда указывали с Запада: виноват коммунистический (советский) социальный строй. Сбросьте коммунизм и установите западный строй, и у вас будет так же хорошо, как на Западе.

— А как было на самом деле на реальном Западе, нам не объясняли.

— Советским людям на Западе показывали магазины, курорты, свободу передвижения и т. п. А об основах западного образа жизни — ни слова правды. Склонность к критическому отношению ко всему своему и зависть ко всему чужому, а также ненаказуемость бесчисленных поступков советских людей, наносивших ущерб советскому обществу, довершили комплекс причин, сделавших идеологический и морально-психологический кризис советского общества неотвратимым. И, как я уже сказал, контрреволюция после 1985 года довершила этот процесс, лишив марксизм статуса государственной идеологии. И марксизм просто стушевался. Его всерьез никто не защищал.

Марксизм и крах коммунизма

— Способствовал ли марксизм в какой-то мере краху советского коммунизма?

— Конечно. Он помешал научному пониманию советского и западного общества, а также происходивших в мире перемен. В той мере, в какой советское руководство считалось с ним, оно совершало грубые ошибки. Марксизм занизил интеллектуальный уровень руководства, дезориентировал его. Сама идея материального изобилия при коммунизме и распределения материальных благ по потребностям оказалась самоубийственной для реального коммунизма, сместив систему ценностей из духовной сферы в материальную.

Будущее марксизма

— Сейчас много говорят о необходимости идеологии. Возможно ли возрождение марксизма?

— Повторяю, сохранять марксизм можно было как угодно долго, если бы сохранялась власть, для которой он был бы идеологией, и идеологический механизм, использующий и культивирующий его. Сами марксистские тексты таковы, что любые идеи можно было погрузить в них и истолковать их как дальнейшее творческое развитие марксизма. Но раз он рухнул, то восстановить его без этого в той же роли невозможно. Для этого нет должных условий. Есть мелкие группки и даже партии, сохраняющие верность марксизму. Но они мизерные. Их интеллектуальный уровень низок. Серьезных сил, связывающих себя с марксизмом, нет, и вряд ли они появятся. Плюс антимарксистская пропаганда. Отрицательный опыт прошлого. Предательство КПСС. За счет марксизма сейчас никто не прокормится — он не оплачивается. С другой стороны, по своему содержанию он стал анахронизмом — неадекватным состоянию России и современным процессам в мире. В западном мире нет серьезных сил, для которых он стал бы знаменем. Он стал неконкурентоспособным в борьбе за «души» людей.

Будущее идеологии

— Возможно ли в наше время вообще изобрести какую-то новую идеологию большого масштаба, сопоставимую с марксизмом?

— Самая высокая и дерзкая претензия, на какую способен человек, это — создание великой идеологии, сопоставимой с великими мировыми религиями. Такой была претензия мыслителей эпохи Про-

свещения. Такой была претензия марксизма. Построить учение более высокого интеллектуального уровня, более научное и более адекватное современной реальности, чем марксизм, возможно. Но для великой идеологии это — лишь одно из условий. Нужны еще другие условия, которых нет. Так что в обозримом будущем великая идеология, о которой вы говорите, вряд ли возможна.

— Почему?

— Что такое идеология?

— Совокупность идей.

— А что такое идея?

— Утверждение или совокупность утверждений, коротко говоря — выраженная в языке мысль.

— Не любая мысль есть идея, а лишь мысль, обладающая определенными свойствами. Это — мысль, влияющая на поведение людей, побуждающая их на определенные поступки или удерживающая их от определенных поступков. Чтобы выполнить эту роль, она должна быть построена по определенным правилам. Идеология есть совокупность идей, влияющих на поведение людей. Она создается по особым правилам. И должен быть особый механизм навязывания ее людям и поддержания ее действенной силы. Великая идеология имеет сферой действия большие массы и объединения людей и предполагает достаточно большой механизм (то есть особых людей и их организацию) ее жизнедеятельности. Необходимы определенные условия, чтобы такой феномен возник и сохранялся длительное время. Такие условия существуют не всегда.

— Как обстоит дело в этом отношении в нашу эпоху?

— В нашу эпоху возникли средства и способы формирования сознания людей и манипулирования ими путем воздействия на их сознание гораздо более мощные, чем идеологические, — неидеологические,

антиидеологические и сверхидеологические. Наступила эпоха сверхидеологии. Идеи, из которых формируются целостные идеологии, не исключаются. Они вырабатываются и сохраняются как компоненты сверхидеологии наряду с другими средствами. Возникли также средства разрушения нежелательных идеологий и манипулирования ими.

— Что это за средства?

— На уровне науки они изучены очень мало или не изучены совсем. Более того, в какой-то мере изучение их есть табу. Но приглядитесь внимательнее к СМИ, к разделам современной науки, о которых говорится в СМИ, к литературе, музыке, кино и вообще ко всему тому, что сейчас влияет на формирование сознания и поведение людей! Думаю, что вы сами догадаетесь, о чем я говорю.

— Как вы с этой точки зрения рассматриваете положение в России?

— Происходит пока хаотический процесс формирования сверхидеологической менталитетной сферы, включающей формы религиозной идеологии, остатки советской идеологии, реанимацию идеологических явлений прошлого, сектантство всякого сорта, бесчисленные проекты спасения России и т. д. Но время единой великой идеологии прошло.

Ноябрь 2000 г.

ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАРОДА

Слова **«Россия»** и **«русский народ»** неопределенны и многосмысленны. Я их буду здесь употреблять в следующем смысле. Россия — это Российская Федерация в том виде, в каком она определена сейчас конституционно и в каком официально признана в мире. Русский народ — народ, который образует множество людей, считающихся русскими. Не буду говорить о

критериях на этот счет. Я полагаю, что в подавляющем большинстве случаев тут проблемы нет, а какие-то исключения, когда возникают сомнения, неизбежны при любых определениях.

Употребляются выражения «советский народ», «американский народ» и т. п. Говорят о российском народе. В этих случаях слово «народ» употребляется для обозначения объединений людей не по этническому, а по социальному признаку или просто как синоним слова «население».

В каких бы отношениях ни находились Россия и русский народ, их исторические судьбы не тождественны. Возможно, что Россия сохранится и в какой-то мере будет процветать, а русский народ при этом будет деградировать. Но возможно и такое, что русский народ выживет, а Россия распадется и исчезнет как единая и суверенная страна. Россия есть образование социальное, а русский народ — этническое. Хотя тут речь идет об одних и тех же объектах (о людях и их объединениях), но рассматриваются они в разных планах, в различных системах понятий и утверждений. Закономерности этнического и социального аспектов различны.

Уточню понятие **«народ»**. Народ есть явление этническое. Но сказать это — мало. Народ формируется и живет в условиях социальной среды, под влиянием факторов социальных. Это не означает, будто народ одновременно есть явление этническое (биологическое) и социальное. Народ есть явление не социальное, а именно этническое, но сложившееся в социальной (а не в чисто природной) среде. Подобно тому как культурные растения и домашние животные не становятся явлениями социальными вследствие того, что выведены в человеческих (социальных) объединениях, а остаются растениями и животными, так и народ остается явлением биологическим, хотя и возникшим в социальной среде и под воздействием факторов со-

циальных. Народ состоит из людей как биологических существ и воспроизводится по законам биологии, а не по законам социологии.

Народ — это не просто множество людей определенного этнического типа. Это — скопление таких людей в некотором ограниченном пространстве. Эти люди при этом регулярно общаются, биологически родственны, самовоспроизводятся в ряде поколений. Это — связная масса. В течение длительного (исторического) времени у нее вырабатываются определенные устойчивые черты — складывается определенный характер. Он определяется факторами биологическими и конкретно-историческими, то есть условиями жизни в социальной среде. Первые являются прирожденными, передаваемыми по биологическому наследству. Вторые биологически не наследуются. Тем не менее и они наследуются. Но для этого складывается механизм социальной наследственности. Это — совместная жизнь ряда поколений, образцы поведения для детей, обучение, воспитание, сходный опыт жизни, искусство и т. д. Характер народа консервативен. Изменения в нем происходят, но сравнительно незначительные и медленные.

Характер народа как единого целого зависит от свойств входящих в него людей, но не сводится к ним. Тут срабатывает эффект множественности людей. Отношение между народом в целом и его отдельными представителями подобно отношению между лесным массивом и его отдельными деревьями. Не все, что верно в отношении леса (народа), верно в отношении отдельных его деревьев (отдельных людей), и наоборот. И даже в тех случаях, когда свойство народа определяется через аналогичное свойство его членов, требуется особая операция вычисления. Например, для того, чтобы выяснить интеллектуальный уровень народа, недостаточно привести примеры его выдающихся представителей. В народе с высоким уровнем

интеллекта может быть много дураков, а народ, в котором много умников, в целом может иметь низкий интеллектуальный уровень. Тут нужна специальная технология исследования. Должен заметить, что в этнографии (в народологии) до сих пор отсутствует научная теория на этот счет, удовлетворяющая критериям научного подхода и современным практическим потребностям. Например, с помощью такой теории можно было бы доказать, что интеллектуальный уровень населения США недостаточно высок, чтобы удовлетворить потребности США в интеллекте на современном уровне развития и с их мировыми претензиями, и потому они вынуждены «высасывать» интеллектуальные «соки» из других стран. Думаю, что не менее разочаровывающие результаты получились бы в отношении России. Это — к сведению тех, кто рассчитывает на то, что русский народ в одиночку способен поднять страну на уровень достижений современной цивилизации и удержаться на этом уровне достаточно долго.

Важно установить отношение народа к таким явлениям, как семья, племя, род, общество, и другим социальным объединениям людей. Семьи, роды и племена являются эволюционными предшественниками обществ, но не народа. Народ — явление этническое, а упомянутые объединения — социальные. Даже большая, разросшаяся семья как автономное объединение есть явление социальное, а не только биологическое. Семьи, роды, племена и даже общества играют роль условий образования народа. И все же образование народа есть ветвь эволюции людей, которая не тождественна социальной эволюции. Не поглощается ею. Семья, род и племя поставляют материал для народа, но не являются зародышами и этапами формирования народа. Народ предполагает семейные и другие биологические связи. Но он начинает складываться тогда, когда людей скапливается достаточно

много, и родственные связи ослабевают настолько, чтобы быть единственным механизмом единства скопления людей, но остаются настолько сильными, чтобы обеспечивать воспроизводство народа и его характера. Наличие народов необходимо для образования объединений типа обществ. Но это не означает превращения народа в общество. Тут сплетаются различные линии эволюции человечества.

Народ в целом ряде случаев фигурирует как социальный фактор. Например, от характера народа зависит то, какой тип социальной организации и в какой конкретной форме возникает в данном человеческом объединении. В успехе коммунистического эксперимента в России огромную роль сыграли качества русского народа. И те же качества сыграли роль в гибели русского коммунизма в других условиях семьдесят лет спустя. Но это не означает превращения народа в явление социальное, подобно тому, как большая роль картошки и лошадей в социальных событиях не превращает их в объекты социальные.

Если характер народа достиг достаточно высокой степени устойчивости, становятся возможными такие явления, как ассимиляция народом посторонних примесей и сохранение данного характера частями народа, отделяющимися от основной массы, а также смешения различных масс людей с сохранением качеств народов и другие явления, нарушающие «чистоту» народов. Полностью чистокровные народы — редкость в реальной истории.

Употребляется слово **«нация»**. Иногда оно употребляется как синоним слова «народ», иногда — как обозначение населения страны с более или менее однородным (однонародным) составом, иногда — как синоним гражданства.

Следует особо обратить внимание на такое явление, которое я называю рассеянием народа. Такое явление образуется, когда характер народа сложил-

ся, народ достаточно размножился и от него отделяются части того или иного размера (вплоть до отдельных семей и даже людей). Эти части распространяются по планете. Порою живут независимо от основной части. Порою такой основной части вообще нет, и различные части народа живут в составе других масс людей. Так образуется то, что называют диаспорой. Я бы ввел понятие **«внутренней диаспоры»** для явления, когда народ распадается на множество сравнительно автономных частей внутри одной страны. Классическим примером внешней диаспоры могут служить евреи. Русские могут служить примером внутренней диаспоры. Она имела место и в дореволюционной России, и в Советском Союзе. Но особенно сильно она развилась в постсоветское время. Для русских состояние внутренней диаспоры более характерно даже для самой России, чем состояние более или менее однородного населения таких стран, как Франция, Италия, Германия и др., для которых употребляют слово «нация». Слова «русские» и «русский» относятся к людям скорее именно в состоянии диаспоры как внешней, так и внутренней. Употребляя слово «народ», я имею в виду не только его состояние в сравнительно локализованном виде, но и состояние рассеянности, диаспоры. Это — одна из черт того или иного конкретного народа.

Обратимся к русскому народу. До сих пор в отношении русского народа у нас господствует формула поэтического идиотизма: «Умом Россию не понять». А вот враги и погромщики русского народа стремились и стремятся понять его именно умом, правда — с целью успешной борьбы против него. Так поступали гитлеровцы перед нападением на нашу страну. Тщательно изучали характер русского народа организаторы и руководители «холодной войны» Запада против Советского Союза, в первую очередь — про-

тив России, и еще точнее — против русского народа. И надо признать, что они неплохо разобрались в слабостях русских и эффективно сыграли на них. Среди этих слабостей могу упомянуть, например, такие: низкая степень народной солидарности, низкая степень самоорганизации, повышенное холуйство перед властями и перед Западом, высокая степень враждебности к выдающимся соплеменникам, которые еще не добились официального признания, психологическое хамелеонство и т. п. А попробуйте сделать какие-то шаги в направлении объективно научного описания качеств русского народа в интересах его сохранения, как на вас обрушатся представители самого русского народа. Другое дело — если вы будете всячески превозносить его до высот богоизбранного носителя мировой духовности, некоего спасителя человечества.

Не буду уходить далеко в прошлое русского народа. Я не историк. И к тому же вся история русского народа сфальсифицирована настолько, что ссылки на прошлое лишь вводят в заблуждения или служат иллюзорными аргументами в пользу предвзятых концепций. Я скажу лишь о том периоде жизни русского народа, свидетелем и участником которого был и пока остаюсь сам.

В результате «холодной» и затем «теплой» войны сил Запада против нашей страны и в результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы русский народ пережил небывалую катастрофу эпохального масштаба. Он оказался в состоянии трагическом в самом строгом смысле слова, без всяких преувеличений. Были разрушены как этнические, так и социальные механизмы, связывавшие русских людей в единый народ. Русские, которые и без того были разбросаны по огромной территории и «разбавлены» другими народами и их представителями, оказались раздробленными (ато-

мизированными) настолько, что теперь о них как о целостном народе можно говорить лишь с натяжкой. Значительная часть русских оказалась за пределами России вследствие распада Советского Союза. Внутри России свою лепту в дезинтеграцию русских внес региональный сепаратизм, а также социальное расслоение населения, разделившее русских на части, гораздо более чуждые друг другу во всех основных аспектах жизни, чем различные народы. Для подавляющего большинства русских наступила эпоха всестороннего упадка, деградации и даже биологического вымирания. Распалась преемственность поколений, прервалась целостность народа во временном измерении. Представители уходящего поколения и нового, постсоветского поколения уже не ощущают себя частями одного народа. Они в большей мере ощущают себя как представители разных и даже враждебных народов.

Произошла не только социальная, но и этническая катастрофа русского народа. Скрыть и замолчать этот факт уже невозможно. Свидетельств ее более чем достаточно. Ими пестрят все СМИ. Их признают официально. Они учитываются в деятельности всех подразделений социальной организации страны, всех партий и общественных организаций. Это стало будничной реальностью жизни России.

Эта этническая катастрофа явилась результатом совпадения множества факторов. И главный из них — умышленные, заранее спланированные, хорошо организованные и педантично осуществлявшиеся в течение почти половины века действия сил Запада и их российских помощников — ярых поклонников Запада, агентов влияния, предателей, «пятой колонны», диверсантов. Сыграли свою роль и качества самого русского народа. Он проявил поразительную неспособность на какое бы то ни было сопротивление силам разрушения, принявшим форму западнизации.

Он фактически стал орудием своего собственного разрушения в руках чужеземных и отечественных разрушителей. Процесс беспрецедентной гибели великого народа посторонним наблюдателям казался рационально необъяснимым самоубийством.

В России появилась идеология, оправдывающая процесс разрушения русского народа ссылкой на то, что нечто подобное имеет место и в отношении народов западных стран. Как будто распад больших народов вообще есть мировое явление современности, так что происходящий распад русского вроде бы есть явление нормальное. Верно, что тенденция к распаду таких образований, какими являются привычные народы («нации»), имеет место в эволюции человечества. Она была очевидной в Советском Союзе, где складывалась новая советская наднациональная человеческая общность, в которой ослаблялись этнические (народные) связи и усиливались связи социальные. После Второй мировой войны началась интеграция западных стран, стало формироваться западнистское сверхобщество, в котором явным образом стали ослабляться и даже разрушаться этнические механизмы западных народов. Однако имеет место существенное отличие рассматриваемого разрушения русского народа от упомянутых процессов на Западе и в советские годы. На Западе происходит интеграция народов и образование сверхнародной (сверхнациональной) человеческой общности, подобной той, какая складывалась в Советском Союзе. Это — не гибель масс людей, а эволюция, их социальное развитие, социальный прогресс. Образование новой советской наднациональной общности людей происходило так, что положение русских людей в целом улучшалось во всех основных аспектах: в образовании, культуре, науке, управлении, деловой сфере и т. д. В отношении же русского народа в постсоветский период идет процесс противополож-

ный. Русский народ опускается на более низкий эволюционный уровень, отбрасывается назад, в прошлое, обрекается на деградацию и биологическое вымирание. Ничего подобного не происходило с ним в советский период. Ничего подобного не происходит с большими народами западных стран. Распад и деградация русского народа происходит не потому, что наблюдается некая мировая тенденция к разрушению больших народов, а потому, что Советский Союз и затем Российская Федерация капитулировали перед Западом в «холодной (и затем в «теплой») войне», потому, что в России и странах распавшегося Советского Союза была насильственно разрушена советская (коммунистическая) социальная организация и создана такая социальная организация, которая способствует не выживанию, а умиранию русского народа.

В Советском Союзе русский народ служил основанием и оплотом всего здания советского общества как общества коммунистического типа. На Западе русские рассматривались как носители коммунизма, можно сказать — как своего рода генетические коммунисты. Удар, направленный силами Запада против коммунизма, стал ударом прежде всего по русским. Прочие народы в пропаганде изображались как жертвы коммунизма, причем именно русского. Антикоммунизм принимал форму русофобии. А после краха советского коммунизма идеологическим образом врага для Запада стали русские. Русофобия стала компонентом западной идеологии.

В результате антикоммунистического переворота пострадали прежде всего те сферы российского общества, в которых были заняты в основном именно русские, — управление, промышленность, сельское хозяйство, наука, торговля, образование, вооруженные силы и т. д. Десятки миллионов русских утратили то социальное положение, какое они

сумели занять в обществе благодаря советской социальной организации. Они были сброшены на самый низкий жизненный уровень, оказались ненужными, были деморализованы, потеряли всякую надежду на лучшее будущее. Вновь созданная постсоветская система закрепила и усилила это положение русских. В стране стала складываться такая социальная структура населения и такие отношения с внешним миром, что почти все достижения русского народа за советский период (а они были огромны!) пошли прахом. У русских просто отняли роль одного из ведущих народов планеты и обрекли на статус народа второстепенного, деградирующего и вымирающего. И сделали это их собственными руками, умело манипулируя ими, так что можно сказать, что русские прошляпили уникальный шанс, выпавший на их долю волею исторического случая.

Проблема теперь заключается в том, сможет ли русский народ адаптироваться к новой и для большинства чуждой социальной среде и занять в ней достойное положение? И что могут для этого сделать те, кто озабочен судьбой русского народа и стремится воспрепятствовать его трагической судьбе? Во всяком случае, даже при самых благоприятных обстоятельствах потребуется много лет и усилий на то, чтобы только затормозить и остановить процесс деградации русского народа. В современных условиях только тот народ способен сохраниться в качестве великого или влиться в сверхнародную общность в качестве важного ее компонента, который способен овладеть высшими достижениями цивилизации и делать свой вклад в них. А тут одними разоблачениями, призывами, идеализацией прошлого русского народа и возвеличиванием его прошлых реальных и мнимых успехов не отделаешься. Тут потребуется мобилизация всех сохранившихся потенций народа

и его борьба за место в великой истории. Именно борьба, а не ожидание, что кто-то поможет ему, кто-то спасет его, само собой произойдет чудо его возрождения.

Способен ли на такой исторический подвиг русский народ после всего того, что случилось с ним? Он уже пережил эпоху своей великой исторической миссии, заплатив за это слишком большую цену. Пойдет ли он на нечто подобное снова? А не предпочтет ли он жить в состоянии перманентной катастрофы, наплевав на историческое и глобальное величие и привыкнув к нынешнему состоянию как к норме?

Решение упомянутых и других проблем, касающихся судьбы русского народа, зависит от того, в какой мере сам русский народ способен породить людей, готовых пожертвовать свои силы на обдумывание современного положения русского народа, выработку практических мер для его самосохранения и на организацию его на борьбу за реализацию этих мер. Надо признать, что в этом направлении кое-что делается как стихийно, так и сознательно. Можно констатировать две линии на этот счет. Первая из них заключается в желании консолидировать русских в состояние, подобное тому, в каком находились народы Западной Европы до Второй мировой войны и в значительной мере еще находятся до сих пор, — в состояние этнически однородной «нации». К такому состоянию стремятся и многочисленные народы после распада советского блока и Советского Союза. Эту линию можно назвать националистической, не вкладывая в это слово никакого негативного смысла. Эта линия довольно активно заявляет о себе публично. Но вспышка националистических умонастроений какой-то части русских еще не есть показатель подъема русского народа. Это — реакция на общий упадок народа, поиск средств остановить его.

По моим наблюдениям, русский национализм серьезных перспектив не имеет.

Вторая линия не проявляется публично так отчетливо, как первая, зато практически более активна. Суть ее заключается в молчаливом признании невозможности превращения русского народа из состояния внутренней диаспоры (рассеянности, атомизированности) и внешней раздробленности в состояние единой «нации» и в более или менее активной деятельности в одиночку и группами по завоеванию наилучшего для них (а не для народа в целом) положения в российской этнической мешанине. Малые народы выживают в этой мешанине более или менее целостными объединениями. Русские же в силу своей огромности, рассеянности на огромной территории, низкого уровня этнической солидарности, общего состояния страны и ее положения в современном мире действовать аналогичным образом не могут. Идеологически эта линия проявляется в идеях государственности, державности, руководящей роли и т. п. русских в некоем братстве народов. Эта линия фактически есть продолжение этнической стратегии советского периода, которая не способствовала (мягко говоря) русскому национализму. Думаю, что и в дореволюционной России эта линия была тоже доминирующей.

Русские люди (представители русского народа) принимают активное участие в социальной эволюции современной (постсоветской) России прежде всего как граждане России, как россияне. И лишь постольку, поскольку они этнически суть русские, они вносят свою лепту в самосохранение русского народа. Но способна ли эта активность остановить деградацию русского народа в целом? Я в этом сомневаюсь.

Ноябрь 2000 г.

МОЛОДЕЖЬ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Понятие «молодежь» неоднозначно. Оно обозначает, во-первых, людей определенного возраста. У этих (молодых) людей возникают, конечно, проблемы, связанные с возрастом. Это — рутинные проблемы. И разрешаются они рутинным ходом жизни. Идет время. Молодые люди взрослеют. Их молодежные проблемы уступают место столь же рутинным проблемам взрослых. Молодежь, во-вторых, есть определенное социальное явление. Это — социальная организация человеческого объединения, рассматриваемая с точки зрения воспроизводства его человеческого материала. С этой точки зрения молодежь не есть всего лишь множество молодых людей. Молодежь в этом смысле имеет сложную социальную структуру. Она включает в себя честных и преступников, здоровых и больных, наркоманов, алкоголиков, извращенцев, богатых и бедных, талантливых и бездарных, трудяг и паразитов и т. п.

Проблемы молодежи в первом смысле возникают везде и всегда. Проблемы молодежи во втором смысле возникают лишь иногда, в исключительных случаях. Это — новое явление в человеческой истории. Оно заявило о себе как о значительном факторе социальной эволюции после Второй мировой войны в форме массовых организаций и движений молодежи, потрясших самые социальные основы стран западного мира. В дальнейшем я буду иметь в виду проблему молодежи во втором смысле.

Когда возникает проблема молодежи в этом смысле, то это означает, что в обществе возникла из ряда вон выходящая социальная проблема, которая специфическим образом проявляется в положении и поведении молодежи. Например, в 60-е годы в западных странах возникли проблемы, которые обнаружили себя и оставили след в истории именно как проблема

молодежи. Сейчас в нашей стране сложилась ситуация, породившая проблемы, проявляющиеся как проблема молодежи именно в этом смысле.

Особенность проблемы молодежи, как она встала в сегодняшней России, определяется тем, что в нашей стране произошел социальный перелом в самом фундаменте общества, в его социальной организации, во всем образе жизни, в системе ценностей, в видах на будущее. Последствия этого перелома во всю мощь стали ощущаться и отчетливо осознаваться массами населения теперь, когда к активной социальной жизни стало созревать новое, постсоветское поколение. Этому поколению предстоит считаться с результатами антикоммунистического переворота горбачевско-ельцинских лет как с данной реальностью их бытия, предстоит расплачиваться за деяния своих предшественников, жить в условиях социальной катастрофы, как-то вытаскивать страну из этого состояния, отстаивать страну от сил разрушения и колонизации, строить не только свое будущее, но и основы жизни будущих поколений.

Понятие «будущее» тоже неоднозначно. Оно употребляется как обозначение физически будущего времени, в которое будет что-то происходить в мире, включая Россию. В другом смысле понятие «будущее» является социологическим понятием. При этом предполагается конкретный социальный субъект и строятся прогнозы о том, что будет происходить именно с ним в обозримом будущем в первом (в физическом) смысле. Именно в этом смысле я употребляю понятие будущего, говоря о будущем России в связи с проблемой молодежи.

Судьба российской молодежи начавшегося постсоветского периода российской истории уже предопределена на обозримое будущее. Она предопределена антикоммунистическим переворотом, западнизацией страны и ее включением в зону действия глобально-

го западнистского сверхобщества — глобализацией. Сегодняшняя российская молодежь вступает в свою эпоху (в эпоху, в которую она будет играть решающую роль) в условиях всесторонней разрухи, идейного и психологического хаоса, отсутствия уверенности в будущем, распада системы ценностей, угрозы закабаления и дезинтеграции страны, вырождения русского народа. Это — реальность, на которую уже невозможно закрывать глаза.

Состояние и будущее российской молодежи решающим образом зависит от той социальной организации взрослых, которая уже сложилась в основных чертах. Сейчас эта организация вступила в стадию нормализации и легитимации. Молодым людям предстоит не ломать ее, что практически невозможно в современных условиях, а укреплять, использовать в своих личных интересах и принимать активное участие в деятельности в интересах улучшения уровня жизни масс российского населения и в борьбе за суверенитет нашей страны. Есть универсальные социальные законы социальной жизни, которые имеют силу и для российской молодежи и с которыми молодежь вынуждена считаться, нравится это кому-то или нет. Складывается, например, новая социальная структура населения (классы, слои, категории, профессиональные различия и т. д.), качественно отличная от той, какая имела место в советский период. Складывается новая система ценностей, новая система воспитания и профессионального образования, новые критерии оплаты труда и достижения жизненного успеха. Процесс западнизации и глобализации страны идет весьма интенсивно. Остановить его уже невозможно. Включение молодежи в активную социальную жизнь не может, естественно, обойтись без трудностей, драм, конфликтов. Российская молодежь должна осознать, что наступающий век будет не веком праздников и приятных развлечений,

а веком ожесточенной борьбы одних — за выживание, других — за господство над первыми, одних — за национальные интересы России, других — за врастание в западный мир за счет деградации русского народа.

Я принадлежу к довоенному поколению — к поколению, которое выросло и стало вступать во взрослую жизнь в 30-е годы. Наша судьба была нелегкой, в значительной мере — трагичной. Во многом положение нынешней российской молодежи сходно с нашим. Но нам было проще и легче в идейном и психологическом отношении. У нас была идейная ясность, были открыты широчайшие возможности жизненного успеха, была уверенность в будущем. Мы вступали в жизнь в условиях восходящей линии социальной эволюции нашей страны, в условиях беспрецедентного исторического подъема. Трудности, жертвы, потери были колоссальными. Но мы их воспринимали как преходящие и как оправданные историческими обстоятельствами и грядущим будущим. Нынешняя, постсоветская молодежь вступает в свою эпоху в условиях, в значительной мере противоположных тем, какие определили судьбы представителей моего поколения, а именно — в условиях исторического поражения русского коммунизма, нисходящей линии социальной эволюции, деградации русского народа. Принимать или отвергать этот результат антикоммунистического переворота горбачевско-ельцинских лет, приспосабливаться к нему или восставать против него — с такими проблемами эпохального значения придется так или иначе взрослеть и жить нынешней российской молодежи.

Я сочувствую нынешним молодым людям России. Признаюсь, мне стыдно перед нею за то, что старшие поколения допустили то катастрофальное состояние, в котором оказалась наша страна в последние пятнадцать лет. Мне стыдно за то, что мы не сумели

уберечь страну от этой катастрофы, что мы способствовали этой катастрофе, что не построили то светлое будущее, какое обещали. Постсоветская молодежь имеет моральное право отнестись с презрением к своим предшественникам, которые не оставляют своим наследникам ни ясных целей, ни прочной системы ценностей, ни воодушевляющих прогнозов на будущее, ни практически перспективных планов. Порвалась связь поколений. Постсоветской молодежи предстоит заново осваивать свой мир, предстоит выстрадать свое будущее. Я сожалею о том, что мое поколение уже не может принять участие в этом сражении молодежи за будущее, чтобы хотя бы в какой-то мере искупить свою вину перед нею.

Декабрь 2000 г.

ВЛАСТЬ

С первых же дней 2000 года начался период постсоветской истории, который, очевидно, будет назван по имени нового президента России путинским. Это будет сделано не только потому, что именно Путин сменил Ельцина на этом посту, но и потому, что новый Президент уже наложил на жизнь страны печать своей личности, и похоже на то, что это влияние будет усиливаться.

В прошедший первый год этого периода на первый план в жизни страны вышли проблемы организации и самоутверждения самой системы власти. Это произошло не в силу чисто субъективных качеств и амбиций Президента, а в силу конкретных условий, какие сложились в России к концу ельцинского правления, и закономерных потребностей формирования социальной организации человеческих объединений такого типа и масштаба, к числу которых относится Рос-

сия. Чтобы обосновать это мое утверждение, я должен прибегнуть к пояснениям теоретического характера хотя бы в самой минимальной и упрощенной форме. Читателя, заинтересованного в более основательном ознакомлении с моими теоретическими идеями, отсылаю к моим опубликованным ранее работам, в их числе — к книге «На пути к сверхобществу» («Центрполиграф», 2000).

Проявить какое-то внимание к теоретическим соображениям небесполезно в сложившейся для России ситуации хотя бы уже потому, что почти стопроцентное отсутствие научного понимания реального коммунизма, реального западнизма и общих закономерностей социальных явлений в головах советских и затем российских реформаторов стало одним из важнейших факторов произошедшего в горбачевско-ельцинские годы исторического краха Советского Союза и России. Правда, такого понимания не было и нет и у западных манипуляторов российскими реформаторами. Но им такое понимание и не требовалось. Им вполне достаточно было руководствоваться принципами, подобными тем, какими руководствуются профессиональные охотники, убивающие животных, не имеющие при этом представления о высших достижениях биологической науки. Научное понимание социальных явлений (и прежде всего реального коммунизма и западнизма) могло быть полезным руководителям нашей страны, поскольку она находилась в положении убиваемого западными охотниками существа.

Базис и надстройка

Сколько лет советским людям вбивали в голову мысль, будто экономика есть базис общества, а государственная власть (государство), право, идеология

суть надстройки над этим базисом. И так основательно вбили, что до сих пор как правители и идеологи, так и рядовые обыватели убеждены в том, будто экономика есть основа основ общества. Хотя марксизм выбросили на свалку истории, догму об экономике как о базисе общества в посткоммунистической России в головы россиян вдалбливают с удесятеренным остервенением. Экономика, экономика, экономика... — слышишь и читаешь во всех СМИ призывы с неослабевающей настырностью изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. А западные наставники, все как один заядлые антимарксисты, усердствуют еще свирепее. Экономика, экономика, экономика!.. Логика убежденности при этом до сих пор остается той же, какой она была у корифеев эпохальной социальной мысли полтора столетия тому назад: чтобы общество могло существовать, нужна пища, одежда, жилища. А ведь для жизни людей не менее необходимы вода, воздух, секс и т. п. Так почему бы это все не объявить базисом общества?! И никто не удосужился исследовать как следует с научной точки зрения хотя бы один исторически значительный факт, якобы подтверждающий учение о базисной роли экономики.

Возьмем, например, реальное (а не воображаемое идеологами) коммунистическое общество в России. Оно появилось вовсе не по марксистскому «закону» приведения надстройки в соответствие с экономическим базисом, а как раз наоборот: никакого коммунистического базиса в дореволюционной России не было, произошел политический переворот, коммунисты захватили власть, создали новую систему власти и, используя ее, стали создавать экономику коммунистического типа. А как стала складываться постсоветская экономика, считающаяся капиталистической? В советском обществе ее не только не было в сколько-нибудь значительных размерах, но для нее не было даже предпосылок. Ее стали насиль-

ственно и сверху навязывать российскому населению после того, как советская система власти и советская (коммунистическая) экономика стали искусственно разрушаться новыми (некоммунистическими) правителями страны, то есть после антикоммунистического политического переворота и усилиями новой политической власти.

Реальные человеческие объединения организуются, живут и эволюционируют не по схемам учений, в которых на экономику молятся как на божество (или базис, что с научной точки зрения есть лишь вариант «божества»), а совсем по другим объективным социальным законам. Ниже я кратко опишу некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к теме статьи — к проблеме власти.

Социальные законы

Человеческие объединения характеризуются определенным материалом (веществом, материей) и его организацией. Материал объединения суть люди и материальная культура, то есть все то, что они создают и используют в своей жизни. С социологической точки зрения люди суть своего рода социальные атомы: они рассматриваются лишь как существа, обладающие телом, способным выполнять необходимые для существования действия, и управляющего телом органа (сознанием, задача которого обеспечить поведение тела, адекватное условиям его существования, и его самосохранение). Эти фундаментальные качества людей как социальных атомов распространяются и на объединения людей. Это должно приниматься и иметься в виду как одна из фундаментальных аксиом социальных исследований.

Человеческие объединения состоят из множеств людей. Современные общества, например, состоят из

десятков и даже сотен миллионов людей. Чтобы жить, они должны как-то организоваться, установить какой-то более или менее устойчивый порядок совместного бытия. Создание такого порядка зависит от сознания людей, но не есть дело их субъективного произвола. Имеют место определенные объективные закономерности на этот счет. Одной из самых фундаментальных из них является такая: чтобы человеческое объединение могло жить и сохраняться как целое, оно должно обладать управляющим органом. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся носителями и исполнителями функций управляющего органа (сознания), и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Если такое разделение не происходит или делается плохо, человеческое объединение оказывается нежизнеспособным, а то и вообще распадается, погибает. Так что образование управляющего органа, то есть органа власти и управления, является изначальным условием образования и сохранения человеческих объединений. Приглядитесь к многочисленным случаям образования, распада, взлета и упадка человеческих объединений, имевшим место на вашей памяти, и вы очевидным образом заметите действие упомянутого закона социальной организации. То, что произошло в нашей стране в последние годы, дает классически явный образец на этот счет.

Приведу еще несколько простых примеров таких законов, действие которых вы можете наблюдать в нынешней России почти что в лабораторно чистом виде. Управляющий орган в объединении должен быть один. Он может быть сложным, но сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два и более таких органов, между ними возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то орган, подчиняющий себе другие, претендующие на эту роль. Борьба за единовла-

стие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. И управляемое тело должно быть едино в том смысле, что в нем не должно быть частей, неподконтрольных управляющему органу объединения. Если такие части возникают, возникают конфликты, объединение в целом ослабляется, распадается, может стать жертвой нападений. За примерами далеко ходить не приходится.

Имеются социальные законы структурирования и функционирования самого управляющего органа, поскольку он сам становится большим и сложным объединением людей. Замечу, что деятельность путинской власти осуществляется как проявление и принудительная сила социальных законов такого рода, как бы он сам ни понимал реальность и какими бы ни были его личные намерения. Он действует в силу объективной необходимости. Это не означает, что каждое его действие абсолютно рационально и не подлежит критике. Я говорю о направленности его активности в целом, о ее социальной сущности. Нападки же на него в СМИ и в различных учреждениях, партиях, организациях и т. д. обнаруживают почти полную социологическую безграмотность его критиков. Если Президент не проявит должной настойчивости и последовательности, если поддастся советам и требованиям оппонентов, можно со стопроцентной уверенностью гарантировать то, что процесс деградации России не будет остановлен, как того и хотят стратеги западнистского глобального сверхобщества и их холуи и фактическая агентура в России.

Социальная организация

Базис общества (если уж употреблять слово «базис» не в смысле понятия, претендующего на научность, а просто как синоним слов общеразговорного языка

«основа», «фундамент» и т. п.) образует не экономика, а социальная организация, одним из компонентов которой является экономика. Но помимо экономики, в нее включается сфера власти и управления, правовая сфера, менталитетная сфера и другие. Причем они образуют единый комплекс, организующийся в соответствии с определенными социальными законами. С этой точки зрения страхи реставрации советской (коммунистической) социальной организации или, наоборот, надежды на такую реставрацию в нынешней России выглядят просто смехотворными. Те, кто видит в деятельности путинской власти тенденцию и даже стремление к такой реставрации, вырывают отдельные черты из комплекса черт реального коммунизма и сводят к ним весь комплекс. А таким методом коммунизм и деятельность по его созданию можно усмотреть в любой социальной организации и в деятельности любой власти, включая США и антикоммунистические правительства стран Запада. Что бы ни делала путинская власть, в ней при желании всегда можно будет усмотреть как прокоммунистическую, так и антикоммунистическую тенденцию, поскольку эта власть вынуждена считаться с общими законами формирования и функционирования социальных организаций.

Каждый компонент социальной организации имеет свои законы структурирования и функционирования. Имеются законы сферы власти, законы сферы хозяйства, законы менталитетной сферы. Они универсальны. Но они различно проявляются в зависимости от конкретных условий человеческого объединения в целом и от того, в каких отношениях находится та или иная сфера социальной организации с другими сферами. И на этот счет имеются свои социальные законы, — например, законы субординации, координации и соответствия компонентов социальной организации друг другу.

Согласно этим законам, не любые комбинации компонентов социальной организации и не любые их отношения дают жизнеспособные человеческие объединения. Совместить, например, в одной социальной организации коммунистическую власть, западнистское хозяйство и исламскую менталитетную сферу в принципе невозможно. В нынешней России невозможно создать нормально функционирующую систему власти и управления, игнорируя состояние хозяйственной и менталитетной сфер. Как бы идеально ни была организована налоговая служба государства, она ничто без соответствующей организации жизнедеятельности тех, кто способен платить налоги. Ни о каком благополучии и подъеме России и речи быть не может, если не будет должным образом организована сфера обработки человеческого материала. Можно идеально организовать аппарат власти и управления. Но если его укомплектовать плохо обработанным человеческим материалом, то он не будет работать так, как желательно.

Социальные организации различаются по типам, которые определяются типами образующих их компонентов и их взаимоотношениями. Семьдесят лет Россия прожила с коммунистическим типом социальной организации. Какой тип формируется сейчас в России и каковы его возможности и перспективы — это проблема первостепенной важности для судьбы нашей страны. Уже сейчас можно достаточно отчетливо видеть, что это — гибрид из черт трех различных типов: западнистского, советского (коммунистического) и дореволюционного российского. Первый навязывается российскому населению под давлением со стороны Запада и усилиями российской власти (сверху). Второй дает о себе знать в силу закона социальной преемственности (регенерации), поскольку сохранились значительные остатки советской систе-

мы и человеческий материал с опытом жизни в советских условиях. И третий пробивается из остатков прошлого и из идеализированных воспоминаний о нем. Ему покровительствует российская власть. Его поддерживает и питает некоторая часть российского населения (снизу). Насколько этот гибрид жизнеспособен и эффективен с точки зрения интересов выживания и подъема России, высказывать категорические суждения пока было бы преждевременным. А оставлять эту проблему на суд времени (время покажет!) в современном мире бессмысленно, так как такого времени вообще может и не быть, а суд истории может лишить проблему всякой актуальности. Я вижу выход из затруднения в теоретическом прогнозировании, исходящем из научного понимания социальной организации коммунистического и западнистского типа, а также эволюционного перелома в жизни человечества, который произошел во второй половине XX века.

Эволюционный перелом

Сущность эволюционного перелома, о котором идет речь, детально рассмотрена мною в книге, упомянутой в начале этой статьи. Я скажу о нем здесь лишь в той мере, в какой это нужно для рассматриваемой темы власти.

Рассматриваемый перелом заключается в том, что стали возникать человеческие объединения более высокого уровня социальной организации, чем традиционные общества, наиболее развитой формой которых являются «национальные государства» Запада — Англия, Франция, Германия, США, Канада и другие, — стали возникать сверхобщества. Социальная организация сверхобщества содержит в себе в снятом виде (выражаясь языком диалектики) компоненты социальной организации общества — государственность,

право, экономику, идеологию и прочие сферы. Над этими компонентами в сверхобществе вырастают своего рода «надстроечные» образования, соответственно сверхгосударственность, сверхправо, сверхэкономика, сверхидеология и т. д., которые образуют в совокупности новый уровень в социальной организации человеческого объединения. Этот уровень подчиняет себе социальную организацию общества. Так вырастает социальная организация сверхобщества.

Исторически первым сверхобществом огромного масштаба стал Советский Союз. После Октябрьской революции 1917 года в бывшей Российской империи стало формироваться не только общество коммунистического типа, аналогичное по эволюционному уровню западным обществам, но и объединение более высокого эволюционного уровня, какого тогда на Западе еще не было, — сверхобщество коммунистического типа. На Западе такого уровня объединения стали формироваться лишь после Второй мировой войны, причем под влиянием Советского Союза и в борьбе с ним.

Сейчас невозможно установить, было ли возможно образование реального объединения коммунистического типа на уровне общества или оно было возможно сразу лишь как сверхобщество. Во всяком случае, в практике жизни Советского Союза можно было наблюдать все основные явления, характерные для социальной организации общества, и кроме того — явления, выходящие за эти рамки.

Коммунистическая власть

Если бы даже было возможно восстановить коммунистическую (советскую) систему власти, это не означало бы восстановление коммунистической социальной организации в целом, ибо последняя, по-

мимо сферы власти, включала в себя огромное число первичных деловых коллективов, организованных стандартно и с определенными правилами функционирования, которые все разрушены и на восстановление которых нужны многие годы, усилия ряда поколений; единую хозяйственную систему, повязанную в целое тысячами связей, которые разрушены и на восстановление которых точно так же нужны многие годы; централизованную менталитетную сферу, пронизанную во многих измерениях мощным идеологическим механизмом, и многое другое, что тоже разрушено. Но если даже допустить, что все это восстановимо, то восстановление одной только сферы власти советского периода есть задача в обозримом будущем для России непосильная.

Советская (коммунистическая) сфера власти складывалась в течение нескольких десятков лет по многим линиям. Основные из них суть государственная, деловая и партийная. Первую линию образовывала иерархия советов разных административно-территориальных уровней. Советы состояли из центральных органов, избиравшихся на определенный срок прямыми, всеобщими, равными и тайными выборами, а также из сети подчиненных им невыборных учреждений, занимавшихся текущим управлением различными сферами подвластных регионов. Это был рабочий аппарат советов. Вторую линию образовывало управление различными сферами помимо государственной и партийной — иерархия органов начиная от деловых клеточек и кончая министерствами и Советом Министров страны. Обе эти линии оказались подчиненными третьей линии — партийной.

Третья линия коммунистической системы власти имела сложную структуру. Я скажу кратко лишь о ее ядре, стержне, остове — о том, что называли словом «партия» (КПСС). Слово это вводит в заблуждение,

поскольку КПСС не была партией в том смысле, в каком говорится о западных партиях и о партиях нынешней России. Это не просто один из видов партии. Это — компонент коммунистической власти. Ошибочно считать советское общество однопартийным — оно было вообще беспартийным. Но мне придется все-таки употреблять слово «партия» за отсутствием более подходящего понятия. Но читатель должен помнить сделанное выше замечание.

Партия состояла из множества первичных партийных организаций, сфера деятельности которых ограничивалась первичными деловыми коллективами, и партийного аппарата. Партийный аппарат начинался с районных комитетов и имел (в основном) территориальную иерархическую структуру. Комитеты состояли из выборных органов и подчиненных им невыборных учреждений, обслуживавших их. Партийный аппарат был частью системы власти, но такой, которая управляла всей остальной системой власти и управления. Это была власть над властью и через посредство последней власть над человеческим объединением в целом. Это была власть, можно сказать, второго уровня по отношению к традиционной государственной власти. Поскольку партийный аппарат был властью и над государственностью, он был сверхгосударственностью. Государственность была как бы продолжением и разветвлением этого аппарата. В обратном направлении государственность как бы стекалась в партийный аппарат и концентрировалась в нем.

Партийный аппарат не был легитимным подразделением государства, но вел себя как высшая власть — как сверхвласть. Он мог выполнять такую роль благодаря тому, что работники государственной (и деловой) власти были, как правило, члены партии и подчинялись как таковые партийным органам. Высшие лица государственной и деловой власти на всех

иерархических уровнях входили в органы партийной власти. Назначение на все важные посты в системе власти находилось под контролем партийных органов. Партийный аппарат имел в своем распоряжении миллионы членов партии в деловых коллективах, выполнявших его волю, контролируя таким путем всю массу населения. Наконец, партийный аппарат непосредственно распоряжался силовыми рычагами власти и идеологическим аппаратом, включая СМИ.

Чисто формально рассуждая, система власти Советского Союза была самой совершенной (по моим критериям) системой власти в истории человечества. Почему она допускала перебои и ошибки и почему она рухнула — это другой вопрос. Соответствующие проблемы я детальнейшим образом исследовал и описал в моих многочисленных сочинениях, к которым и отсылаю заинтересованного читателя. Замечу только, что все исторические победы и достижения обязаны прежде всего советской системе власти. И поразительно не то, что она рухнула, а то, что она так долго сохранялась. Отмечу также то, что одним из важнейших факторов исторического успеха этой системы было наличие величайшей в истории человечества нерелигиозной (светской) идеологии (эту тему я намерен рассмотреть в одной из последующих статей).

Постсоветская российская власть

Прежде чем сказать что-то об эволюции западного мира в направлении к сверхобществу, остановлюсь на нынешней российской власти в сопоставлении с властью советской.

Много говорится и печатается о тенденции путинской власти к советизму. Кое-кто даже поговаривает о движении к диктатуре (употребляют даже

слово «тоталитаризм») советского образца. Вспоминают даже сталинизм. Невежество этих людей и социологическая безграмотность поразительны, если не подозревать в их заявлениях сознательную антироссийскую пропаганду. В советской системе власти надо различать традиционную рутинную власть, касающуюся уровня государственности, и новаторскую, касающуюся сверхгосударственности. Путинская власть поступает вполне по азбучным правилам организации и исполнения власти, поскольку ограничивается первой частью. В сегодняшней России и это есть благо, поскольку речь идет о наведении элементарного общественного порядка. Но в силу необычайно трудных условий сегодняшней России и в силу закона социально-исторической преемственности путинская власть просто не может уклониться от каких-то действий в духе второй части. Без этого (я подчеркиваю это!) решение проблем первой части просто невозможно. Ведь и в сталинскую эпоху сталинское руководство начало создавать систему сверхвласти не потому, что у Сталина была научная теория на этот счет или идеологическая концепция, — никакой такой теории и концепции тогда и в помине не было (и до сих пор это остается лишь зиновьевскими идеями!), — а потому, что к этому вынуждали обстоятельства. Сталинское руководство встало на путь великого социального новаторства в силу исторической необходимости. Мне кажется, что ситуация, в которой оказался Путин, сходна с той, с которой имел дело Сталин. Но возможности повторить эксперимент Сталина в нынешних условиях у Путина близки к нулю. Для такого великого исторического эксперимента никаких условий нет. Возможна лишь некоторая пугающая похожесть и имитация внешних форм. Страшно не то, что возможен какой-то сталинообразный тоталитаризм, а то, что такой

тоталитаризм исключен. А что же возможно? Вернемся к этому вопросу, рассмотрев кратко западнистский путь к сверхобществу, включающий путь к сверхвласти.

Западнистский путь

Западный (западнистский) путь к сверхобществу, имея общие черты с советским (коммунистическим), отличается от него по целому ряду признаков. Укажу некоторые из них.

Условия, в которых складывается сверхобщество в западном мире, в значительной мере противоположны тем, в каких складывалось сверхобщество советское. Условия России: военная и послевоенная разруха, нищета, голод, хаос, безграмотное население, дефицит культуры, гражданская война, интервенция, блокада, угроза новой войны, новая война и т. п. Сверхобщество здесь складывалось сверху, по инициативе высшей власти. Социальная организация уровня общества была разрушена. Сверхобщество изобреталось в силу необходимости выживания в условиях предельной бедности и постоянной борьбы с врагами. Плюс к тому — огромная территория, разбросанность и разнородность населения, слабые связи между частями его. Можно сказать — условия «социальной пустыни». Условия Запада: баснословное богатство и изобилие, процветание всех сфер социальной организации общества, сказочный прогресс материальной культуры, благоприятные природные условия, высокая концентрация населения, высокое качество человеческого материала и т. д. Можно сказать — условия «социальных джунглей». Сверхобщество тут складывается снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации, в условиях триумфальных побед над советским коммунизмом и ус-

пешной борьбы за мировое господство. Основой тут стал расцвет западной демократии и экономики. Эволюция западного мира прорвала рамки социальной организации уровня общества и породила проблемы, для решения которых стал необходимым подъем на более высокий уровень социальной организации — на уровень сверхобщества. И важнейшим компонентом этого подъема явилось формирование сверхвласти.

Формирование сверхвласти западнизма шло и идет (процесс далеко не завершился) по таким двум основным линиям. Первая — разрастание сферы государственности и появление большого числа лиц, учреждений, организаций и т. п. вне государственности, но на ее основе и над ней, которые образовали сверхгосударственность — власть над самой гигантской сферой государственности. Вторая линия — разрастание и усложнение делового аспекта западных обществ и превращение денежного механизма во всеобъемлющий механизм управления обществом. Эти две линии слились воедино, так что образовался новый уровень в системе власти и управления, который одновременно является и сверхгосударством, и сверхэкономикой.

Хочу особо подчеркнуть то, что превращение денежного механизма в важнейший фактор системы власти и управления вовсе не означает, будто экономика является базисом западного мира. Тут произошло нечто более значительное, чем превращение экономики в господина над обществом. Тут денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человеческих объединений, выходящий за рамки социальной организации общества «сверху». Точнее говоря, сложился социальный феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве мощного

средства власти и управления современными гигантскими человеческими объединениями.

Если Россия и дальше пойдет по пути западнизации, то и в ней будет складываться такой механизм. И является грубейшей теоретической ошибкой рассматривать его исключительно как механизм экономики. Это — механизм управления деловой жизнью страны, включая экономику. Но он охватывает не только экономику. И функционирует он далеко не всегда по законам экономики.

Структура власти сверхобщества

Структура и закономерности власти сверхобщества изучены плохо, вернее — совсем не изучены на уровне научного понимания. Ее не отличают от структуры и правил власти уровня общества, сваливая в одну эклектическую кучу самые разнородные явления. Я здесь упомяну лишь об одном важном разделении властей на уровне сверхобщества.

Общеизвестно разделение властей на законодательные, исполнительные и судебные. Хотя это разделение всегда оставалось в значительной мере фикцией, а теперь вообще утратило серьезное значение, с ним всякого рода политики и теоретики до сих пор носятся, как дурни с писаной торбой (как говаривали в старой Руси, анемируемой теперь как путь к прогрессу). Со стороны западных манипуляторов российским реформаторам России была навязана не только идея этого исторического хлама, но и стремление претворить ее в жизнь. Что из этого получается — могло бы послужить материалом для смеха, если бы россияне не расплачивались за свое бездумное обезьянничанье неисчислимыми потерями. На самом же Западе реально важную роль играет совсем иное разделение властей, которое очевидным обра-

зом имело место в советское время и вполне оправдало себя.

Это разделение властей, о котором я говорю, обусловлено колоссальным увеличением объектов, подлежащих управлению (в сотни и порою в тысячи раз сравнительно с недавним прошлым), изменением типа управляемых объектов, изменением самого качества управления, огромностью подлежащих управлению объектов, огромностью ресурсов, вовлекаемых в управление, и т. д. Я имею в виду разделение власти на уровень руководства, на котором разрабатываются идеи и стратегические проекты огромного масштаба и определяются пути их реализации, и уровень руководства конкретными человеческими массивами в их повседневной жизни и процессами реализации упомянутой стратегии. Эти уровни, конечно, связаны. Но здесь важно подчеркнуть их различие. У них различные функции, различные масштабы замыслов, различные ресурсы исполнения замыслов. Грубо говоря, первый уровень есть функция сверхвласти, второй — власти как компонента социальной организации общества. Первый из упомянутых уровней в советское время принадлежал тому, что называли словом «Кремль», в современной западном мире — тому, что называют словом «Вашингтон». Только не следует отождествлять его с государственной властью США, поскольку она сама подконтрольна власти более высокого уровня — сверхвласти.

Российская ситуация

К тому, что говорилось выше о постсоветской российской власти, следует сделать дополнение с учетом сказанного о западнизме.

Постсоветская социальная организация России строится как попытка создания гибрида советизма

(коммунизма) и западнизма. Как уже было сказано, реставрация коммунистической сверхгосударственности практически (в реальных условиях в России и на планете) исключена. Возможны и предпринимаются меры по нормализации власти по общим социальным законам создания государственности и меры по созданию сверхгосударственности, но в рамках государственности, не над ней. Я имею в виду тенденцию превратить аппарат власти президента («Кремль») в нечто подобное советскому «Кремлю», но узаконенное конституционно, опереться на силовые структуры, сделать послушным «парламент» (Думу), создать некую партию власти, отдаленно напоминающую КПСС, но без недостатков и без репутации последней.

Одновременно этот гибрид государства и сверхгосударства (в дополнение к гибридизации советизма и западнизма) отрекся от того, что было одной из трех основных опор (власть, хозяйство, идеология) советского коммунизма, — от безраздельного владения ресурсами страны и от полного контроля за жизнедеятельностью первичных коллективов и отраслей деловой жизни страны, включая хозяйственную сферу. Тем самым якобы создаются условия введения западнистской социальной организации. Но допуская это, российская власть должна считаться не с идеологической райской картиной западного мира, а с реальным западнизмом, и в первую очередь — с тем, что западнизация в современных условиях неизбежно порождает и требует денежного механизма в качестве компонента сверхгосударственной власти. При всем желании россиян приобщить Россию к высотам и благам западной цивилизации Россия все-таки не Запад. А для создания денежного механизма, маломальски близкого к западному, в России требуется целая историческая эпоха обламывания человеческого материала, создания «технического» механизма денежного тоталитаризма и острейшей социальной

борьбы, включая драконовские меры в отношении противников такого пути. Есть ли на это у России силы и время? Смирится ли Запад с превращением России в суверенное мощное сверхобщество западного типа? Западу не нужна мощная суверенная, независимая от Запада Россия в любом виде — как в коммунистическом, так и в западнистском.

Так что же остается? То, что Россия уже имеет: гибрид советизма и западнизма с поползновениями на уровень сверхобщества, но удерживаемый на более низком уровне социальной организации — на уровне общества, который сами страны западного мира успешно преодолевают.

Декабрь 2000 г.

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Приближается рубеж столетий и даже тысячелетий. Явление символическое, а значит — условное. Но условность условности — рознь. Одно дело — если она касается ограниченного множества людей и ограниченного множества их действий. И другое дело — если она касается многих миллионов людей и их огромного числа жизненно важных действий, да к тому же во множестве поколений. В таких случаях символы играют огромную организующую роль. В таких случаях они становятся реалиями человеческого бытия не в меньшей мере, чем сами люди и их дела. А порою они даже становятся своего рода божествами, властителями человеческих душ и тел. Ничего мистического в этом нет. В таких случаях символы становятся воплощением (материализацией) отчужденного сознания и воли миллионов человеческих масс.

Возьмем, например, такие символы, как герб, гимн и флаг страны. Такие символы не просто обозначают принадлежность людей к определенному их

объединению. Они суть социально значимая и признанная форма выражения единства этого объединения и отношения людей к своему единству. Не случайно проблема этих символов в нынешней России так затронула умонастроения россиян. Тут речь идет не просто о рисунках, красках и звуках, а о том, что мы, россияне, есть не сборище множества разрозненных индивидов, а нечто единое целое. Речь идет об оценке того, как мы прожили прошедшие годы и в каком качестве намерены жить далее.

Сейчас остро встала проблема: что делать с останками Ленина? Это — тоже проблема символа огромного масштаба. Даже масштаба более значительного, чем символы России, — масштаба эпохального, даже эволюционного. Отдают ли себе отчет те, кто хочет изъять останки Ленина из Мавзолея и где-то захоронить, в том, что это действие будет символизировать похороны целой исторической эпохи и эволюционной линии человечества?! Но независимо от того, понимают они это или нет (скорее всего — нет), согласие россиян (а это — условность!) на это разрушение величайшего символа XX столетия не может не отразиться на их судьбе в наступающем столетии.

Рубеж столетий — символ, символ огромной важности и силы. Это — концентрированная и общественно значимая постановка перед огромными массами людей проблемы эпохальной: чем был для человечества прошедший XX век и какую печать он наложил на судьбу человечества в наступающем XXI веке? В отличие от других символов такого рода, приближающаяся дата обладает одной уникальной особенностью, все великие события, предопределившие судьбу человечества в XXI веке, уже произошли в XX веке. XXI век будет веком реализации потенций и тенденций, сложившихся в XX веке. ЭМБРИОН БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА УЖЕ РОДИЛСЯ. В наступающем XXI веке ему предстоит взрослеть и прояв-

лять унаследованную от XX века натуру. Проблема в том, в чем именно заключаются эти события, потенции и тенденции XX века, что именно представляет из себя родившийся эмбрион будущего человечества.

Судьба России, волнующая нас, россиян, больше всего, составляет неотъемлемую часть мирового процесса. Более того, проблема будущего человечества есть прежде всего проблема исторической судьбы России.

В XX веке произошел великий перелом в социальной эволюции человечества — произошел подъем ведущих стран планеты с уровня обществ на более высокий уровень социальной организации, а именно — на уровень сверхобществ. И первым в истории сверхобществом огромного масштаба, оставившим неизгладимое воздействие на эволюцию всего человечества, был Советский Союз. Западный мир отстал от него в своем социальном развитии на много десятилетий. Переход от эпохи обществ к эпохе сверхобществ в западном мире начался только после Второй мировой войны, причем под влиянием Советского Союза и в ожесточенной борьбе с ним, длившейся более полувека. Победа Запада в этой борьбе, распад советского (коммунистического) блока и самого Советского Союза, разгром советского (коммунистического) социального строя в странах бывшего советского блока, включая в первую очередь Россию, интеграция Запада, образование западнистских сверхобществ и глобального западнистского сверхобщества, глобализация человечества, — вот основные события и результаты XX века, породившие эмбрион будущего человечества. Как видим, наша страна оказалась в главном потоке человеческой истории прошедшего столетия. И то, что с ней произошло в конце его, стало одним из главных факторов, определивших характер этого потока в наступающем веке.

В XX веке наша страна совершила беспрецедентный эволюционный эксперимент в человеческой истории — осуществила социалистическую социальную революцию, в чудовищно трудных условиях построила коммунистическую социальную организацию, благодаря ей сумела отстоять свою независимость в войне с сильнейшими в истории захватчиками, благодаря ей (социалистической революции) сумела добиться баснословных успехов во всех сферах социального бытия и стать одной из мировых сверхдержав, возглавила новую линию социальной эволюции, стала образцом для большинства народов планеты, ранее находившихся в униженном и угнетенном состоянии. Но, увы, мы уже не можем включить это все в достижения XX века, которыми мы, россияне, могли бы гордиться. Эти достижения разрушены, изуродованы, оклеветаны, умышленно замолчаны, сознательно искажены. Нас вынуждают признать в качестве достижений века то, что должно было бы стать признаками слабости, падения, позора.

Что ждет нас в наступающем XXI веке?

Пожинать плоды антикоммунистического переворота, произошедшего в горбачевско-ельцинские годы, мириться с постсоветским социальным строем и укреплять его своей повседневной жизнедеятельностью, привыкать к новой системе ценностей, привыкать к новому социальному и экономическому расслоению населения, привыкать к сказочному богатству одних и к нищете других? Все это пришло надолго и всерьез как закономерные следствия западнизации и глобализации, которые идут весьма интенсивно. Вырваться из этого нового для России эволюционного потока — проблема в нынешних условиях вряд ли разрешимая. Да и сами россияне не проявляют особого стремления освободиться от этого.

Разумеется, какие-то улучшения возможны, как и какие-то ухудшения. Но качество жизни и соци-

альные рамки, в которых она будет протекать, уже установлены. Радикальные изменения их в обозримом будущем не предвидятся. А если даже какие-то шансы на этот счет появятся, то на их реализацию потребуется целая историческая эпоха, условия для которой могут вообще не появиться.

Мы, россияне, должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, праздников и развлечений, а веком ожесточенной борьбы одних — за выживание, других — за господство над первыми, одних — за национальные интересы России, других — за закабаление ее глобальным западнистским сверхобществом. Рассчитывать на то, что произойдет какое-то чудо, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, — бессмысленно. Все зависит от нас самих, от того, сможет наш народ выдвинуть из своей среды достаточное число мужественных, честных и умных людей или нет, сможет народ поддержать борьбу этих людей за его же интересы или нет, окажется власть и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет. Это — все азбучные истины социальной борьбы. Их следует принять не просто как общие фразы, а как практически действующие принципы поведения.

Александр Зиновьев

Москва, 14 декабря 2000 г.

Александр Александрович Зиновьев

ГИБЕЛЬ РУССКОГО КОММУНИЗМА

Ответственный за выпуск *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректоры *Т.В. Вышегородцева, И.А. Филатова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 12.01.2001
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 18,78
Тираж 7000 экз. Заказ № 153

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Начиная с 1985 года главным объектом творчества всемирно известного писателя А.А. Зиновьева стали события в Советском Союзе и затем в обособившейся России, результатом которых был антикоммунистический переворот, а также события в России постсоветской. На Западе и затем в России были опубликованы его многочисленные книги и статьи на эту тему. В новую книгу А. Зиновьева вошли: очерк «Гибель русского коммунизма» (в России публикуется впервые); статьи, относящиеся к горбачевско-ельцинскому периоду, опубликованные в журналах и газетах на Западе и в России; статьи и публичные выступления послеэмиграционного периода.

Почему и как произошел в России антикоммунистический переворот? К каким последствиям он привел? Какой социальный строй сложился в России вместо разрушенного коммунизма? В каком положении оказалась Россия по отношению к глобальному сверхобществу? Каковы ее перспективы в наступающем тысячелетии?

К решению этих проблем А. Зиновьев подходит с позиции своей оригинальной теории, которая неоднократно позволяла ему делать подтвердившиеся прогнозы. Особый интерес представляют работы, посвященные анализу и оценке наступившего путинского периода постсоветской русской истории.

ISBN 5-227-01229-6

9 785227 012296

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®